

Владимир Романовский

Польское наследство

третья книга Русской Тетралогии

Владимир Дмитриевич Романовский

Польское Наследство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7341525

ISBN 978-5-4474-1767-3

Аннотация

В этой части Русской Тетралогии герои повзрослели, некоторые постарели. События, в которых они принимают деятельное участие, происходят по всей Европе, от Урала до Гибралтара. Союз Ярослава с Новой Римской Империей ведет к усилению одних сил за счет других. Деятельная сестра Ярослава как всегда – в центре событий.

Содержание

Пролог. Весенние свидания	5
Глава первая. Странный узник	18
Глава вторая. В «Ла Латьер Жуайез»	22
Глава третья. Посольство	29
Глава четвертая. Дело наследника престола	37
Глава пятая. Совет Содружества	48
Глава шестая. Поле чести	56
Глава седьмая. Fäder och Söner ¹	61
Глава восьмая. Речь в Святом Этьене	96
Глава девятая. Новая власть	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Польское наследство
третья книга Русской Тетралогии
Владимир Дмитриевич Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

© Владимир Дмитриевич Романовский, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог. Весенние свидания

Есть такой непреложный неписанный закон бытия – ежели случилось с тобою что-то хорошее, радуйся да помалкивай. Хорошее – хрупко оно, мельчает от сплетен, плохо переносит злословие, от осуждения бежит. Люди умные радуются хорошему тихо, справедливо полагая, что нельзя ни очернить, ни осудить, ни отобрать то, о чем никто не знает.

А было так – пришел молодой человек на хвост (фейт, на местном наречии) в резиденцию правителя. Резиденция на местном наречии именовалась «пале», то бишь, дворец, палаццо. Ни мрамора, ни известняка, ни кирпича – полированные доски везде, кроме главной залы. Тот еще пале. Стоял он, пале, над рекой, по вечерам от реки (а была ранняя весна) дул влажный ветер, огонь (фё, на местном наречии) в печах и камине влагу эту разогревал, к влаге примешивался запах свежеготовящейся еды, к нему присоединялся запах недельных обедков, а когда зал наполняли гости, то добавлялся запах немытых тел, и становилось душно, и непривычные с трудом даже четверть часа выстаивали, но наш молодой человек был парень упрямый, и выстоял, и через час привык.

Одет он был не слишком провинциально для прибывшего из Саксонии – успел приобрести и обновить длиннополый цветастый кап, кожаную обувь местной выделки, онучи из грубого льна, и короткие порты из толстой материи – так что в толпе гостей немногие обращали на него внимание, и даже самые страстные среднего возраста женщины не останавливали на нем взгляд – надеялись, вероятно, что им в этот вечер получше что-нибудь перепадет. Это слегка уязвило юношескую гордость молодого человека, но в целом такое положение грунок его вполне устраивало – он ведь хотел поближе познакомиться с местными обычаями, оставаясь при этом незаметным.

Нежные, ни разу еще не тронутые лезвием усики и борода делали его похожим на сына какого-то обнищавшего мавросокрушителя, но при ближайшем рассмотрении становилось понятно, что не из Иберии он родом. Представлялся он, когда это оказывалось нужным, именем Стефан – имя банальное, на происхождение не указывающее. Глубоко посаженные зеленые глаза – это, само собой, от западнобережных варангов, в Исландию глядящих. Прямоугольные скулы – из Саксонии. Пухлые губы везде бывают, но тип пухлости губ данного молодого человека, «Стефана», явно от славян происходил.

Изъяснялся молодой человек на местном наречии свободно. И то сказать – недалеко оно, наречие, ушло от хорошо знакомой ему латыни, а германские слова, вкрапленные в латынь, саксонцам родные. Галльские же обороты – а местность, куда прибыл молодой человек, принадлежала некогда галлам – успехом пользовались лишь среди простонародья, коему в пале доступ был закрыт (не из спеси, а чтобы скучно не было. С простым народом часто бывает скучно. Либо стесняются, и слова и них не вытянешь, либо хамят, и потом их выставлять приходится – что, конечно же, развлечение, но не каждый же вечер так развлекаться – надоедает).

Осанка молодого человека – о, да, с такой прямой спиной и прямым взглядом простолюдинов не бывает. Хотелось бы, чтобы бывали – а вот нету.

Ну и, стало быть, пришел молодой человек на фейт в честь какой-то давней исторической драки со свердомаханием, в коей драке далекие предки жителей сего города одержали во время оно верх над противником – огляделся, перекинулся несколькими фразами с другими гостями, поискал правителя страны, который должен был, вроде бы, присутствовать – молодому человеку хотелось на правителя поглядеть, знакомы они не были – но правитель все не выходил к гостям. Тогда молодой человек присоединился к какой-то веселой группе, а группа располагалась вокруг позолоченного шеза, а на шезе сидела в непринужденной позе

немолодая, но все же симпатичная женщина, благосклонно слушая остроумничающих юношей и девушек и время от времени вставляя не менее остроумные замечания.

– А скажи-ка, друг мой, – обратился наш Стефан к стоящему рядом юноше, с которым был мельком знаком, – что это за женщина такая? На шезе?

– О, ты не знаешь? Вообще-то ее никто не знает. Зовем ее Сорсьер, но, сам понимаешь, что это – шутка.

Стефан поклонился, благодаря за ответ. Он слышал про эту Сорсьер – явилась неизвестно откуда с непонятной свитой, пришла на фейт, и всех поразила – и остроумием, и красотой. Ну, с красотой явно преувеличили – никакой особой красоты в Сорсьер он, Стефан, как ни старался, не разглядел. Ноги коротковаты и толстоваты, и это очень заметно, как ни прикрывай их непринужденно капом. Широкий тяжелый зад. И вся она какая-то слишком гладкая, обтекаемая. Грудь явно отвислая – небось шутнице под сорок, или за сорок. Волосы тонкие и негустые. Каштановые. Черты лица – северные, ничего экзотического, невиданного – и морщинки возле глаз дополнительно ее портят.

А только задела что-то она в Стефане. Так вышло. Хотел Стефан показать, какой он знающий да искушенный во всех областях – кругом ведь сверстники стояли – запустил что-то по поводу того, какая в этом городе река грязная, пить воду нельзя – местные было обиделись, но Сорсьер спасла положение, сказав, —

– Что-то я не помню случая, чтобы кто-то в этом городе пил именно воду.

Не слишком изящная шутка, но – всем понравилась. А Стефан замолчал, пристыженный. А потом отошел куда-то, походил по залам, посмотрел в узкое окно на эту самую реку.

Подавали ужин, и потом еще какую-то еду, дымящееся варево.

Сделалась глубокая ночь, а за ней утро. С первыми лучами солнца толпа в главной зале поредела, и Сорсьер засобиралась – вежливо отклоняя предложения проводить ее до самого дома. Отклоняла с таким величием, что настаивать никто не решался. И когда, прошествовав надменной походкой сквозь зал, вышла она – через вестибулум, пахнувший отвратительно, во двор, по которому бродили сонные овцы, а затем и на освещенный рассветом зябкий страт – никто за ней не последовал. Так она думала, во всяком случае.

Было холодно и влажно. Влага пропитала город – землю, постройки, деревья, людей. Весеннее солнце, в те дни, когда оно проглядывало, не успевало высушить местность, и остаточная влага смешивалась со свежей.

Стефан сохранял дистанцию в пятьдесят шагов. Сорсьер куталась в короткий фишу поверх длинного капа, поправляла, снова куталась. Походка ее на страте оказалась тяжело-вата, а кутание в фишу дополнительно ее старило. Но Стефана эти подробности не смутили, скорее наоборот. Ему понравилось. Молодые женщины скачут, как козы, пружинят без толку, и выглядят глупо. Если честно.

Держась ближе к стенам и заборам, Стефан следовал за Сорсьер. Шла она по направлению к заброшенным римским баням. Возбужденный вином и бессонной ночью, Стефан дал волю фантазии, придумывая всякое. Например, женщина эта – долгожительница, живет на земле не первую сотню лет. С памятью у нее из-за этого плохо, вот и решила она по рассеянности, что бани эти функционируют, как функционировали семьсот лет назад, и нужно помыться после дурнопахнущего пале. Подойдет к баням, вспомнит, скажет, «Ах, да, правда...» и двинется дальше, к дому. А может она и вправду волшебница, как прозвище, данное ей местными, свидетельствует. Тогда вместе с ней я покорю весь мир, и мне не нужно будет постригаться в монахи. А еще может быть, что богатая она несказанно. И если полюбит она меня, а я ее (впрочем, кажется, я ее уже люблю, подумал он), то будет у нас с нею ужасно интересная жизнь. А еще, ежели она волшебница, то может превратить меня в какую-нибудь гадость несусветную, если ей что-нибудь не понравится во мне. Следует быть вежливым.

Размышляя таким образом, он увлекся и чуть не пропустил момент, когда женщина остановилась. Не у мезона, не у забора, а просто так, посреди страта. Стоит и стоит себе. Стефан тоже остановился. Женщина сделала несколько шагов и снова остановилась. Он решил, что прятаться дальше неприлично. Она может принять его за невежу, или за вора. А он шел за ней, чтобы сказать ей несколько слов наедине. Показать ей, что он не провинциал какой-нибудь, как она давеча, наверное, решила. И Стефан, ускорив шаг, а затем и побежав, приблизился к Сорсьер.

– Я видела тебя в пале, – сказала она.

– Да, Сорсьер.

– Кажется, Стефан?

– Да.

– Зачем же ты за мною увязался, Стефан?

– Просто так.

– Не проводишь ли ты меня до дому? Просто так? А то я, кажется, рано ушла, народу на стратах нет совсем.

– Провожу.

– Благодарю. Позволь опереться на твою руку.

– Изволь.

Они пошли вместе.

– Где живешь ты, Сорсьер?

– На Рю Ша Бланк.

– В таком случае, мы идем не в ту сторону. Рю Ша Бланк – вон там.

– Нет, мы правильно идем.

– Неправильно.

– Не спорь со мною, Стефан.

Стефан был уверен, что Улица Белой Кошки – к северу от пале, а не к северо-западу. Подумав, он решил, что так даже лучше – сперва они пойдут неправильно и далеко, Сорсьер опомнится, осознает ошибку, и тогда он приведет ее на Рю Ша Бланк – а тем временем он с нею поговорит.

– Откуда ты родом, Стефан? – спросила она, шагая степенно, опираясь на его руку.

Он хотел было ответить – и не смог. Ощущение ее руки возле его локтя привело его в замешательство. Прикусив язык, чтобы не сказать глупость, Стефан попробовал успокоиться, а только ничего у него не вышло. Тогда Сорсьер убрала руку и спрятала ее под меховой фишу. Стефан обиделся и растерялся.

– Так откуда же?

– Из Саксонии.

Она улыбнулась.

– Ну, как знаешь.

– Что ты имеешь в виду? – сердито спросил он. – Что «как знаешь»?

– Я понимаю – у тебя есть причины скрывать свое имя. Как у меня, например. Ну а страну-то зачем?

Он засмутился, а затем и разозлился, решив, что ничего интересного теперь не будет.

– Родился я в Гнезно, – сердито сказал он.

Она внимательно на него посмотрела.

– Да, похоже.

И снова положила руку ему возле локтя, не замедляя при этом шага.

– А ты? – спросил он, снова теряясь.

– Расскажу потом как-нибудь.

У Стефана защекотало одновременно в животе и в икрах. «Потом как-нибудь» означало, что Сорсьер намерена поддерживать с ним отношения. То есть, согласна стать его любовницей.

– Мне здесь одиноко, – сказала она. – Прислуга надоела, спутница раздражает – мы с нею больше двадцати лет знакомы. Будешь время от времени заходить, говорить чего-нибудь, рассказывать, вот и развлечение – и мне, и тебе. А то такие вечеринки, как давеча в пале, я не очень люблю. Да и пахнет в пале отвратительно.

Совершенно сбитый с толку, Стефан молчал, а Сорсьер улыбалась. Так они прошли еще два квартала – и вот, пожалуйста, вопреки ожиданиям Стефана, вот она – Рю Ша Бланк. Стефан ничего не сказал. И Сорсьер ничего не сказала. Очевидно, обращать чье-то внимание на доказательства своей правоты было ниже ее достоинства, ибо она была всегда права.

– Зайди со мной, если хочешь, – предложила она непринужденным тоном, стуча в дверь выполненным под подкову молотком.

– Хочу, – глупо сказал Стефан и покраснел.

Дверь отворила сонная служанка, похожая на тумбу.

– Здравствуй, болярыня, – сказала она по-славянски, хриплым голосом, искусственно радуясь возвращению хозяйки.

– Пошла вон, – без злобы, по-деловому, откликнулась Сорсьер.

Знаков Стефану она никаких не подавала, а только понял Стефан, что нужно ему за нею следовать. Они пересекли вестибулум и оказались в одном из помещений – сундуки какие-то, подслеповатое окно, шезы. Кладовая, что ли? Сорсьер открыла дверь и на этот раз кивнула Стефану, развеивая его сомнения. За дверью оказалась спальня с широким ложем, покрытым парчой. Пахло кошками.

– Кис-кис, – позвала Сорсьер, но никто на ее зов не откликнулся. – Ну и леший с тобой, – добавила она по-славянски. Перейдя неожиданно на саксонский, объяснила, – Редкая мерзость, этот наш кот. Но надо отдать ему должное – мышей нет, всех распугал. Прямо не кот, а Базиль Болгаросокрушитель.

Неподалеку от ложа оказалась еще одна дверь.

– Посиди здесь, я сейчас, – велела Сорсьер, указывая Стефану на шез – и скрылась за дверью.

От нечего делать Стефан стал разглядывать потолок и стены – грубой отделки. Все функционально и уныло. И то сказать – дерево. Побывав в детстве в Риме, Стефан хорошо помнил красивые линии, орнаменты, изящество каменных построек. На севере холодно, строить из камня не с руки. Ходили слухи о новгородском умельце, с благоволения правителя изгиляющемся с большим размахом, лихо сооружающем деревянные конструкции по всем правилам античной архитектуры – что ни вход, то портик, что ни сход стены с потолком, то карниз, фриз, и архитрав, но верилось во все это плохо. Нет, так красиво, как в Риме, на севере не построишь, да и секреты древние утеряны – особая известка, то, се – а тут так и будут стоять деревянные мезоны, и прогнивать от влаги, каждое утро поднимающейся с реки, и каждый второй день морсящей с неба.

– Зайди, – сказала, высунувшись в дверь, Сорсьер.

Стефан, чуть поколебавшись, шагнул внутрь – оказалось – умывальной комнаты. Высокий потолок, и окна под самым потолком – чтобы с улицы никто не заглянул. А Сорсьер в одной лишь длинной рубахе до полу, босая. Кругом какие-то массивные предметы из дерева, несколько ховлебенков. В огромной печи горел огонь, в помещении было тепло, приятно. Над огнем помещалось на металлических брусках нечто вроде гигантского котелка – или небольшого котла – странной формы. Огонь, очевидно, развели здесь заранее – от котла шел пар. Четыре прямоугольных ящика из толстых досок, что-то среднее между уменьшен-

ной копией кнорра (богатые дети играют, катаются вдоль берега) и кормушки для скота, стояли рядышком.

«Лохань», вспомнил Стефан, славянский вариант греческого «лакане».

– Возьми вон тот бочонок, – велела Сорсьер. – И носи его сюда.

– Зачем? – удивился Стефан.

– Увидишь.

Пожав плечами, он подволок массивный бочонок к лоханям.

– Лей половину в крайнюю.

Немного подумав, Стефан приподнял бочонок и отлил из него половину – холодная вода.

– Теперь вот в эту, – Сорсьер указала на лохань, стоящую рядом.

– Мы белье будем вместе стирать? – осведомился Стефан. – Ты – прачка?

Сорсьер засмеялась – звонко, мелодично, искренне. Стефан тоже хохотнул.

– Лей, не бойся.

Следующий приказ Сорсьер озадачил Стефана.

– Подкати лохань к печи.

Порассматривав лохань, он обнаружил, что стоит она на небольшой но прочной скринде – как уменьшенная копия скринд, на которых купцы и вояки тащат кнеррир от одной реки к другой.

– Берись вон за тот рычаг. Возле котла. Правильно. Наклоняй котел, но только осторожно, не ошпарься.

Потянув рычаг, Стефан увидел, как котел наклоняется.

– Осторожнее!

Кипяток хлынул в лохань.

– Хватит! Стой!

Стефан выпустил рычаг. Качнувшись, котел встал на место.

– Откати лохань, подкати вторую.

Теперь в обеих лоханях была теплая вода.

Сорсьер вручила Стефану глиняную кружку, до краев наполненную какой-то подозрительной слизью.

– Что это?

– Галльский бальзам. Здесь, на его родине, его почему-то забыли. Разденься, сядь в лохань, затем встань, и потри бальзамом те места, от которых больше всего пахнет.

Притирания какие-то, подумал Стефан. Но, будучи в душе авантюристом, поставил кружку на ховлебенк, расстегнул пряжку капа, развязал сентур. Тем временем сама Сорсьер, не снимая рубашки, села в лохань. Встала – мокрая – и стала себя тереть слизью через рубашку. Стефан стянул боты, развязал онучи, скинул дублет, стянул рубаху через голову, и остался совершенно голым. Сорсьер посмотрела на него искоса.

– Ишь ты, Аполлон, – сказала она. – Лезь в лохань.

Шведы и датчане моются в бочках. Восточные славяне – то в бочках, то в лоханях. Стало быть, я имею дело с восточной славянкой, подумал Стефан. Забавно. Без опаски он опустил тело в лохань, встал, и потерся слизью – под мышками, в паху, между ягодицами.

– Садись, – велела ему Сорсьер, и погрузилась в свою лохань.

Некоторое время они сидели в лоханях молча.

– Нравится? – спросила Сорсьер.

– Да, – признался Стефан.

Действительно – приятно. Особенно после четырех недель холодной влаги – в воздухе, в деревьях, в домах, в одежде. Почти горячая вода ласкала кожу, поры благодарно расширились, у Стефана потекло из носа.

– На.

– Что это?

– Тряпка. Чистая. Не сморкайся на пол.

Он высморкался в чистый лоскут.

– Можешь бросить.

Он бросил.

Настоящий саксонец – человек мужественный, ему не пристало нежиться в лохани с теплой водой, будто младенцу. Ну да ведь не обязательно об этом рассказывать кому-то. Случилось с тобою приятное – радуйся да помалкивай. Стефан потянул прочищенной носоглоткой воздух и позволил себе возрадоваться. И искоса посмотрел на Сорсьер. Намокшие волосы ее казались теперь еще тоньше и реже, чем раньше. Надменность куда-то исчезла, и лицо женщины сделалось проще – покраснелись щеки, серые глаза утратили таинственность и силу. Тонкие бледноватые губы стали обыкновенными губами женщины средних лет. Обозначилась и уточнилась лишняя, возрастная складка под начинающим оплывать подбородком.

– Давно ты в городе этом? – спросила она, обнажая мелковатые, не очень белые зубы.

– Четыре недели.

– Нравится?

– Не так чтобы ... Какие-то они здесь...

– Дикие?

– Распущенные.

– А ты во многих городах бывал?

– В Риме был один раз. В Майнце был, в Лейпциге. Вообще-то я хотел бы ... посмотреть...

– Ну, ну?

– На богатые города. Знаменитые. Киев, Константинополь. Говорят – красивее Рима.

– Менее запущенные, – объяснила Сорсьер.

– Да. К тому ж я в родстве с киевской знатью.

Этого говорить не следовало, да и какое там родство – отдаленное, семиюродное, через шведов – а через шведов в мире вообще все люди друг другу родственники.

Через некоторое время под словесным руководством Сорсьер Стефан вычерпал специальным черпаком воду из лоханей до половины и подлил горячей из котла – тоже черпаком. И снова залез он в лохань – нежиться. Некоторое время спустя, следуя инструкциям Сорсьер, он извлек из одного из сундуков в углу две белоснежные льняные простыни. Сорсьер, нисколько его не стесняясь, стащила мокрую рубаху через голову и завернулась в простыню. Во вторую простыню Стефан не очень умело завернулся сам. Переместясь в спальню, Сорсьер не суетясь забралась в ложе, простыню бросила на пол, и посмотрела на Стефана.

– Иди ко мне, чего зря стоять, ноги замерзнут.

Будничный, совершенно непохотливый ее тон привел Стефана в величайшее возбуждение. Он не смог сдержаться, да и не знал, как это делается, и успел только, стоя перед ложем, повернуться с Сорсьер спиной. Выброс семени получился щедрый, обильный.

И услышал за спиной хихиканье.

– Иди сюда.

– Нет.

– Не дури.

Он сел на ложе и собрался было посидеть молча некоторое время, но ему не дали. Он почувствовал прикосновение губ сзади к позвонкам. Его обхватили руками, потащили, опрокинули на спину. Его ласкали и нежили, а потом сели на него сверху, и все его мысли о том, о сем куда-то подевались. Радость и приятствие сделались невыносимыми, и не хоте-

лось, чтобы это кончилось, и оно не кончалось, и продолжалось, нарастая, и Сорсьер начала глухо и глубоко стонать, и упала на него, и он прижал ее плечи и грудь к своей груди, и терся губами о ее ухо и щеку, и горячая оргазменная влага соединилась с новым выбросом семени, и Стефан вскрикнул, и крепче прижал к себе Сорсьер.

А потом он перевернул ее на спину и стал неумело ласкать и целовать – сперва шею, затем небольшую, мягкую грудь и темные соски, и живот, и пах, и бедра, и колени, и ступни, а она молчала, и только блаженная улыбка играла на совершенно простом теперь ее лице. И снова он вошел в нее, теперь уже сам, и глаза ее увлажнились, расфокусировались, широко открылись, загорелись страстью, и низкие глухие стоны перемежались с отрывистыми криками на странно высокой ноте. И казалось, что ласкам не будет, да и не должно быть, конца.

Некоторое время спустя любовники провалились в зыбкую, фрагментарную дрему. Проснувшись первой, Сорсьер отлучилась на полчаса, и вернулась с едой и итальянским вином. Свиной брешетт, овощи, хлеб. Все это показалось Стефану удивительно вкусным. Сорсьер показала ему, как жевать смолу, чтобы зубы были чистые – ему понравилось. Возобновились ласки. Сделался вечер, и ночь, горела свеча возле ложа, и настало следующее утро. К полудню Сорсьер, с черными кругами под глазами, с плывущим взглядом, сказала, что ей нужно отлучиться по каким-то делам, и что она вернется к вечеру. Вот еда, вот вино. Никуда не уходи.

А зачем уходить? Куда уходить? Все, что ему, Стефану, нужно – здесь.

Она ушла, закрыв, но не заперев, дверь. Она явно была в этом доме главная, поэтому в спальню никто войти не решится – он, Стефан, здесь хозяин. Он хотел было подремать, но не вышло. Тогда он выпил все вино, оставленное ему, и съел все, что Сорсьер принесла давеча. Сорсьер не возвращалась, и заняться было нечем. Он прошел в умывальную комнату. Сняв с отходного бочонка крышку, поссав и посрав, Стефан почувствовал вдруг желание быть к приходу Сорсьер абсолютно чистым. Разведя огонь в печи, он подкатил лохань, и некоторое время слонялся по умывальной в ожидании момента, когда вода в котле достаточно нагреется. Облив себя водой из одной из бочек, он натерся с ног до головы галльским бальзамом, налил горячей воды в лохань, разбавил холодной, и лег в приятную теплую влагу.

Ничего ровно плохого в этом нет, думал Стефан. Принимать омовение приятно. В древние времена римляне каждый день ходили в баню – а разве можно назвать их, древних римлян, хозяев мира, неженками? Нет, нельзя.

Как долго не идет Сорсьер! Не дождусь, умру от нетерпения.

В первый раз за все время, проведенное в доме, он прислушался.

Толстые доски приглушали звуки, производимые другими обитателями дома – а обитатели явно наличествовали. Возможно, у дома имелся второй вход. По второму уровню, над головой Стефана, ходили. Там разговаривали. Там что-то роняли. Прислуга. Ах, да, еще и «спутница». У Сорсьер есть спутница.

Стефан вылез из лохани, замотался в льняную простыню, и вернулся в спальню. В этот момент – так совпало – в дверь стукнули несколько раз. «Никто не посмеет войти». Ну, что ж – стучать это ведь не входить. Но кто стучит? Прислуга знает, что хозяйки нет дома. «Спутница» тоже наверняка осведомлена. Чужие? Опасные? У Стефана не было с собой даже кинжала. Спрятаться? Нет, не надо.

Стук повторился.

Стефан шагнул к двери и рывком ее открыл. За дверью оказался парень крупного телосложения, белесый, с простым лицом, одетый как ... как ... так одеваются недоросли, алумни, постигающие науки в школах Болоньи, да и здесь. Роба, а на ногах обыкновенные клоги, деревянные. Шапка набекрень. Неряшлив.

– Здравствуй, – сказал парень, глядя на Стефана ясными голубыми глазами. – Я – Нестор.

– А я Агамемнон, – ответил Стефан. – И что же тебе тут нужно, Нестор?

– Агамемнон – красивое имя.

– Ну и?

– Я пришел ... вот...

– Это я вижу, что ты пришел. Интересно было бы узнать, когда ты уйдешь.

– Я...

– Ты искал что-то? Кого-то?

– Я ... в общем, я, наверное, не туда попал. Со мной это случается, я очень рассеян бываю порой.

Он улыбался, без стеснения разглядывая Стефана.

– Нестор! – раздалось из смежного помещения. – Нестор! Где тебя носит!

– Я здесь! – радостно и громко закричал Нестор. – Маринка, ты где! – Повернувшись к Стефану, он добавил интимно, – Заждалась небось, бедная.

Маринка – простоволосая, в одной рубаше, влетела в кладовую.

– Ага! Вот ты где! Заблудился? Ха! А это кто же?

Рыжая Маринка уставилась на Стефана, завернутого в простыню. Славянские наречия Стефан понимал плохо, но вопрос понял.

– Это Агамемнон, – сказал Нестор.

– А ну-ка, Нестор, зайди сюда на некоторое время, – сказал Стефан. – А ты, девушка, подожди.

Взяв Нестора, на голову выше его, за рукав, Стефан потащил его в спальню – и, захлопнув дверь, задвинул засов. Нестор улыбался – поведение Стефана его почему-то забавляло.

– Часто ты бываешь в этом доме, Нестор?

– Второй раз.

– Это помещение тебе знакомо?

– А?

– Помещение. Посмотри вокруг. Знакомо?

Нестор послушно посмотрел вокруг.

– Вроде нет. А что?

– Кого ты знаешь в этом доме?

– Кого?

– Да. Кого.

– Ну ... Маринку знаю. Мать ее знаю.

– Это все?

– Ну ... да. Служанок знаю, но не помню, как их зовут. Они глупые, все время молчат.

– Мать Маринки как выглядит?

– А?

– Мать ее. Как она выглядит?

– Ну ... Высокая такая. Худая. А что?

– А волосы?

– Что – волосы?

– Цвета какого?

– Рыжие.

– А хозяйку знаешь?

– Видел раза три.

– Ага. – Стефан вздохнул облегченно. – Ну, иди к своей Маринке. И не стучи больше в какие попало двери. Невежество это.

Выпроводив Нестора, которому ужасно понравилось слово «невежество», употребленное в этом контексте, Стефан закрыл дверь и прилег.

Сорсьер вернулась через час после встречи с Нестором – усталая, раздраженная. Служанка внесла за ней деревянный поднос с мисками и двумя бутылками вина. От мисок поднимался пар. Разговаривать Сорсьер оказалась нерасположена. Ели молча, и по мере насыщения взгляд Сорсьер добрел, смягчался, и веселел. Закончив ужин, она скинула кап, развязала сентур, примерилась было стаскивать сапожки, сказала «я только ополоснусь», но Стефан запустил пальцы ей в волосы и стал целовать, и говорить «потом, потом», и простыня слетела на пол, и оба они ринулись на ложе, и одежда, оставшаяся на Сорсьер, не помешала.

Стефан задремал, умиротворенный, а Сорсьер, сходя «ополоснуться», вернулась, прилегла рядом, и уснула крепко. Во сне она похрапывала, что очнувшегося Стефана позабавило. Стянув с нее покрывало (она заворчала и пожаловалась, но не проснулась), он долго рассматривал тело женщины, восторгаясь красотам, умиляясь изъясам. Поцеловав ее в живот рядом с пупком, он снова прикрыл ее, и ушел в умывальную поспать.

На ховлебенке рядом с лоханью валялась сброшенная давеча одежда Сорсьер. Присев на ховлебенку, Стефан поднял один из сапожков и внимательно его изучил, вертя в руках. Хорошая, тонкая работа. Это где ж такие делают? Наверное, в Киеве. Поскольку – восточные славяне обитатели дома сего. Подбрав рубаху Сорсьер, он погладил лен и понюхал ворот. Этот ее запах кружил Стефану голову. Улыбаясь счастливой улыбкой, он положил рубаху на ховлебенку – в этот момент взгляд его привлек еще один предмет – амулет на серебряной цепочке. Потянув на себя цепочку, он захватил амулет двумя пальцами. Римская цифра. Он перевернул амулет. У него перехватило дыхание.

Сверд и полумесяц.

Отца своего Стефан не помнил, мать недолюбливал, дядек и теток саксонских – тоже. Но с раннего детства ему внушили, что очень нехорошие люди ищут случая его, Стефана, убить или поработить. Он так и запомнил – «поработить» – слово, казавшееся теперь ему, взрослому, глупым. И все же. Главный символ, герб Неустрасимых, въелся в сознание, олицетворяя зло.

Двадцатилетний Стефан знал, кто такие Неустрасимые – и, да, логично было предположить, что при удобном случае его уберут с дороги ... поскольку он стоит у них на дороге ... стоит по праву и долгу рождения...

Сорсьер, Сорсьер ... Страшно подумать, горько осознать – что женщина, в которую ты влюблен без памяти – твой враг. И не просто враг – один из главных вождей твоих врагов.

Не специально ли она его заманила к себе домой? Нет. Она не может знать, кто он. Он сам пошел тогда за ней. Она не знает.

А он знает. Пугало его семьи, люди, из-за которых он провел детство и юность в Саксонии, с родственниками матери, а не в Гнезно – перечень вождей Неустрасимых был ему хорошо знаком. Среди этих вождей была только одна женщина. Он думал, что она старуха. Нет – старуха была Рагнхильд, а это – дочь ее ... впрочем, да, тоже должна быть нынче старуха ... Ну, она не молода ведь ... Сорсьер, Сорсьер – какое прелестное прозвище ... жаль, что оно не одно у тебя, Сорсьер. И отец мой, годы томившийся у чехов в плену, и мать моя, вздрагивавшая при любом скрипе любой двери – хорошо помнили ... выговаривая шепотом, страшась, ненавидя ... второе твоё ... наименование...

Одежда его, лежащая на одном из сундуков умывальной комнаты, показалась ему, чистому, грязной и дурно пахнущей. Скотина Тиль, только и название, что слуга – ничего делать не желает ... Даже прачку позвать ему лень ... Ладно. Быстро одевшись, Стефан вышел в спальню и, стараясь не смотреть на спящую Сорсьер, направился тихо к двери.

– Уходишь? – спросила Сорсьер. Оказывается, она не спала.

– Мне нужно заглянуть домой, – сказал он. Помявшись, он подошел к ложу. Присел. – Слуга у меня неумелый. Я на два-три часа всего.

– Приходи, – сказала она, успокаиваясь. – Как можно скорее.

И протянула к нему руку. Он поцеловал ее в запястье, затем в локоть. Не справившись с собой, он наклонился и страстно приник к ее губам.

Может, не уходить? Нет, нужно уходить.

– Я скоро, – пообещал он.

И вышел.

В кладовой он наскочил на какой-то сундук, ушиб колено, потер его, пробрался к выходу.

Было темно. Дойдя до конца Рю Ша Бланк, Стефан повернул направо, к реке – этот путь был длиннее, но река служила хорошим ориентиром. Стефан боялся заблудиться ночью. Луна светила нехотя. Какие-то тени показались впереди. Грабители?

Нужно всегда носить с собой кинжал.

А вдруг это они? Неустрасимые? Именно этого они и ждали – когда он ночью уйдет от Сорсьер. Она ходила с ними договариваться! Как же он раньше не подумал! Какие такие могут быть «дела» у женщины? Она не торговка, не скога, не сводница, не колдунья, несмотря на прозвище. А вот такие дела. Встретилась с подчиненными. Сейчас он дойдет до угла. Подчиненные возьмут его в кольцо, перережут горло, а труп сбросят в реку. Кинжал, почему он не носит кинжал! Дорого продать свою жизнь – это самое меньшее, на что он должен быть способен! Ну, хорошо, а теперь-то что делать? Бежать? Прятаться? Или идти им навстречу, надеясь, что это всего лишь грабители. Кошель с ним, в нем несколько золотых монет.

Его окликнули сзади. Стефан резко обернулся.

– Это я, я, не бойся, Агамемнон, – сказал Нестор, догоняя Стефана.

– С чего ты взял, что я чего-то боюсь?

– Ну, мало ли что ... время позднее ... я вот тоже побаиваюсь. Пойдем вместе?

– Я не знаю, что такое страх, – нарочито холодно сказал Стефан.

– Это ничего, еще узнаешь, – заверил его Нестор. – Так бывает – живешь себе безмятежно, а потом вдруг как напугаешься! А как тебя на самом деле зовут?

Стефан не ответил. Они шагали рядом – действительно, хоть и стыдно признаться, но тени больше не казались Стефану страшными.

– Где ты живешь? – спросил он Нестора.

– А вон там, на всходе, покосившийся мезон. Знаешь такой? Я и еще двое. Алумни. Деньги кончились, а то бы нанял себе что-нибудь получше. А ты?

– Вон там, ближе к лесу.

– А, так нам по пути.

– По пути, – глухо отозвался Стефан.

Это ловушка. Нестор – из дома Сорсьер, он с ними, он – один из Неустрасимых. На вид он простой парень, но Неустрасимые всегда представляются не теми, кто они на самом деле. Нестор догнал его – здоровенный детина – нарочно, чтобы не дать жертве убежать.

– Что ж, – сказал Стефан. – Пойдем. Зайду к тебе и твоим алумни.

– Хочешь? – спросил Нестор. – А что, зайди. У нас весело бывает. Они, коллеги мои, не слишком утомительны.

– Не сомневаюсь.

И они пошли вдоль реки, а затем свернули на какой-то страт, и справа по ходу показался мезон, больше походивший на сарай.

– Один благородный из местных будет строить себе здесь пале, – объяснил Нестор. – Мезон будут сносить, поэтому прежние жители выехали, а мы, стало быть, пристроились – удобно, платить не надо.

Тут меня и убьют, подумал Стефан. Удобно. Внутри этого сарая. Никто не увидит. Бежать? Ему было одновременно и страшно, и стыдно.

Нестор отодвинул дверь – петель не было – пропустил Стефана внутрь, зашел сам, и приставил дверь снова, закрыв проем.

Печь, которую алумни сами, очевидно, чинили, светила ильдом, и помимо этого источника света горела в помещении свеча, пристроенная к углу подобия письменного стола. За столом сидел толстый, довольного вида недоросль, а рядом, на ворохе соломы, примостился тощий, чуть старше, одетый в монашескую робу

– Коллеги, – объяснил Нестор. – Вот этого зовут Гусь, он из какой-то непонятной страны на севере, а то Мишель, он местный, и ужасно практичный.

– На священника учишься? – спросил у Мишеля Стефан.

– Нет, просто в робе удобнее. За мирской одеждой следить надо, стирать ее, зашивать. Роба особенного ухода не требует, – объяснил Мишель философским тоном.

– Вот, – сказал Нестор. – Слышал?

– Меня зовут Стефан, – сказал Стефан.

Алумни кивнули. Толстый Гусь изучал какой-то свиток.

– Хочешь вина? – спросил Нестор. – Правда, скоро утро. Ну да ничего. Я в любом случае собрался завтрашние занятия пропустить.

– Наставник тебе даст по ушам за это, – заметил Гусь, не отрываясь от свитка.

– Ничего. Я привычный. А когда у тебя гости, вино полагается подавать – так повелось.

Он ушел в угол и вернулся с мешком, из которого извлек глиняную бутылку. Кружка нашлась только одна, но Стефан не был брезглив. Вино оказалось дрянным иберийским пойлом – расцвет испанского виноделия начался через пять веков после описываемых событий, по изгнанию из страны мавров. Но и тут Стефан ничего не имел против. Пить дрянное вино из одной кружки со алумни лучше, чем плавать в реке с перерезанным горлом.

Гусь, отложив свиток, рассказал вдруг забавную историю из жизни каких-то путешественников, будто переправлялись они через холодное море, и нашли там, за морями, землю, полную сочных плодов и миролюбивых животных, и поселились там, а дети их поехали еще дальше, да так и не вернулись. Затем Мишель начал дискутировать с Нестором по какому-то туманному астрономическому вопросу – мол, «странники» передвигаются меж звезд потому, что они – заблудшие звезды, ищут свое место, и найти не могут. Нестор возражал, что в таком случае их, «странников», было бы не пять, а намного больше – по закону вероятности событий. Мишель засмеялся и сказал, что такого закона нет. Решили спросить у Стефана. Стефан, подумав, сказал, что, возможно, «странники» – вообще не звезды. А что же? А кто ж знает. Может, это какие-то отсветы звезд, а может двоюродные сестры Луны. Луна-то ведь – точно не звезда. А что же? Да так ... бляшка какая-то на небе...

И настало утро. Вскоре Нестор, сказав, «Вы тут пока пейте и дискутируйте», завалился спать, Гусь и Мишель ушли на занятия, а Стефан, измученный, утомленный, с головной болью от дрянного вина, вышел на страт и побрел домой.

Мезон, нанятый им, состоял из двух помещений, и окружен был маленьким запущенным палисадником. Внутри Тиль, крупный туповатый саксонец, спал, привалясь к стене. Стефан ткнул его ногой, не очень сильно.

– А? Что? – спросил Тиль, озираясь.

– Постирай всю мою одежду, – велел ему Стефан. – Всю, слышишь? А я посплю пока.

Он подошел к единственному в мезоне ложу, упал на него, и тут же заснул, как убитый.

Проснулся он только через сутки и почувствовал такую глубокую, ноющую тоску, что хоть вой! Встав с ложа, он долго ходил, спотыкаясь, по мезону, иногда мыча носом, кусая губы, прислоняясь лбом к стене. Тиль, видя, в каком состоянии хозяин, делал постное лицо и плаксивые глаза, что раздражало Стефана. Что ж – возвращаться, что ли, в Саксонию? Под материнское крыло, не так ли. Дядьки опять будут снисходительно смотреть ... с сожалением ... А еще можно взять кинжал ... нет, сначала снять с себя грязную одежду, надеть чистую,

взять кинжал, а еще лучше сверд, но человек со свердом, ежели он не вояка, выглядит на страте странно ... взять кинжал, и идти к ней. Увидеть ее еще раз. Плохо будет, если придет он к ней, а ее нет дома, и его там убьют, так и не дав взглянуть ... нет, поцеловать ... ее ... еще раз. Ужасно.

Он переоделся, временами приближая к носу то запястье, то плечо – вдыхая запах Сорсьер, остаточный – в чистое, сунул кинжал в ножнах за сентур, застегнул пряжку на капе, прихватил кошель и, сказав Тилю «Вернусь поздно, а может и завтра, и чтоб вся одежда была постирана, понял?» – вышел.

Полчаса ходьбы – и вот уже Рю Ша Бланк, и вот знакомый дом, при дневном свете кажущийся ... не таким большим, как давеча ... менее громоздким ... Стефан стукнул в дверь. Служанка, которую он помнил по первому приходу сюда в компании Сорсьер, открыла дверь и недружелюбно на него уставилась.

– Где твоя хозяйка? – спросил он.

Служанка молча отошла в сторону, давая ему войти. Стефан уверенным шагом проследовал в кладовую, и затем в спальню, без стука. Сорсьер приподнялась на ложе, а затем выпрыгнула из него, подбежала к Стефану, и, закрыв глаза, крепко его обняла. И они стали целоваться – страстно, забыв обо всем. И еле успели добраться до ложа.

Прошли еще сутки, и на этот раз Стефан отлучился домой без всяких задних мыслей – сказал, что вернется через несколько часов. Вообще-то ему хотелось сбежать в лес и нарвать каких-нибудь ранних цветов, и преподнести Сорсьер. Или купить ей какую-нибудь бестолковую, но приятную женщине дребедень – он не знал, что именно он ей купит, поскольку никогда раньше не делал женщинам подарки. Ну да придумает что-нибудь.

Не дойдя квартал до своего дома, он увидел вплотную подогнанную к забору палисадника крытую повозку и нескольких мужчин воинственного вида. И в первый раз за многие годы услышал польскую речь.

Он знал, зачем они здесь. Его приехали уговаривать. Он поэтому и бежал месяц назад из Саксонии – чтобы не встречаться с ними. Потому что он сам себе хозяин. Потому что каждый на свете волен жить так, как хочет, и как ему позволяют обстоятельства, а если обстоятельства неблагоприятны, их следует сменить. Вот он и сменил. Он уехал от матери, чтобы посвятить себя вопросам теологии. Так он объяснил – и ей, и дядьям своим. Не мог же он сказать, что они все ему попросту надоели, а поляков он тем более видеть не желает.

Но – теперь-то что? Увидят они его в местной одежде ... Тиль уже о многом им, конечно, успел рассказать ... Будут укорять, как ребенка, мол, зачем же было врать, ведь ты уже большой...

Стефан повернулся и пошел обратно – но не к мезону Сорсьер, а левее – к алумни. Поляки его, к счастью, не заметили.

Из алумни дома оказался только Мишель, но именно он и был Стефану нужен.

– Мишель, поменяемся одеждой?

– Как это?

– Я тебе даю то, что на мне. Ты даешь мне робу.

Мишель поднялся с соломенного ложа и критически оглядел Стефана.

– Ты не шутишь?

– Нисколько.

– А зачем тебе?

– А просто так. Каприз такой.

Мишель улыбнулся. Ему понравилось – кажется, не из-за выгоды даже, а просто подумал он, что это интересно. Молодые люди разделись и снова оделись. Оглядывая себя в хорошей одежде, стараясь посмотреть себе за спину, Мишель заметно повеселел.

– Ишь какие тряпки знатные, – сказал он с насмешливым уважением. – Не трут нигде, легкие, тонкие ... но и теплые ... А тебе идет!

Стефан улыбнулся, расправляя под робой плечи, проверяя пристроенный в сентур кинжал.

– Спасибо, Мишель. Вот тебе дукаат.

– Это зачем же?

– Ну, как. Может, пригодится.

Мишель взял золотую монету и повертел ее в пальцах. В улыбке его наличествовала издевка, которой Стефан не заметил.

Неспешным шагом Стефан вернулся к своему мезону. Повозка по-прежнему торчала у палисадника, но вся делегация толклась теперь внутри мезона. Стефан вошел внутрь.

Глава первая. Странный узник

В году Милостию Божией одна тысяча тридцать седьмом (такое летоисчисление было в те времена еще не принято), в конце сентября, сильные дожди, не прекращавшиеся целую неделю, обильно и неприятно увлажнили центр Европы. Особенно досталось маленькому королевству, именуемому Францией – не состоящему официально вассалом Новой Римской Империи, но во всём зависящему от имперской воли. Когда дожди прекратились, неожиданно теплое в ту осень солнце обогрело землю и мезоны, за два дня высушило часть стратов, и улучшило настроение жителей.

Три острова, омываемые медленными мутными водами петляющей реки Сейнен, засверкали на осеннем солнце – утыканные частоколом построек из полированного дерева. На центральном острове возвышался над постройками каменный романского стиля храм. Крепостная стена окружала остров, деревянная за исключением двух каменных врезок – на юге и на западе. Некоторые части стены, чудом сохранившиеся, помнили удар полутора-вековой давности, нанесенный поселению неумными Зигфридом и Ролло. За небольшую плату перевозчики соглашались перевезти всех желающих с берега на любой из островов, и с острова на берег, правый или левый, в зависимости от настроения желающего. Содружество перевозчиков не первый век противостояло намерениям городских властей перекинуть через смехотворно узкую часть реки, отделяющую главный остров от берега, самый обыкновенный мост. Перевозчики, исправно платящие налоги (импо, как их здесь называли) в городскую казну, настаивали на своих правах, ссылаясь на документ, защищающий их от посягательств на их ремесло и доход – якобы подписанный когда-то Шарлеманем, Императором Запада, сыном Пепина Короткого. В тех случаях, когда власти просили этот документ предъявить, перевозчики объясняли, что лежит он в городских архивах. Периодические поиски документа в архивах ни к чему не приводили – власти говорили, что не могут его найти, на что перевозчики резонно замечали, почесывая подмышки, что это не значит, что документа нет. И власти оставляли их в покое, махнув рукой.

Левобережье, к югу от островов, было по меркам региона густо заселено. Наличествовали более или менее прямые страты, взбирающиеся на огромный пологий холм. Вдоль страт располагались вполне достойного вида мезоны из хорошего дерева. В полумиллариуме от реки, на месте брошенных римских бань, части которых местные жители растащили по кирпичу для личных нужд, строился уже не первый год монастырь. От него к самой вершине пологого холма, где располагались развалины римского цирка, вела единственная мощеная (еще римлянами) магистраль, частично пришедшая в упадок. По мере приближения к цирку мезоны редели. Справа по ходу, если идти от монастыря на юг, зеленел густой лес, и местные жители удивились бы, если бы им сказали, что несколько веков спустя на месте этого леса раскинется один из самых роскошных и благоустроенных парков мира, с огромным, поражающим воображение каменным пале, аллеями и фонтанами.

Молодой человек в коротком капе, с кинжалом за сентуром, в сапогах, отороченных мехом, с сомнением смотрел на лужу, отказывающуюся высохнуть. Начиналась лужа сразу за калиткой палисадника и отделяла вход в палисадник от крыльца небольшого мезона, в который молодому человеку нужно было попасть. За три часа до этого молодой человек вышел из этого мезона, легко перепрыгнув лужу с крыльца, но теперь ему мешал огромный мешок за плечом. Человек боялся уронить мешок в лужу или повредить что-то из того, что в мешке содержалось.

Еще немного посомневавшись, человек позвал, —
– Дариуш!

Никто не откликнулся. Человек позвал громче, но из этого опять ничего не вышло. Тогда, присев, человек подобрал с дороги камень и, снова выпрямившись, швырнул его в дверь. Попал. Вскоре дверь распахнулась и на пороге появился другой молодой человек, с обнаженным свердом в руке.

– А, это ты, – сказал он. – Ну, иди сюда скорее, пока мы тут с голоду не передохли.

– Ты же видишь – лужа.

– Вижу. И что же?

– Я промочу ноги.

– Ты прыгни.

– Мешок мешает.

– Что же ты хочешь, чтобы я сделал?

– Доску бы какую-нибудь сюда.

– Вчера я положил доску.

– И что?

– Сегодня утром ее украли.

– Придумай что-нибудь.

– Да ладно тебе. Ступай в лужу. Потом разуешься и обсушишься. А то – выломай доску из забора.

– У меня руки заняты. Ты и выламывай. А то сейчас уйду куда-нибудь вместе с мешком.

– Не уйдешь. Ты человек чести, Ежи, ты не бросишь товарищей умирать от голода.

– Ничего. От скуки вы уже третью неделю умираете, да все не умрете. Может и от голода не умрете.

Еще некоторое время поумничав и попрепившись, молодые люди замолчали.

– Вон, смотри, Ежи, идет баба какая-то, – сказал Дариуш. – Попроси ее.

Ежи оглянулся. Действительно, миловидного вида крепкая босая крестьянка шагала деловито по страту в сторону реки.

– Добрая женщина! – обратился к ней Ежи на местном наречии, смазывая на здешний манер гласные окончания. – Не откажи, сделай милость, за двадцать денье помочь нам в нашем затруднении.

– Пятьдесят.

– Что пятьдесят?

– Денье пятьдесят, – объяснила женщина. – И только если быстро, меня муж ждет. Вон там, за забором.

– Муж за забором?

– Нет. Помощь окажу за забором.

– Нет, я не об этом, – Ежи даже растерялся слегка, а Дариуш захихикал. – Нам бы мешок через лужу переправить.

– Тогда тридцать денье, – сказала крестьянка.

Взяв у Ежи мешок одной рукой, она выставила другую ладонью вверх. Дариуш засмеялся. Ежи, слегка покраснев, вытащил из кошель монеты и расплатился. Босая крестьянка ступила в лужу, поднялась на крыльцо, и протянула мешок Дариушу.

– А меня бы ты смогла перенести к калитке? – спросил он с интересом.

– Если на спине, то можно, – не задумываясь ответила она. – А только это дороже будет. Ты тяжелее, чем мешок.

– Сколько?

– Сорок денье.

Поставив мешок на крыльцо, Дариуш вынул деньги и отсчитал названную сумму. Крестьянка взяла у него деньги и, сойдя вниз на одну ступеньку, подставила молодому человеку могучую спину. Ежи, подбоченясь, с легким презрением следил, как она несет довольного

и улыбающегося Дариуша от крыльца к калитке. Соскочив со спины крестьянки, Дариуш встал рядом с Ежи.

– Ты все-таки подумай, съор, – сказала крестьянка. – Вон там за забором. Пятьдесят денье.

– Может быть позже, – сказал Ежи.

Она повернулась к Дариушу.

– Я не против, – сказал Дариуш. – Была бы ты лет на пятнадцать моложе, я бы и на семьдесят денье согласился бы. Впрочем, вот тебе еще сорок, вези меня обратно на крыльцо.

Снова прибыв на крыльцо, Ежи дал крестьянке целый золотой дукат и что-то шепнул ей на ухо. Крестьянка бережно уложила дукат в торбу, кивнула, и пересекла лужу налегке. К этому моменту Ежи понял, что крыльцо выше дороги, поэтому-то ему и удалось давеча перепрыгнуть лужу. А запрыгнуть теперь обратно будет труднее.

– А не перенесешь ли ты и меня? – спросил он, доставая кошель.

– Нет, – сказала крестьянка. – Я вам не лошадь, возить вас всех.

И ушла, гордо подняв голову.

Ежи разбежался, прыгнул, но до крыльца не дотянул, приземлился одной ногой в лужу. Другая нога, на которую он тут же перенес вес для сохранения равновесия, скользнула по дну лужи. Ежи невольно взмахнул рукой и припал на колени. Дариуш уже ушел в дом.

Шлепая промокшими ногами, Ежи сердито распахнул дверь.

– Она отказалась меня везти! – крикнул он.

Четверо присутствующих одновременно повернули к нему головы. Дариуш захихикал.

– Я ей специально заплатил, чтобы не везла, – сказал он.

Еще двое из присутствующих улыбнулись. В другое время они начали бы зубоскалить и издеваться, но в данный момент слишком были заняты выкладыванием из мешка на стол провианта.

Помимо них, Дариуша и Ежи, в домике был еще один человек, сидевший в данный момент на шезе – здесь, в этом городе, все, на чем сидят, шез – а на самом деле самый обыкновенный ховлебенк, на ховлебенке сидел человек – у окна. Он, казалось, не обращал внимания на спешные приготовления к трапезе. Одет человек был в монашескую робу.

Так же молод, как остальные, красивый этот юноша делал вид, что происходящее имеет к нему не больше отношения, чем страт за окном, пение птиц, деревья, мезон – он был здесь и не здесь. И хотя он был не менее голоден, чем остальные, лицо его оставалось равнодушным, руки по-прежнему спрятаны в рукава робы, голова касается стены.

– Пожалуй сюда, пахолек, – сказал Дариуш, отламывая большой кусок паштета. – Святые мысли святыми мыслями, но жрать тебе все-таки надо. О! Что за вино? Уж не римское ли?

– Какое там! – Ежи, сняв сапоги, вытирал ноги о порты. – В этой дыре ничего приличного не найдешь. А руки рольников, которые мне все это продали, лучше не вспоминать. Лучше о них не думать. Даже не грязные, а какие-то серые. Не смотри на меня так, Адам.

– Не порти нам аппетит, – заметил Адам.

Молодые люди вчетвером расселись вокруг стола и занялись едой всерьез.

– Пахолек не собирается к нам присоединяться, – заметил Дариуш.

– Он мне надоел, – Адам пожал плечами, обглаживая куриную ногу. – Целый месяц притворяется, что не знает ни слова по-славянски. Ломака.

– Может и правда не знает, – заметил Ежи. – Мать его с малых лет за собой таскала по родственникам, в Гнезно заглядывала редко, а в палате у них тупые саксонцы толкуются непрерывно. Вот и не выучился хлопец.

– Почему старцы его с собой не взяли, а? – спросил, очевидно далеко не в первый раз, Дариуш. – Торчим в этой дыре безвылазно. А сами старые развратники в Рим укатили, якобы уговаривать Папу, а на самом деле девок лапать римских.

– Да, – согласился Адам. – Правда, Лех?

Лех, самый молчаливый из четверых, только бровью повел, разделявая грудинку и подливая себе в кружку.

– А как я мечтал, что мы поедem в Рим все вместе, – заметил Дариуш. – Думал, посмотрю наконец, что это такое, Рим. И что там едят, и какие там девушки, и театры знаменитые.

– Театры – миф, – сказал Адам. – Давно там никаких театров нет.

– Ты там был?

– Нет.

– Ну и откуда тебе знать, есть там театры или нет?

– Театры в Константинополе. И, кажется, в Венеции есть один. Хотя, возможно, просто слухи.

Удовлетворив голод, молодые люди подобрили и стали подначивать «пахолека», беззлбно, развлекаясь. А он молчал.

И молчал Лех. Лех знал то, чего не знали остальные – что «пахолек» по ночам покидает мезон и где-то шатается до самого утра. Будучи самым бедным из четверки, с детства познавшим нужду, Лех согласился на осторожное предложение «пахолека». Дежуря по ночам во второй комнате, делая вид, что стережет пленника (ну, не совсем пленника – а просто отлучки «пахолека» были нежелательны, вот и всё), он позволял ему, когда все заваливались спать, вылезать через окно в палисадник и куда-то уходить. «Пахолек» дал ему честное слово, что всегда будет возвращаться до рассвета, и слово свое держал. И платил Леху золотом.

Слугу «пахолека», долговязого, тупого саксонца по имени Тиль, делегация отправила обратно в Саксонию.

Леху, помимо всего прочего, было жалко пленника.

Глава вторая. В «Ла Латьер Жуайез»

Постоялый двор под вывеской «Ла Латьер Жуайез», расположившийся чуть в стороне от левобережных стратов, или рю, пользовался доброй репутацией. По легенде, которую поддерживали в течении вот уже нескольких веков хозяева заведения, первым посетителем и постояльцем двора был сам король Клови. С тех пор на огонек заходили многие известные особы. Деревянные постройки не могут существовать веками, и хозяева охотно признавали, что со времен Клови «Ла Латьер Жуайез» обновлялся и перестраивался множество раз, и несколько раз терпел пожары. Ну и что? Главное – место. Также любому спрашивающему показывали специальную доску, на которой красовались имена выдающихся людей, ими самими вырезанные во время посещений – так говорил хозяин. Доска пережила несколько пожаров и перестроек. Недоумевающим почему имя Пепина Короткого стоит ниже имени его сына, Шарлеманя, объясняли, что Шарлемань, хвестуя, вспомнил, что отец его Пепин, не умеющий писать, когда-то посетил заведение. Император Запада велел своему летописцу исправить недочет. А вот Луи Первый (добавляли хозяева) – тот свой автограф оставил сам – заметьте характерную для его почерка закорючку-хвостик в букве «s». И конечно же (продолжали они) обратите внимание на подпись отца нынешнего короля, навестившего заведение сразу после пожара и ремонта. Подпись подлинная. Нынешний Анри Первый трижды наведывался, но, увы, если государь и умеет писать, то тщательно это скрывает, боясь за свою репутацию. И так уж недоброжелатели всех стран распускают слухи, что правитель Франции настолько беден, что не может даже нанять писца и чтеца.

«Ла Латьер Жуайез» также славился отсутствием мышей и крыс. Территорию охраняли шесть сурового вида котов.

В полдень в «Ла Латьер Жуайез» встретились двое – средних лет мужчина, рано поседевший и облысевший, и стройный, не очень приметный молодой человек с внимательными глазами, одетый неброско, держащийся непринужденно, которого мужчина называл «Мишель».

Мужчина был никто иной как Пьер по прозвищу Бату, королевский казначей. Он нервничал, и первую кружку вина выпил залпом. Мишель казался совершенно спокойным.

– Но, видишь ли, мой юный друг, – говорил Пьер гнусаво, – это ведь не каждый день такое случается, я должен еще подумать.

– Да, но вовсе не над тем, что я тебе предлагаю.

– А над чем же?

Мишель улыбнулся насмешливо.

– Над чем ... Ну, вот например, когда-нибудь, может быть через год, а может быть и завтра, главнокомандующий, или строитель какой-нибудь, или моряк, принесет тебе бумагу, помеченную королем, с требованием выдачи ему суммы денег, которой у тебя за семью замками в казне просто нет.

Пьер по прозвищу Бату едва не охнул, сдержался, побледнел.

– Ты думал, – продолжал Мишель спокойно, – соберут налог с ферме, а не вышло, не удался урожай. Ты думал восполнить растрату за счет продажи одного из своих домов – а дома в этом году никто не хочет покупать. Принесут тебе бумагу, денег ты не дашь, и следующим твоим гостем будет сам король. Он попросит тебя отомкнуть все семь замков, увидит три жалких мешка вместо двадцати, и через неделю после этого тебе перерубят шею топором, или сварят в кипятке, или еще какие-нибудь административные меры применят. К тебе.

– Ох, – сказал Пьер.

– Да уж, – подтвердил Мишель. – Помилуй, друг мой, нельзя же так воровать – безудержно. Умеренность нужна во всем.

– Я не воровал...

– Ты издерживал. Растрата – то же воровство, бедный друг мой. То, что я тебе предлагаю, связано с известным риском, но поверь, отвергая мое предложение, ты рискуешь гораздо больше.

– Как ты узнал?

– Про растрату?

– Тише, тише ... Да. Как?

– Что ж мне, все свои секреты тебе выдать прикажешь? Я провел большую работу, истратил много денег, чтобы докопаться до правды. Подкупал кое-кого, грозил кое-кому. И в конце концов составил представление о состоянии королевской казны на данный момент.

– Нужно будет подкупить стражу...

– Это я уже сделал.

– Как! – удивился и ужаснулся Пьер.

– Во всяком случае, начал. Просто прийти и подкупить – способ не очень надежный. Стражники должны знать того, кто их подкупает. К ним нужно войти в доверие, поить их, поставлять им девушек, давать что-то на карманные расходы. Шутка ли!

– Еще раз объясни, что будет, когда ты со своим ... поделщиком ... войдешь...

– Стража будет лежать вся лицом к стене, связанная.

– Ох! Так. Дальше.

– Мы устроим им представление – будем таскать одни и те же мешки туда-сюда. Затем те три мешка, которые там имеются, мы погрузим на телегу. Попутчик мой, одетый пейзажом, телегу эту нагрузит до верха капустой. Сочная в этом году капуста, сладкая. Под капусту лягут мешки. И мы медленно поедem в сторону рынка. Мимо королевского пале.

– Да зачем же?

– Затем, что там нас никто не будет искать.

– Но ты говорил, что...

– Да, конечно. Искать будут две повозки, груженные до верха мешками с золотом. Поэтому нас не найдут. Но подстраховаться не мешает. Ты поднимешь крик, стражник побежит к капитану, капитан к королю. И ты скажешь нашему добросердечному монарху, что, мол, пропали все двадцать мешков с золотом, или сколько ты там наворовал за три года...

– Ох! ... Налей-ка мне еще ... Ну а если я все-таки откажусь?

– Что ж, я подожду, пока...

– А если никто не придет, а я достану деньги?

– Если никто не придет – тоже не беда. Я человек не мстительный, я просто делаю все, что обещал. И обещаю тебе, что король получит через несколько дней донос без подписи, в коем будет сказано, что следует проверить – сперва учетные книги, а затем казну...

– Ох!..

– Не горюй, дядюшка Пьер! Я тебе оказываю громадную услугу, ты радоваться должен!

– А ты уедешь из Парижа с этими деньгами, да?

– Конечно. На свете есть много городов, и везде есть правители, и у каждого правителя есть казначей, и некоторые из них склонны к растрате. Правители не разбираются в таких грунках, по лицу не могут определить, каков человек, поэтому назначают казначеями всякий сброд. А я вот разбираюсь. Сам посуди – я приехал в Париж три месяца назад, навел справки, мне тебя показали на каком-то фейте ... и я, как только увидел твое лицо, сразу понял – да, ты мне подходишь.

Пьер по прозвищу Бату покачал головой. Мишель некоторое время забавлялся сменой красок на одутловатых щеках Пьера, а затем неожиданно спросил, —

– Тебе такое слово, «Литоралис», ничего не говорит, а, Бату?

– Как?

– «Литоралис».

– Ничего. Латинское слово, что ли?

– Да. Означает, более или менее, «прибрежный бродяга». Человек, который ходит по пещаному взморью, или сидит на пещаном взморье, или лежит. Любит греться на солнышке, и ничего ему в жизни не нужно – ни богатых одеяний, ни роскошных домов, ни даже девушек. Ест что придется, разговаривает с кем придется, иногда побирается, а то все больше крабов ловит да вечером их там же, на взморье, на костре печет. Литоралис.

– Ты это обо мне? Я взморье не люблю. И бродяжничать – не по мне оно, Мишель.

– Нет, я не о тебе. О тебе я уж все сказал. Нет, Литоралис – это такое прозвище. Этим словом назвали драгоценный камень, найденный в прибрежной зоне где-то на юго-востоке. Вернее не один камень, а сразу два. Оба камня сразу стали легендой – крупные очень. За любой из этих двух камней дадут столько золота, что можно три пале построить.

– Где же они теперь, эти камни?

– Один пропал. Был – и не стало. Второй сейчас в Багдаде, но вскоре его перевезут ... переместят, Бату. Один человек, молодой полководец, купил его, чтобы преподнести в подарок своей невесте. То есть, она не невеста его вовсе, и отказывала она ему два раза. Но он надеется, что перед таким подарком она не устоит и выйдет за него. Он парень диковатый, не родовитый, а она дочь правителя.

– Ты хочешь купить этот камень?

– На это у меня не хватит средств. Монархи обеднели, большие деньги взять стало неоткуда. Нет, об этом камне такие люди как мы с тобой, Бату, могут только мечтать.

Ближе к вечеру какой-то молодой монах заглянул на огонек и занял в столовом помещении самый большой стол, объяснив хозяину, что вскоре придут его собраты – праздновать какое-то таинственное, но приятное, теологическое событие. Хозяину это сперва не понравилось – монахи занимали много места, а щедростью не славились. Лицо хозяина просветлилось, когда ему в руку вложили четыре имперских золотых дуката и пообещали столько же по окончании увеселительной трапезы.

Вскоре к посетителю действительно присоединились еще пятеро монахов разных возрастов. Пригубив принесенное хозяином вино, они дружно поморщились, и изначальный монах с христианской кротостью попросил доброго дядюшку Этьена отнестись к делу серьезно. Пристыженный дядюшка Этьен исправил ошибку, принес из погреба вино, которое хранил на случай посещения заведения знатно.

Разговор за столом не ладился – монахи явно кого-то ждали. И вскоре он появился – сутулый, худой пожилой мужчина, одетый в длинное и пестрое, в стильной константинопольской шапочке, с посохом, более походящим на дворцовую трость, чем на дорожный посох. По манере держаться в посетителе сразу угадывался представитель церкви.

– Извините, что заставил вас ждать, коллеги, – произнес человек по-латыни.

Это его «коллеги» не удивило монахов. Они именно такого и ждали от константинопольского посла. Станные они там, в их Константинополе.

– Присядь, святой отец, – сказал ему монах, пришедший первым, самый молодой. – Представься.

– Зовут меня Панкратиос, – представился гость, садясь. – Итак?

– Есть ли у тебя с собою полномочия, Панкратиос? – спросил другой монах.

Панкратиос сунул руку в холщовую суму с замысловатым византийским узором и вытащил из нее пергаментный свиток. На пальце сверкнул бриллиант такой безупречной красоты, что монахи одновременно переглянулись, криво улыбаясь – богатый, роскошеству-

ющий Константинополь! Самый молодой не улыбнулся – возможно, он был равнодушен к блеску драгоценных камней. Бывают и такие люди на свете.

– Где ты остановился, Панкратиос? – спросил один из монахов, разворачивая свиток.

– В доме архиепископа.

Поразглядывая пергамент, монах кивнул и вернул его Панкратиосу.

– Кто тебя сопровождает?

– Восемь человек Варангской Охраны, – ответил Панкратиос.

Монахи обменялись улыбками.

– Небось ни одного варанга не осталось в этой самой Охране? – спросил один из монахов.

Панкратиос в ответ улыбнулся.

– Зоэ, – сказал он, покачав головой. – Зоэ, наша милостивица, – и рассмеялся вместе со всеми.

– План у нас такой, – сказал представительного вида монах, улыбавшийся и смеявшийся сдержаннее всех. – Сперва...

– Простите меня, коллеги, – прервал его Панкратиос. – Мне нужно кое-что уточнить.

– Да? – сказал монах, прерывая речь.

– Я приглашен на эту встречу в качестве наблюдателя. В ваших дебатах я не участвую, мнение свое выскажу только, если вы меня попросите. Не так ли?

– Всё так, – сказал представительный.

– Вы желаете, чтобы Патриарх был осведомлен о событиях. Для чего вам это нужно – меня не касается. Так?

– Так, – подтвердил монах.

– Мне бы хотелось знать, для того, чтобы правильно информировать Патриарха – кто из вас какой приход представляет. Лично я знаком только с братом Кристофом, – он кивнул, указывая на самого молодого монаха, – поскольку архиепископ парижский представил мне его вчера, как своего подручного.

Монахи обменялись взглядами.

– Кристоф не оповестил тебя, кто будет присутствовать на встрече?

– Кристоф – человек скромный, и я тоже, – ответил Панкратиос. – Мы оба считаем, что у всех дел должны быть свой порядок и своя очередь.

Кристоф улыбнулся, пряча глаза.

– Это резонно, – сказал представительный. – Что ж. Я – Роберто Лоджиа, епископ венецианский. Представьтесь же ... коллеге, друзья.

– Ришар, епископ лионский.

– Андрю, архиепископ кентерберийский.

– Ларс, епископ сигтунский.

Панкратиос кивнул.

– Благодарю вас. С вашего позволения я умолкаю и весь превращаюсь в слух.

Он поднял кружку с вином и отпил глоток.

– Положение наше, друзья мои, почти безнадежное, – сказал Роберто. – Возможно это – конец света. Но даже если это так, это не освобождает нас от наших обязанностей. Кратко – Конрад Второй продолжает политику своего предшественника, захватывая именем Церкви все новые и новые территории и назначая священников по своему усмотрению.

Остальные четверо согласно кивнули.

– Беззакония, творящиеся на этих территориях, чудовищны, а обвиняют во всем Церковь.

Снова кивнули.

– Полония для нас потеряна, возможно навсегда. Конрад невзлюбил регентшу и наследника польского трона, и не предложил им помощь, когда язычники подняли восстание. Не предложил. Помощь. Страна находится в руках язычников. Польской болезнью могут заболеть и окрестные страны.

И снова кивнули.

– Добавлю, что в моем собственном приходе дела плохи, как никогда. Пиратство в Адриатике искоренено почти полностью, несметное количество золота течет в сундуки купцов, и с помощью этого золота они развратили мне прихожан. Храм пуст. Люди посещают Дом Божий только по большим праздникам, вера превратилась в обыкновенную традицию. Как обстоят дела в Швеции, Ларс?

– Христианские конунги сменяют один другого, – упрекающе и торжественно сообщил Ларс, – но объявлять Учение официальной религией отказываются. В соседней Дании, несмотря на официальность, больше язычников, чем пять лет назад.

– Ришар?

Вместо ответа лионец только пожал плечами и вскинул брови.

– Андрю?

– Казалось бы, – сказал архиепископ кентерберийский, – многолетняя драка с датчанами должна была привести в церковь хотя бы женщин, у которых погибли мужья. Не привела.

– Увы, – венецианец, представляющий самый богатый, несмотря на жалобы, приход, естественно главенствовал. – Нас не уважают.

– Совершенно верно, – подтвердили в один голос остальные, кроме Кристофа.

– А почему, братья мои? Нас, церковников, не уважают – почему? Ответ очевиден. Какое может быть к нам уважение, если нас возглавляет ... – Роберто сделал многозначительную паузу.

– Бенедикт Девятый, – поспешил подсказать лионец.

Венецианец посмотрел на него таким взглядом, будто спрашивал – ты что, Ришар, все-ррез считаешь, что только ты здесь помнишь, как прозывается нынешний Папа Римский?

– Нет уважения к папскому престолу – нет уважения и к нам, и к Церкви, – сурово пояснил венецианец. – Это чудовищно. Это невыносимо. За что нас уважать? Что знает народ о Папе? Что он стал Папой в двенадцать лет, что ему сейчас двадцать пять или двадцать семь, что он вымогатель ... палач ... вор ... развратник ... и трус!

– Нужно его заменить, – заметил Андрю, чей приход отстоял от Рима дальше, чем приходы любого другого из присутствующих.

– Мы так и сделаем, – заверил его венецианец, понижая голос. – Наша задача здесь – составить список кандидатур.

– Это просто глупо, – подал вдруг голос самый молодой, Кристоф.

– Что глупо? – грозно спросил Роберто.

– Все это.

– Почему же, сын мой?

– Я думал, – сказал Кристоф, – что присутствие здесь представителя Константинополя изменит дело, но вижу, что ошибся. Я думал, что хоть при нем-то вы постесняетесь, вы все, болтать попусту языками! Разговоры о списке кандидатур ведутся целых десять лет. Посол вынужден будет сообщить Патриарху, что прелаты Западной Церкви всё также беспомощны и не способны ни на какие действия. Десять лет назад Полония была самой надежной территорией. Сегодня она потеряна – а мы продолжаем бесконечную нашу дискуссию. Завтра мы потеряем Францию, а Швецию не обретем. И будем так же собираться на постоянных дворах и произносить возмущенные монологи.

– Не забывайся, сын мой! – сказал сердито Роберто. – Ты что же это...

– Что ты себе позволяешь, щенок! – возмутился Ришар. – Почему на встречу не явился архиепископ парижский?

– Потому, что он знает, – ответил Кристоф, – что все это просто болтовня. Мы не пригласили епископа майнцкого, поскольку боимся, что он императорский спьен. Меж тем бояться нам следует вовсе не императора Конрада Второго, которого не интересует ничего, кроме денег и власти.

Остальные отвели глаза и насупились.

– Бояться следует Неустрашимых, которых до сих пор никто из вас не решился даже упомянуть! – горячо продолжал Кристоф. – Меж тем мятеж в Полонии, под носом Императора, организован был настолько безупречно, что стихийным его назвать могут только лицемеры. И Папа Римский смотрел на это сквозь пальцы. Не в разврате дело. Что с того, что Папа – развратник? Мужеложец? Вор? Мало ли таких Пап было за тысячу лет! А дело в том, что Бенедикт – ставленник Неустрашимых. Мы должны искать союза с Императором, а не скрываться от него. Он любит деньги – мы пообещаем ему много денег. Мы можем кого угодно посадить на папский престол – это ничего не изменит, пока престол находится в Риме, где каждый десятый житель – заезжий варанг, где Неустрашимые чувствуют себя свободнее, чем в Швеции и Земле Новгородской!

Притихшие прелаты поглядывали на Панкратиоса.

– Замолчи, брат Кристоф, – сказал Роберто. – Замолчи. Ты молод и горяч.

– Я могу и помолчать, но это ничего не изменит.

Возникла пауза. И стала растягиваться. Роберто решительным голосом сказал, —

– Список кандидатов я представлю завтра, здесь, в это же время. Мы проведем выборы. Прямо здесь.

– У меня нет таких полномочий, – вмешался Ришар. – Я не могу отвечать за всех лионских священников.

– И не надо, – заверил его Роберто. – У тебя, падре, достаточно власти в Лионе, чтобы просто сообщить им о нашем решении, не спрашивая их мнения. Мне бы хотелось знать, – он повернулся к Панкратиосу, – личное мнение константинопольского представителя. Я понимаю, что это – не официальное мнение, и тем более не мнение Патриарха. Совершенно частное мнение. Панкратиос, как, на твой взгляд, может прореагировать Патриарх – на нынешние события?

– Ты спрашиваешь, одобрит ли Патриарх идею смены власти в Риме?

– Да. Твое личное мнение. Совершенно частное. Как ты думаешь?

– Я думаю, отношение Патриарха будет строго отрицательным. Я думаю, что Патриарх вас не поддержит.

Помолчали. Роберто, глядя Панкратиосу в глаза, спросил, —

– Почему?

– Мне неприятно об этом говорить, поскольку я на вашей стороне, и согласен с вами, коллеги. Но все-таки скажу, ибо это мой долг – как христианина. Патриарха устраивает нынешний Папа Римский. Поэтому Патриарх будет категорически против.

Прелаты нахмурились и погрузтели.

– Позор, это просто позор, – говорил горячий Кристоф, шагая по улице и норовя забежать вперед – Панкратиос еле поспевал за ним. – Пустобрехи. Список он представит! И что же? Каким это образом выбранный нами кандидат вдруг заменит ни с того ни с сего Папу Римского? Разве что придет в Рим во главе армии...

– Не спеши так, брат Кристоф, – попросил Панкратиос. – Я за тобой не поспеваю.

– А что ты думаешь обо всем этом? На самом деле?

– Я думаю, что перекладывание вины с Папы Римского на Неустрасимых ни к чему не приведет.

– Какое перекладывание! Неустрасимые не встречают сопротивления, поэтому...

– Они не встречают сопротивления потому, что большинство народа за них. Не будь Неустрасимых, был бы еще кто-нибудь.

– Согласен, но не значит ли это...

– Это значит, брат Кристоф, – сказал с мудрой улыбкой Панкратиос, останавливаясь и опираясь на посох, – что тебе следует идти помедленнее. Дай отдышаться пожилому человеку. Также это значит, что священники плохо справляются со своим долгом. Вспомни, друг мой, что апостолы были в первую очередь миссионерами. Нужно проповедовать – на улицах, в полях и лесах, в деревнях, чтобы люди слышали Слово. Это – главный долг христианина, вне зависимости от ранга. А там, где вместо священников и монахов проповедуют Неустрасимые, власть над душами достается именно Неустрасимым. Что и произошло в Полонии.

– Да, – Кристоф вздохнул. – Это тоже правда. Увы.

– Не спеши.

– Что делать, что делать! – Кристоф в отчаянии покачал головой. – Конец света, да и только.

– Не спеши, тебе говорят! Подождем до завтра, посмотрим, что за кандидаты.

– Ты веришь, что список будет представлен?

– Я не исключаю этой возможности, – голос Панкратиоса звучал спокойно, мудро. – Мне любопытно было бы взглянуть на этот список.

– Первым Роберто в списке поставит, разумеется, самого себя.

– Вряд ли.

– Почему?

– Он практичный, как все венецианцы. Зачем ему престол? Только лишние хлопоты. Не престол ему нужен, а удобный Папа Римский. А то ведь посланцы развратника Бенедикта постоянно требуют у Роберто отчета, а он этого терпеть не может.

Кристоф рассмеялся.

– Ты прав, Панкратиос. Ты совершенно прав. Я об этом не подумал.

– Ступай домой, Кристоф. Мне нужно поразмыслить, я приду позже. Постою покамест у реки в одиночестве, посмотрю на закат. Говорят – небывалое зрелище.

– Да, красиво.

– Иди же.

– Ты не боишься – один?...

– Я бывал здесь раньше. Город я знаю.

– Не задерживайся долго.

– Постараюсь.

Глава третья. Посольство

Меж тем через Блуа двигался к Парижу обоз, состоящий из пяти крытых повозок. Именно этот обоз с нетерпением ждали молодые поляки в Париже – прибытие обоза давало им возможность хоть чем-то заняться, как-то действовать. Правда, не предполагали они, что обоз получится такой большой, и людей в нем будет так много.

Одну из повозок занимали четверо пожилых благородных польских мужей, ездивших в Рим в качестве послов польской оппозиции. В остальных четырех повозках творилось такое, что поляки все еще боялись порой обменяться мнениями по этому поводу – а с момента отбытия обоза из Рима прошло уже больше четырех недель.

На полпути между Орлеаном и Парижем обоз вдруг ни с того ни с сего остановился. Отодвинув полог, один из поляков высунулся из повозки, чтобы выяснить причину остановки. Справа по ходу, в полумиллариуме, зеленел легкомысленный галльский лес. Кругом чисто поле. Путь в этом месте – уже не страда имперская, мощеная известкой, но французский ухабистый неровный рут – поворачивал влево. На обочине стояла крытая повозка, запряженная парой лошадей. Возле повозки двое вооруженных всадников в одежде странного покроя. Рядом с задним колесом пристроен продолговатый стол, исполняющий обязанности (поляк даже протер глаза, так удивился) прилавка. За прилавком высился статный купец в венецианских одеждах. На прилавке помещались шелка, какие-то шкатулки, кубки, серебро. Поляк повертел головой – глушь, никаких селений не видать кругом, ни жителей, рут пустынен. И вот стоит на обочине венецианский купец и торгует венецианскими товарами. Что за наваждение!

Из передней повозки вылез и зашагал к прилавку человек, к которому у поляков еще в Риме возникло двойственное чувство, а теперь, за время пути, двойственность утвердилась. Человек подошел развязной походкой к прилавку. Поторговавшись с купцом, он приобрел у него внушительных размеров ларец. С этим ларцом он вернулся в повозку, но через некоторое время снова вышел к прилавку, и чуть ли не швырнул ларец к ногам купца, выругавшись по-италийски. Купец и бровью не повел. Человек стащил с прилавка бордового цвета бархатный кап, накинул на себя, крутанулся на одной ноге, снял кап, перекинул через руку. Небрежным жестом он бросил купцу какие-то монеты и снова ушел к повозке. Обоз тронулся дальше. Поляки, отодвинув задний полог своей повозки, долго смотрели на купца, очевидно ждущего прибытия следующих покупателей. Что было дальше, после того, как обоз отъехал на большое расстояние от импровизированного торгового места, они не видели.

(Дальше было вот что. Подождав, когда обоз скроется из виду, купец поднял ларец, брошенный недовольным покупателем, поставил на стол прямо поверх товаров, и открыл его. Быстро перебрав содержимое ларца – какие-то свитки с письменами – купец закрыл крышку и передал ларец одному из всадников. Другой всадник спешил и, взявшись за поводья, развернул повозку и погнал ее на юг, в сторону Орлеана. Купец же вскочил в седло и вместе со всадником, бережно держащим ларец в руках, углубился в лес).

Теперь следует рассказать, что это за обоз такой, а то ведь непонятно.

А было так.

Около шести недель назад, сразу по прибытии в Рим, четверо благородных поляков спросили первого встречного, где находится Палаццо дел Латерано, резиденция Папы Римского. Встречный показал где, и при этом улыбнулся странной улыбкой. Еще только по при-

ближении к фасаду палаццо поляки заподозрили неладное. Из открытых окон доносились пьяные крики, смех и пение – а пели в папском палаццо отнюдь не псалмы.

Не играй, жестокая
Сердцем артиста.
Жезлом мясистым
Играй, надменная.

Стала с тобою вся
Венеция рада.
А к круглому заду
Дьякон пристроился.

Сперва поляки решили было, что это не тот палаццо, но двое стражей у входа подтвердили – да, именно здесь и резиденствует Папа Бенедикт Девятый.

Некоторое время поляки стояли перед входом как вкопанные. Все их представления об устройстве мироздания перевернулись вверх тормашками. Они не знали, что им теперь делать. А нужно было либо входить, либо уходить.

Тут из окна второго уровня, царапнув когтями по мраморному фронту, на шапку одному из поляков прыгнула обезумевшая от страха кошка. Поляк метнулся в сторону, сбивая шапку и кошку с головы одной рукой, а другой хватаясь за сверд. Из окна второго уровня высунулась растрепанная голова человека непонятного пола и крикнула визгливым басом, —

– Пропустите там, это по важному поручению.

После чего человека вырвало. Поляки едва успели отскочить. Неожиданно оба охранника рассмеялись.

– Пьетро, не кричи так с утра, тебе вредно! – сказал один из них.

Снова посмотрев на поляков, охранники отступили от входа, давая делегации дорогу.

– А это здесь оставьте, – сказал охранник, указывая на сверды. – Ружеро, как по-латыни мастерок?

– Феррум. Или гладиус.

– Феррумы или гладиусы ваши оставьте у нас, мы их будем зорко стеречь. Пьетро, я правильно выразил по-латыни?

– Вроде бы.

– К Папе Римскому с феррумом публика не ходит.

И опять оба охранника рассмеялись, найдя, очевидно, слово феррум двусмысленным – в данном случае.

Внутри по вестибулуму бегали, ходили, слонялись полуголые мужчины и женщины. Из проема по правую сторону где, очевидно, находилась столовая, раздавались хвостовые пьяные крики и похабный смех. Где-то завизжала призывно женщина.

– Вы, старичье, кого ищите? – спросил голос слева по-итальянски.

Предположив, что поняли суть вопроса, поляки переглянулись, и тот, кому на голову давеча прыгала кошка, сказал по-латыни —

– Мы прибыли в Рим дабы видеть Папу Бенедикта Десятого.

– Десятого, – поправил совершенно голый мужчина, икнув. – Десятого. Не пей столько, старый человек, а то совсем память отшибет. Вон туда вам, по той лестнице ... Ага, точно. Именно туда.

Поляки поднялись по лестнице.

На втором уровне палаццо было заметно тише. Поляки остановились перед входом в обширный зал. Навстречу им через зал неверной походкой следовали совершенно голые

юноша и девушка, обнявшись. Поляки попятись и чуть не наскочили на молодого человека, худого, с мокрыми каштановыми волосами, в древнеримской тоге до бедер.

– Осторожнее, чтоб вас черти растерзали ... – сказал человек.

Юноша и девушка при звуке голоса человека остановились. Человек раздвинул поляков, шагнул к нагой паре, и с размаху залепил девушке пощечину. Юноша попытался что-то возразить, но его тоже хлопнули по щеке, и он умолк.

– Вон отсюда, – сказал сквозь зубы молодой человек, раздающий пощечины. – Изменники, развратники. – Повернувшись к полякам, он спросил по-латыни, —

– Вы к Папе Римскому приехали?

– Да, – подтвердил атакованный кошкой.

– Я вас провожу.

Переглянувшись, поляки последовали за молодым человеком через анфиладу. Проводник их время от времени прикладывал руки к голове – она у него, очевидно, болела с похмелья – чесал временами ягодицу, задирая тогу – поляки каждый раз вздымали брови.

И вот они пришли. Человек распахнул перед ними дверь, впустил их в небольшую, но богато убранную шелками и бархатом комнату, полу-спальню, полу-кабинет. В алькове на мраморном возвышении помещалось огромное ложе.

– Садитесь куда-нибудь, – сказал проводник, широким жестом указывая на низкие сидения и лежанки напротив ложа.

– А где же Папа Римский? – спросил не садясь один из поляков.

– Папа Римский – это я, – ответил Бенедикт, восходя по мраморным ступеням на ложе и садясь на него. Поболтав босыми ногами, он спросил, – Что за дело у вас? И откуда вы? Из Полонии?

– Мы из Полонии, – подтвердил ошарашенный поляк. – Но ты действительно Папа Римский?

– Да.

Поляки снова переглянулись. Молодой человек пошарил по ложу, отыскал тиару и нахлобучил ее себе на голову, набекрень.

– Так убедительнее? – спросил он. – Я бы и мантию надел, да жарко нынче. Лето. Как вы в таких одеждах ходите – не знаю. Вам наверное нужно хорошо помыться. Так что там у вас в Полонии вашей творится такое? Что за безобразие?

– Э ... – сказал старший из поляков. – Мы ... это...

– Какое у вас ко мне дело? – строго спросил Бенедикт. – Отвечайте! Не таясь! И, кстати, где шляется ваш наихристианнейший наследник престола, который должен был бы состоять нынче вашим правителем, но не состоит? Он здесь? Он – один из вас?...

– Нет, мы...

– Где?

– В Париже он, – не выдержал один из поляков, и старший строго и зло на него посмотрел.

– В Париже? – удивился Бенедикт. – Позвольте, а что же он делает в Париже?

– Он...

– Да?

– Не хочет быть наследником, – сказал старший. – То есть, правителем.

– Безобразие! – сказал Бенедикт. – Что значит – не хочет? А ежели я, к примеру, не захочу проповеди читать, так что ж, прихожанам всем так и идти непросветленными куда глаза глядят? Нет уж. Вы ему так и скажите – не дело это! Вы его силком на трон посадите!

– У нас там...

– Да?

Поляки переглянулись.

– У нас там сейчас правление ... – нехотя сказал старший. – Э ... другое.

– Какое же?

– Старые семьи ... не признают законность...

– Вот что, старик, – сказал Бенедикт, слезая с ложа. – Ты не вилай. Страной твоей в данный момент правят Неустрасимые. Эти ваши «старые семьи» как раз и есть – Неустрасимые, польской выделки. Язычники, еретики. Наследник престола скорее всего убит. Ваше дело – выбрать себе нового правителя, из ваших же рядов. И делать это надо в Полонии, а не у меня в спальне, где делают совершенно другое.

– Наследник жив, – возразил старший.

– Жив? И где же он?

– В Париже.

– Ну, тогда я еще раз спрошу – что он там делает?

– Он хочет принять постриг.

– Это несерьезно.

– Что ты имеешь в виду?

– Постриг, – сказал Бенедикт. – Постриг – несерьезно. У каждого в жизни свое предназначение. Ему нужно принять власть над Полонией, утвердить церковные традиции, привлечь население на свою сторону, родить сына, вырастить его до приличествующего возраста, чтобы он смог стать следующим христианским правителем – а там пусть хоть три пострига принимает.

– Он не хочет.

– Не хочет, не хочет. Заладил. Так что ж вы ко мне-то приехали?

– Мы надеялись...

– Ну, ну?

– Надеялись ... нет, это глупо.

– Договаривай.

– Что ты нам посодействуешь.

– Денег у меня нет, – отрезал Бенедикт.

– Не деньгами.

– А чем же?

– Нам сказали, что ты ... умеешь...

– Многое, – заверил его Бенедикт.

– ... убедительно говорить.

– Умею.

– И писать. На письме у тебя хорошо получается.

– Да. И что же?

– Нам нужно, чтобы ты написал ему письмо.

– Письмо его ни в чем не убедит, – возразил Бенедикт. – Сколько ему лет?

– Двадцать.

– Точно не убедит. Что ему письма.

– Но тогда...

– Тогда, как я понимаю, мне нужно к нему отправиться. А почему вы не привезли его сюда?

Поляки замялись.

– Нет, вы отвечайте.

– По дороге ... дорога длинная...

– То есть, он мог бы сбежать? Своевольный он?

– Мы только письмо хотели...

– Письмо мы уже обсудили. Хорошо, возможно, я съезжу с вами в Париж, ради такого дела.

Поляки снова переглянулись.

– Конечно, – добавил старший, – ты должен будешь получше одеться...

– Как! – удивился Бенедикт. – Ваш наследник – мужеложец?

– Нет, что ты...

– Тогда зачем же мне красиво одеваться, ведь не соблазнять же я его буду ... А впрочем, ладно. Видно, судьба. Может и соблазнить его понадобится. Ради общего блага. Он, надеюсь, ничего собой, симпатичный? – Он задумался. – Видите ли, поляки, я жду важных известий сегодня вечером. Если они придут, то ... пожалуй, поеду я с вами. Ни разу не был в Париже. Дыра, наверное, страшнейшая. Но чего не сделаешь ради исполнения долга. Ладно, идите мойтесь, и спать. Устали вы с дороги. Идите, идите. Эй, Ружеро! Ружеро, чтоб тебя черти на ужин смолотили!

Вошел Ружеро – хромой слуга средних лет.

– Вот этих определи куда-нибудь помыться и поспать. Быстро. Люди добрые, – обратился он к полякам, – с вашего позволения я поспешу по важным делам. Пожалуйста, ничего не берите во дворце на память. Ибо сказано – «Не укради».

У поляков сверкнули глаза – у всех четверых.

– И с женщинами тут не очень ... и с мужчинами ... ибо сказано, «Не прелюбодействуй». А то ведь знаю я вас.

– Пожалуйте, сеньоры, – Ружеро посторонился. – Там у нас наверху есть отличные помещения, и удобства, которые нигде в мире нельзя найти, кроме как в нашем Латерано.

Сопровождая мрачно молчащих поляков, следуя полутемным коридором с белеющими по бокам дорическими колоннами, Ружеро доверительно говорил, —

– А если что понадобится, сеньоры, то ведь я всегда наготове. Предпочитающие женщин за совсем небольшую плату ... останутся довольны ... женщины есть – как из легенды об Адонисе ... то есть, нет, не об Адонисе, а о Елене Прекрасной. Или Венере. У нас даже, бывало, разыгрывали сцену с яблоком и тремя богинями. Яблоки тоже у нас есть в запасе. – Понизив голос, он добавил, – А если обращаться будете прямо ко мне, то и выйдет вам невиданная скидка. Такой скидки вы больше нигде в мире не найдете. – Он сделал доверительные большие глаза. – Ни в Болоньи, ни даже в Венеции – нигде. В Венеции, даром что город купеческий, больше шуму, чем дела. И обманывают там. Обещают одно, дают совсем другое, и меньше. А у нас все честно, особенно если прямо ко мне обратитесь.

Бенедикт тем временем, накинув хитон, выполненный под древнеримский, прикрыл дверь в спальню и развязным шагом направился по мраморной балюстраде в южную часть палатццо. За неприметной дверью в одном из нижних коридоров его ждал – уже около часа – сурового вида мужчина средних лет, рыжий с проседью, веснушчатый, зеленоглазый, одетый как новоимперский путешественник из состоятельного сословия, с боевым свердом у бедра.

– Добрый день, – сказал Бенедикт сухо, садясь в кресло. – Рад тебя видеть, посланец.

Посланец только кивнул в ответ.

– Благодарю, что откликнулись на мою просьбу, – продолжал Бенедикт. – Я, правда, думал, что мне пришлют кого-нибудь попроще. То, что меня посещает сам Ликуркус, для меня неожиданность.

Ликуркус еще больше помрачнел и посуровел.

– Тебе известно, кто я такой, – сказал он.

– Да. Но только мне. И, конечно же, твоему начальнику. Начальнику ты, наверное, сам сказал.

– Но больше никому. Много лет прошло...

- Больше никто и не знает.
- Ты знаешь.
- Мне положено знать, у меня должность такая.
- Как ты узнал? – спросил Ликургус.

Да, с этим молодцом шутить опасно, подумал Бенедикт. Прирежет – глазом не моргнет. Вот ведь взял себе Александр помощника. Впрочем, мудро поступил. Именно такой и нужен там ... им...

- Сопоставил сведения, – ответил Бенедикт. – Так что же предлагает Александр?
- То же, что предлагал твоему предшественнику.
- А что он ему предлагал?

– У меня нет времени на игры, – сказал Ликургус веско. – Совсем. В Риме беспокойно, иначе бы ты нас не вызвал. Какие-то свитки, или предметы, огромной важности, требуют надежного укрытия. Как скоро ты отправишься на север?

- Ишь ты, быстрый какой...
- Как скоро?
- Завтра.

Ликургус кивнул.

– Тридцать восьмой миллариум к югу от Парижа, – сказал он. – Через четыре недели, каждый полдень. Постарайся подгадать, чтобы было похоже, что обоз просто движется мимо.

Помолчав, Бенедикт осведомился, —

- Опознавательные знаки какие-нибудь? Чтобы знали, что это я. Амулет, браслет?
- Ожидающий знает тебя в лицо.
- Послушай, Ликургус...
- Не произноси мое имя слишком часто. Беда может случиться.
- Да, прости ... Я хотел бы знать ... что думает Орден о захвате Полонии Неустраши-

мыми.

- Орден не вмешивается в земные дела, – холодно ответил Ликургус.

Бенедикт криво улыбнулся.

– Орден следит за земными делами, и иногда использует земные дела, – добавил Ликургус, – но никогда в них не вмешивается.

- Да, я понимаю ... Хотелось бы увидеть, как у вас там и что...

– Вмешательство же в дела Ордена людей, занятых земными делами, неблагоприятно отзывается на положении этих людей.

- Ты меня не пугай.
- Я тебя не пугаю.
- Почему Папе Римскому нельзя стать членом Ордена?
- Потому что эти две должности несовместимы.
- Не хотел бы ты поступить ко мне на службу? Я щедро плачу тем, кто мне служит.

Ликургус пожал плечами.

– Ну, хорошо, не сердись, – сказал Бенедикт. – А скажи ... э ... почему б тебе не взять то, что я повезу ... прямо сейчас ... и самому не передать Ордену?

– Орден не берет на себя ответственности на территориях, которые он не контролирует, – ответил Ликургус бесстрастным тоном.

- А какие территории он контролирует?
- Свои.
- А где они, эти территории?
- Это не имеет значения.
- Позволь мне самому судить, что имеет...

– Нет.

– Ну, хорошо. Но, видишь ли, друг мой ... я доверяю Ордену ... и я одобряю Орден ... Но все-таки иногда таинственность бывает излишней. Например, деятельность Ордена порождает слухи ... легенды ... как, к примеру, о чаше. Поговаривают, что кто-то из апостолов ... представь себе, из апостолов ... что-то он такое ... озорник ... стоял с кружкой какой-то, когда распинали Учителя ... и собрал в эту кружку кровь. И кружка сохранилась до наших дней. И какие-то авантюристы время от времени пытаются эту кружку искать.

– Да, я тоже об этом слышал.

– Так вот ... Я никому не скажу, честно. По секрету – кружкой, она же чаша – владеет Орден? Она у вас?

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– А утерянные Евангелия – не те, что у меня в архивах, или в Александрии, а другие ... которых никто не видел ... они у вас?

– Тоже нет.

– А апокрифные писания всякие...

– Тоже нет.

– Заладил – нет да нет. А что же у вас есть? Что вы там храните?

– Ничего.

– Как это?

– Так.

– Но главная цель Ордена, насколько мне известно ... ты не обижайся ... главная цель – хранить свитки ... и предметы ... вещественные основы единой Церкви. Так?

– Нет.

– Как же нет?

– Позволь мне, сеньор, дать тебе совет, – сказал Ликургус. – Не официальный, и не дружеский даже ... а просто христианский. Как один христианин другому.

– Да, конечно.

– Займись Полонией, пока есть время. А Ордену предоставь заниматься тем, чем он, Орден, занимается уже не первую сотню лет.

Бенедикт нахмурился.

– Также, помнится, Конрад Второй передавал тебе что-то ... грамоту какую-то ... – Ликургус заглянул в походный мешок, привязанный к сентуру.

– Ты ведь сказал только что, что Орден не вмешивается...

– Я всего лишь передаю грамоту. В виде одолжения.

– Мне одолжение или Конраду?

– Это все равно, – бесстрастно ответил Ликургус, передавая грамоту.

Бенедикт распечатал свиток.

«Сейчас денег нет», – писал Конрад. «Предоставляю в твою власть тысячу пехотинцев. Что хочешь, то с ними и делай. Они стоят в Венеции и ждут твоего прибытия. Конрад».

– С твоего позволения я удаляюсь – сказал Ликургус, и было видно, что ему все равно, есть оно, позволение, или нет. – Благослови меня.

– Ну, знаешь...

– Благослови, – холодным тоном приказал Ликургус.

Бенедикту стало страшновато. Собравшись с духом, он благословил представителя Ордена. Тот, пожав еще раз плечами, вышел.

Бенедикт покачал головой. Да, крепкие они там. Орден.

Выждав какое-то время, он вышел из комнаты, прошел по мраморной лестнице, вернулся за угол, открыл единственным в палатке ключом небольшую дверь, запер ее изнутри, и спустился – теперь уже по деревянной лестнице – в один из подвалов. Сняв со стенной полки свечу, он зажег ее и отпер еще одну дверь – обитую железом – в потайной архив. По периметру маленького помещения стояли кованые сундуки с секретными замками, отпирающимися не ключом, но системой рычагов, которые нужно было поворачивать в определенном порядке. Открыв один из сундуков, Бенедикт пристроил свечу на крышку соседнего, снял с крюка на стене холщовую суму, и стал один за другим вынимать свитки. Некоторые из свитков были очень древние, другие выглядели моложе и являлись копиями древних. Языки – старый греческий ... арамейский ... старая латынь ... старый иудейский ... еще арамейский ... снова греческий ... У первого Папы Римского был отвратительный почерк. Бенедикт – коль уж случай представился – присел на край сундука и, развернув свиток, некоторое время изучал письма своего знаменитого предшественника. Да, противный почерк – будто он торопится куда-то. Вот у Павла – Бенедикт развернул другой свиток – вот, это пишет человек обстоятельный, с понятием. Впрочем, неисповедимы пути Создателя – и, кто знает, может, то, что писал Петр, на самом деле важнее? А противный почерк – чтобы не воспринимали всерьез те, кому не положено?

Бережно сложив отложенные свитки в суму, Бенедикт повесил ее себе на шею и прикрыл тогой. Заперев сундук, он вышел из помещения и тщательно запер кованую дверь.

Глава четвертая. Дело наследника престола

Свита Бенедикта ввалилась в «Ла Латьер Жуайез» в полном составе. Поляков отправили «подготовить» наследника престола к грядущему визиту Папы Римского. Сам Папа Римский, подождав, пока друзья и подружки его слегка захмелеют и станут самодостаточны, завернулся в мантилло и вышел на страт. Час пополудни – относительно тепло, ранняя осень, темновато, луна светит по-северному нехотя. Дойдя до реки, Бенедикт повернул и зашагал вдоль берега. Приободрившись, луна выпросталась из-за облака, и впереди, слева, на втором из трех островов, зачернел на фоне неба силуэт главного храма города, Церкви Святого Этьена – с тяжеловесными романскими колоннами и небольшим, компактным куполом. Меньше чем через полтора века церковь эту снесут, оставив целой только часть подвала, чтобы освободить место для кафедрального Собора Господи Нашей, будущего главного символа города. Церковь стояла во время оно на месте, где когда-то располагалась базилика – тоже Святого Этьена. Поравнявшись с островом, Бенедикт спустился к самой воде и разбудил дремавшего в лодке перевозчика.

– Вот тебе дукат, а подождешь меня на том берегу, будет еще дукат.

Перевозчик любил возражать и препираться, но на такое и возразить-то было нечего. Несколько веселых взмахов – и лодка ткнулась килем в противоположный берег.

Главная церковь Парижа оказалась заперта – как и сегодня в это время суток часто бывает заперт Собор Господи Нашей. Стучать пришлось долго. Но вот – дверь наконец открыли. Сонный брат Кристоф с удивлением смотрел на молодого человека, судя по одежде – италийца.

– Что тебе нужно, сын мой? – спросил он.

– Помолиться мне нужно.

– Так молись.

– В церкви.

– Церковь закрыта.

– Видел. Так нельзя ли открыть?

– Зачем? Приходи утром, к молебну.

– А мне нужно сейчас.

– Поздно, сын мой.

– Ты – архиепископ?

– Архиепископ спит.

– У тебя есть ключи от церкви?

Кристоф рассердился.

– А хоть бы и были! Я что тебе, сын мой, слуга, что ли? Мало нам развратного Бенедикта, еще и прихожане наглеют, стыд потеряли! Спать надо по ночам! Понятно? Все, иди.

Он собрался уж было захлопнуть дверь, но Бенедикт поставил ногу между дверью и косяком.

– Это несерьезно, – сказал он.

– Что несерьезно?

– Двери Дома Божьего, падре, должны быть открыты для всех, кто испытывает потребность войти.

– Они и открыты – днем.

– В любое время.

Кристоф рассердился еще пуще. Спесивая кровь взыграла в нем – младший сын военного, внук и правнук победоносных рыцарей, благородный – вынужден разговаривать среди

ночи с каким-то италийцем, по виду простолюдином, с порочным лицом, при лунном свете – какого дьявола!

– Сейчас я позову слуг, – сказал он, – и тебе влепят по шее.

– Да? – задумчиво произнес Бенедикт. – Ну, что ж. Не получилось по-хорошему – стало быть, перейдем к административным мерам.

– Да, иди, жалуйся! Кардиналу какому-нибудь, папскому прихвостню!

– Это ни к чему. Моих собственных полномочий хватит, чтобы приструнить невежду.

Кровь ударила Кристофу в голову.

– Ах ты наглец! – сказал он. – Полномочия? Я тебя сейчас...

Вытащив правую руку из-под мантилло, Бенедикт поднял ее к самому носу Кристофа. Лунный луч отразился от одной из граней перстня и на мгновение ослепил аббата. Кристоф отшатнулся, замороженно глядя на перстень, а затем упал на колени перед Бенедиктом и склонил голову.

– Прости меня, мой повелитель, – сказал он тихо.

– Возьми ключи и пойдем.

– Прости.

– Прощаю. Быстрее.

Кристоф кинулся к шкафу, выволок из него массивную связку ключей и, пригнув голову, встал рядом с Бенедиктом.

– Я в твоём распоряжении.

Фраза рассмешила Бенедикта, но он сдержался, не улыбнулся. Они вышли из флигеля и проследовали к главному входу храма. Кристоф отпер дверь и снял со стены горящий контрольный факел.

– К алтарю, – велел Бенедикт.

У алтаря Бенедикт взгромоздился на подиум, с которого священники читали проповеди, и оглядел зал.

– Здравствуйте, добрые люди, – сказал он зычно. Послушав эхо, он чуть повернул голову и повторил, – Здравствуйте, добрые люди. Хо-хо. – Он еще чуть повернул голову. – Да, здравствуйте. Вот так лучше всего, пожалуй. – Мрачно посмотрев на Кристофа, он приказал, – А ну, встань вон туда, в проход. Чуть левее. Отступи на шаг. Скажи, «Я умный».

– А? – не понял Кристоф.

– Скажи, «Я умный».

– Я?

– Ты.

– Я умный.

– Громче.

– Я умный!

– Скажи, «Я очень умный!»

– Я очень умный!

– И я прекрасен!

– И я прек ... хмм...

– Не стесняйся. Говори. И погромче.

– И я прекрасен.

– Теперь подпрыгни.

– Как?

– На месте. Подпрыгивай. Ну же!

Кристоф подпрыгнул.

– Еще раз.

Кристоф подпрыгнул еще раз.

– Иди сюда.

Кристоф подошел.

– Завтра ... Когда у вас утренняя служба?

– В семь часов.

– Нет, это рано ... То есть, проводите, конечно, я не возражаю. Но в полдень ... Пусть архиепископ оповестит прихожан, что приехал вельможа из Рима, приближенный Папы Римского, и будет читать проповедь забавную. Захватывающую. Только пусть не говорит, что сам Папа приехал, иначе я ушлю его миссионерствовать к халифам. И тебя тоже. Запомню, затаю в себе зло – и напишу приказ. Я вообще очень злопамятный, это все знают. Мстительный я. Ежели решил кого-нибудь со свету сжить, то непременно сживу. Такая натура у меня. Понял?

– Понял.

– Когда я проповедь буду читать?

– В полдень.

– Правильно.

– В полдень мало народу.

– Ничего. Жажнете в колокол лишние пару раз, так сбегутся. Правителя и двор можешь позвать тоже, целиком. А вот скажи ... как, бишь, зовут тебя?

– Кристоф.

– Вот скажи, Кристоф. Я похож на Ирода?

– На...

– На Ирода. Который хотел, чтобы Иисус ему чудеса показывал?

– Нн ... нет.

– А на императора Клавдия?

– Нн ... не знаю, сеньор.

– Ага. А на святую Женевьевь?

– Нет.

– Ни на кого я не похож, – огорчился Бенедикт. – А хочешь предаться плотским утехам со мною? А ну, подойди поближе.

– Нет, нет, что ты, – Кристоф попятился.

– Ну – не хочешь, не надо. Да и не слишком ты красив, Кристоф. Ты, конечно, думаешь, что совершенно неотразим. А ты не думай, это не так. Лицо у тебя постное, да и угловатый ты. А еще мне известно, что заговоры против меня строят. Козни всякие. Скажи, строят?

Кристоф стал прозрачно-бледный как водянистое молоко, и не догадался отодвинуть факел от лица.

– Что ж молчишь ты, Кристоф?

– Я...

– Не участвовал ли и ты в таких заговорах?

– Что ты, нет, конечно.

– Участвовал, – протянул уныло Бенедикт. – В них все участвуют. Собираются и начинают рассуждать, как бы им Папу скинуть, и нового на его место поставить. Особенно Венеция свирепствует. А знаешь ли ты, Кристоф, чем я их всех якобы не устраиваю? Ты скажешь – блудом, мол, папский престол на посмеище всему миру выставил. Соблазнитель чужих жен, мужеложец, пьяница, и так далее. Но это они так говорят только, Кристоф. Ты не верь. Не поэтому вовсе я им не нравлюсь. Вовсе нет. ... Ладно. Третью Заповедь помнишь?

– Э...

– Скажи Третью Заповедь.

В голове Кристофа сделались туман и сумбур. Возлюбил? ... Нет ... Не сотворил? ... тоже нет.

– Эх ты, – сказал Бенедикт. – Аббат огородный. Тумбочка франкская. Пойду я, ты мне надоел. Чтобы завтра к полудню мне тут народ был.

Подбоченясь, Бенедикт прошел по нефу, сопровождаемый Кристофом с факелом, и вышел из храма.

– Спокойной ночи, – сказал он.

– И тебе ... сеньор...

Перевозчик, как и обещал, ждал Бенедикта. Запрыгнув в лодку, Бенедикт сунул ему дукат. Несколько взмахов весла – и вот опять Левый Берег.

– Не скучай, гондольер, – сказал Бенедикт. – Напевай себе что-нибудь, не дремли. От скуки злодейства случаются.

Напевая себе под нос «Не играй красавица сердцем артиста...» он углубился в один из стратов. Сначала прямо, затем направо, в проулок, думал он, затем будет широкий старт, и по нему семь кварталов красивым, размеренным шагом. Что-то я не вижу дозоров. В столице страны – нет ночных дозоров? Странно. Вот ведь глушь какая, франкское логово. Позвольте, если нет дозоров и ночные прохожие предоставлены самим себе, значит, грабителям простор. Как же так. Ведь это в какое искушение вводят город по ночам, а? Где дозоры? Да я бы сам стал ночным грабителем при таких обстоятельствах! Дикие они здесь. А ведь со мной нет никакого оружия, подумал он.

И именно в этот момент луна зашла за облако. Стало непроглядно темно. Куда ни повернись – чернота. Нужно держаться забора. Где забор?

Забор не находился.

Так. Спокойно. Страт этот – шириной в двадцать шагов. Не больше. Шел я прямо. Если я повернусь вправо на девяносто градусов и пошагаю, то упрусь в забор максимум через двадцать шагов. Правильно. Спокойно.

Он так и поступил, но через двадцать шагов забора не оказалось, и у Бенедикта стали подкашиваться от страха колени. А ну нападет кто! В полной-то темноте! Впрочем, грабителям тоже ... не видно ничего ... или видно? Может, они привычные. В Риме везде дозоры с факелами, и на стенах факелы...

Значит, подумал Бенедикт, я до этого вертелся туда-сюда, как дешевая путана, и стоял лицом не в перспективу страта, а к забору, а когда повернулся, то и пошел – по страту вдоль. Поэтому сейчас нужно снова повернуться на девяносто градусов, и идти, и меньше, чем через двадцать шагов забор будет.

Забор не повстречался ему и на этот раз.

Это потому, что и в первый, и во второй заход, Бенедикт пересекал улицу по диагонали – что он и осознал, как только из-за угла появились двое с факелом и осветили местность.

На дозор двое с факелом похожи не были, и Бенедикт еще больше перепугался. Но тут он сообразил, что на идущих – робы. Типа монашеских. Или алумни. Спрятав страх поглубже, он пошел им навстречу – выхода не было, бордовый мантилло, который его угрозило нацепить, заметили.

В Италии монахи одеваются ... хмм ... робы у них не такие ... совсем ... Наверное эти люди – монахи. Тогда все хорошо. Но не могу ж я им просто так вот взять и сказать – я Папа Римский! А вдруг они вовсе не монахи. Что-то дрожу я весь, спина влажная стала.

– Мир вам, добрые люди, – сказал он беззаботным голосом. – Я тут давеча уронил факел в реку. Не окажете ли вы мне услугу, не проводите ли меня до Рю Гарсон Мове – это совсем рядом. За вознаграждение, конечно.

– Вознаграждения нам не надо, – сказал тот, что повыше и покрепче. – А проводить можно, прогулки способствуют ясности мысли...

– Вы – монахи? – спросил Бенедикт.

– Нет, – сказал тот, что повыше.

– Да, – сказал тот, что пониже, и добавил, пригласительно склонив голову. – Ты говоришь, Рю Гарсон Мове?

Некоторое время поколебавшись, Бенедикт кивнул. И они двинулись в путь неспешным шагом.

– В гости идешь? – осведомился тот, что пониже.

– Навещаю старых друзей. Обещал помочь им разобраться в одном щекотливом вопросе, – запросто ответил Бенедикт, чувствуя холод в животе. – Мы правильно идем? Я приезжий, расположение улиц мне неведомо.

– Мы правильно идем, – заверил его тот, что поменьше. – А приезжий – откуда? Я мало путешествую, всегда интересно узнать что-то новое.

– Из Италии я.

– Из Флоренции?

Бенедикт подумал, что вопрос каверзный. Флорентийским диалектом он владел плохо, и если спрашивающий во Флоренции бывал – распознает.

– Нет, из Рима.

– И как там у вас, в Риме?

– В Риме у нас неплохо.

– Много развлечений? Веселый город?

– Не то, чтобы очень.

– А я был в Риме, – сказал тот, что повыше.

Тот, что пониже, отмахнулся, делая вид, что не верит товарищу.

– А вы, люди добрые, куда в такое время направляетесь? – спросил Бенедикт пытаясь себя уверить, что это не грабители и, что хуже, не похитители.

– Направлялись мы в один дом, но к разным ... – тот, что повыше, запнулся.

– Хозяйкам, – закончил тот, что пониже.

Помолчали.

– Вот что, Нестор, – сказал тот, что пониже. – Там, в доме том, будут беспокоиться. Вот, запали второй факел и иди к ним, да скажи, что я скоро буду, только человека провожу.

– Но мы же хотели вместе...

– Иди, иди. На факел.

Запалив факел от первого, Стефан передал его Нестору.

– Ну, хорошо, – сказал Нестор. – А ты скоро будешь?

– Да зачем я тебе?

– Ну, как ... Я к тебе привык за эти недели...

– Я не рыба копченая, – отрезал Стефан, – чтобы ко мне привыкать. Иди, Нестор.

– Ну, как знаешь. Не больно то и желалось мне тебя лицеизреть.

И Нестор ушел. Пройдя с Бенедиктом еще несколько шагов, Стефан сказал с чувством,

– Свинья круглорожая.

У Бенедикта лицо было продолговатое – он понял, что это не о нем, а о Несторе.

– Не так уж он плох, – предположил он.

– Спьен и доносчик, – отчеканил Стефан.

– Ты уверен?

– Нет. Почти. Ага, вот, кажется, мезон, который тебе нужен. В окнах свет. Тебя не подождают ли?

– Нет, я, видимо, надолго к ним.

– Я постою у калитки.

– Не нужно.

– Ничего, ничего. А вдруг тебя выгонят? А третьего факела, чтобы тебе дать, у меня нет.

– Не выгонят, – Бенедикт засмеялся и, пройдя через палисадник, вошел в мезон.

Стефан остановился у калитки, нагнулся, оторвал стебелек травы, и стал его жевать.

Через некоторое время Бенедикт, помрачневший, вышел из мезона, выдвинулся на страт, и посмотрел хмуро на Стефана.

– Куда-то все подевались, – сказал он. Там только один человек. И он говорит, «Ах, оставь меня». Ничего не добьешься.

– Казимир! – раздался вдруг зычный голос одного из поляков – с соседней улицы.

– Казимир! – донеслось с другой улицы.

– Что это они? – удивился Бенедикт.

– Ищут кого-то, наверное. Кличут.

– Кличут? Он что, собака или бык? Ну и устои у этих поляков! Это несерьезно.

– Казимир! – снова раздалось над картье.

Стефан улыбнулся.

– Пойдем в дом, – предложил он. – Чего стоять-то тут, на страте. Еще подумает кто, что мы с ними, кличущими, из одной компании.

– Да, но ... Кличут ... Казимира...

– Казимир – это я, – сказал Стефан.

– Ты?

– Да.

– Они тебя ищут?

– Чего меня искать. Я не прячусь. А ты, кажется, посланец Папы Римского.

Некоторое время Бенедикт размышлял.

– Казимир! – снова закричали где-то неподалеку.

– Вон там, в палисаднике, деревья, густая тень, – сказал Бенедикт. – Пойдем туда. Мне нужно с тобою побеседовать. И я боюсь, что твои соотечественники помешают разговору.

Стефан, он же Казимир, подумал и кивнул. Зайдя в палисадник, молодые люди укрылись в тени деревьев.

– Мне известно, что ты не хочешь заступать на должность правителя Полонии, – сказал Бенедикт. – Наверное, тебе это скучно. Но, может, есть и другие причины. Скажи, если есть.

– Ты же видишь, – ответил Казимир. – Восемь поляков орут среди ночи, скоро весь город разбудят. А представь себе целую страну поляков.

– Действительно, невежество, – согласился Бенедикт. – Неужто они в Полонии все такие дикие?

– У тебя, наверное, есть ко мне письмо от Папы Римского?

– Зачем оно тебе?

– Ну, как. Интересно. Все-таки Папа Римский. Хотелось бы узнать, как и что он пишет. Мне.

– Всему свое время. Будет нужно – будет письмо. Или даже четыре письма. Помимо того, что твои соотечественники шумные очень, есть ли у тебя еще причины торчать в этой дыре вместо того, чтобы ... Ну?

Казимир промолчал.

– Девушка, например, – предположил Бенедикт.

Казимир улыбнулся. Было темно, но Бенедикт понял.

– Которая, – продолжил он свою мысль, – не знает, кто ты такой.

– Возвращаться в Полонию мне нет смысла, – сказал Казимир. – Полонией владеют силы, враждебные моей семье.

– Тебя попросят встать во главе освободительного войска, насколько я понимаю.

– Ты видел это войско?

– Я – нет.

– А я видел. Оно сейчас вокруг мезона бежит, меня ищет. В полном составе.

- Ты преувеличиваешь.
- Ты хочешь сказать, что оно еще меньше, чем я думал?
- Призовут в помощь Императора Конрада.
- Казимир усмехнулся.
- А если он откажется, – продолжал Бенедикт, – то Дука Иарослаффа.
- В обоих случаях я буду просто куклой, либо императора, либо дука. И вскоре после этого настанет момент, когда кукла сделается ненужной. Я молод, и желаю быть живым и свободным.
- Можно и не призывать чужих. Можно собрать польское войско.
- Не вижу смысла обсуждать это с тобой.
- Почему?
- Ты посланец, следовательно интерес твой в данном случае праздный. Тебе все равно, что будет, у тебя есть место при Папе, и ты просто развлекаешься предположениями.
- Я уполномочен...
- Папа Римский не мог уполномочить тебя вести со мною переговоры. Давай мне письмо, и кончим болтовню.
- Почему же он не мог меня уполномочить?
- Для такого поручения он нашел бы человека, выглядящего менее легкомысленно.
- Бенедикт улыбнулся. Неглуп, подумал он. Но и не слишком умен.
- Послушай меня, мальчик мой, – сказал он. – У всех нас в жизни есть предназначение. Люди рождаются – пейзажами, зодчими, ремесленниками, летописцами, а также правителями.
- Некоторые правители отказываются от престола. И что за дурацкое обращение – мальчик мой? Ты ненамного меня старше, посланец.
- Отказываются, потому что не родились правителями.
- Ну вот и я также.
- Ты не можешь отказаться от престола.
- Почему?
- Потому что нельзя отказаться от того, чего у тебя нет. Ты сперва престол этот займи, а уж потом отказывайся.
- Не читай мне нравоучения, – раздраженно сказал Казимир. – Ты, знаешь, ли, все-таки не Папа Римский.
- Я именно Папа Римский.
- Не шути, мне не до шуток.
- Твои поляки подтвердят.
- Казимир подумал.
- Хмм ... – сказал он. – Правда, что ли?
- У меня нет с собою тиары, – сказал Бенедикт, раздражаясь. – Экий народ недоверчивый.
- Ух ты, – восхитился Казимир. – Сам Папа Римский! Вот ты, стало быть ... А я-то думал...
- Что ты думал?
- Я тебя по-другому себе представлял. Да и одет ты...
- Не в тиаре же мне по страдам разъезжать, не в мантии.
- Тебя очень не любят везде.
- Это не имеет значения. Не для того я становился Папой, чтобы меня все любили. Я становился Папой, чтобы меня любили некоторые.

– Имеет. Я именно потому и хотел съездить в Рим, посмотреть на тебя. Раз не любят, значит есть в тебе что-то основательное. Ну! А скажи, это правда, что есть такая чаша, которую ищут...

Бенедикт уперся лбом в дерево, пытаясь подавить смех. Плечи его затряслись.

– А что смешного? – обиделся Казимир. – Я просто спросил...

– Казимир, – сказал Бенедикт, и подавил еще один приступ хохота. – Подожди ... Молчи ... Казимир ... Послушай. Нужно собрать это войско ... поляков...

– Ты опять за свое! – возмутился Казимир. – Это тебе нужно, а не мне! Это у тебя, а не у меня, отобрали Полонию!

– Не переживай, я щедрый, – заверил его Бенедикт. – Как отберем ее обратно, я с тобою обязательно поделюсь. Тебе тела, мне души. Ладно. Видать за одну ночь тебя не уговоришь. Ого! Опекуны твои возвращаются.

– Тише. Пусть они зайдут в мезон.

– Да. Я-то как раз не хочу заходить.

– Почему?

– Вонь там несусветная. Ужас. От тебя не сильно пахнет, ты молодой совсем...

Казимир покраснел, но ничего не сказал.

– Проводишь меня в заведение. Называется «Ла Латьер Жуайез», – сказал Бенедикт. – И можешь остаться ночевать.

– Нет, я...

– Да, правда, ты ведь к девушке шел. Проводишь меня, пойдешь к девушке.

– Один боишься? – насмешливо спросил Казимир.

– Один боюсь, – согласился Бенедикт. – Я вообще из пугливых.

– Я подумаю.

– Насчет чего?

– Насчет Полонии.

– Ах, да, я и забыл было ... – удивился Бенедикт.

– То есть как?...

– Да так. Что это мы с тобой – Полония да Полония...

На этот раз Казимир совершенно растерялся.

– Я шучу так, – сказал Бенедикт. – Не обращай внимания. Вот что. Как придем в трактир ... Я приготовлю тебе список.

– Какой список?

– Список людей, к которым тебе нужно обратиться в Полонии. Дать им знать. Собрать их в каком-нибудь небольшом селении. Они по большей части знатные землевладельцы старой закалки, многие под командованием твоего деда воевали. Они придут и приведут войска. Тебе нужно будет их кормить...

– На какие деньги я буду их кормить?

– Не знаю ... Найдешь. В Саксонии, например. Кстати, в Саксонии проживает много народу, сбежавшего от польской смуты, и у них дети уже подросли, вполне боевые стали. В общем, пойдём-ка мы в трактир. Посмотри – вроде они все в доме, во двор никто не смотрит?

А тем временем поляки, молодые и старые, отчаявшись, вернулись в мезон.

– Как быть, что делать? – уныло задал риторический вопрос один из старших. И добавил еще два вопроса, – Где он? Что скажем мы Папе Римскому, когда он явится сюда утром? Приуныли.

Лех, не в силах сдерживаться, сказал со смертной тоской, —

- Где он – известное дело. Казните меня, панове. Я один во всем виноват.
- Ты знаешь, где он? – самый старший поляк, именем Кшиштоф, поднялся с шеза. – Где же?
- У Неустрашимых, – едва слышно произнес Лех.
- Как? Громче!
- У Неустрашимых.
- Сделалось тяжелое, грозное молчание.
- Объясни, – попросил Кшиштоф.
- До нашего еще приезда – стал он к ним ходить. Я сперва не понял, куда он ходит, дума, что к девушке.
- Ходит?
- Каждую ночь. Я вызвался его стеречь, вон там, в том помещении, пока остальные спят. И никто меня не сменял. Привыкли. Он меня упрасивал долго, ну я и позволил.
- Что позволил?
- По ночам ходить. Я думал – к девушке. Сперва мы вдвоем вылезли через окно и пошли ... потом еще раз ... Он доходил до мезона и ждал, пока я уйду. Я думал – чтобы девушку не смущать.
- Ежи, Адам и Дариуш, сгорая от стыда и ярости, вскочили на ноги.
- Ты за это ответишь, – сказал Адам. – Ты, кривая рожа, так ответишь, что день проклянешь, когда матка твоя, курва подлая, тебя зачала.
- Лех сверкнул глазами.
- Тихо! – сказал старший, Кшиштоф. – Ругаться мы будем потом.
- Я убью это рольниково отродье.
- Когда тебе будет угодно! – крикнул Лех в ответ.
- Тоже потом! – прогремел Кшиштоф. – Сперва надо бы выяснить, что к чему! Молчи, Адам. И остальные – щенки! – тоже молчите! Говори, Лех. Но говори всю правду. Так лучше будет, всем.
- Один раз, – сказал Лех, с трудом сдерживая ярость, подавляя стыд, глядя на Адама. – Один раз ... Он запозднил ... – Лех перевел взгляд на Кшиштофа. – Запозднил. Я уж начал переживать, что он не вернется вовремя, эти проснутся, а его нет. Пошел я к тому мезону, ему навстречу. Думал, может он уснул там, с девкой своей. Иду по страту, вижу – они навстречу, пахолек наш, а с ним другой, статный такой, большой. Я спрятался за липу. А они прошли мимо. А я за ними. А они переговариваются.
- Они не заметили твой факел? – спросил Кшиштоф.
- Не было со мной факела. Ночь была ясная, луна светила. Да ... Переговариваются они по-шведски ... А только слышу я слово «Интрепид» – несколько раз. Ну и догадался я. Они разошлись, пахолек пошел сюда, а я за другим. Тот обратно к мезону. Я за ним. Он в мезон, а я у двери встал, а там внутри голоса. Не на местном наречии, а больше по-шведски. Я плохо понимаю. Понял только, что главного у них зовут Нестор.
- Что ты болтаешь, – сказал Дариуш. – Главный у Неустрашимых – Рагнар, из рода Дренготов.
- Помолчи, Дариуш, – велел Кшиштоф.
- Да болтает он...
- Помолчи. Рагнар Дренгот надо всеми главный. А Нестор этот главный – здесь. Что еще тебе известно, Лех?
- Больше ничего.
- По-шведски Неустрашимые – Офорскракт, – сообщил Ежи.
- Они по-латыни говорили, – догадался Дариуш. – «Интрепид». Для хвата нашего Леха все иноземные языки – шведский.

- Невежественный рольник, – пробормотал Адам.
- Тише! – велел Кшиштоф. – Лех, мезон тот где стоит?
- На Рю Ша Бланк.
- Какой он с виду?
- Самый большой там. Черепичная крыша.
- Прекрасно, – сказал Кшиштоф. – Теперь помолчите все. Мне нужно подумать.

Вот, старина Кшиштоф, подумал он. Вот и настал главный момент. От того, что ты сейчас решишь, зависит столько, что если ошибешься – сам себя презирать будешь, да и перед Создателем ответишь. А ты еще осуждал Бенедикта за блуд! Плохой, мол, пример подает Бенедикт пастве! А ведь он, Бенедикт, бросив все дела, поехал с тобою в эту дыру, уговаривать нашего мерзавца! Как он печется о своей пастве, о Полонии – а? А эти сопляки что же? Спеси много – а сами бессовестные, ленивые! Вчетвером не смогли два жалких месяца за одним мерзавцем толком уследить, дармоеды! А Бенедикт – посланцев с дороги послал к Конраду и к Ярославу, еще какие-то дела улаживал – и в Риме, и по дороге, при нас, а мы и ухом не повели, лясы точили, да еще и злословили, да еще и возмущались, мол, целый гарем с собой везет. А на самом деле Папа Римский делает больше, чем кто-либо в наше растреклятое бесчестное время, печется о наших душах ... Делает, делает. А все, что делаем мы – умный вид. И слова умеем говорить негодующие. А как до настоящего дела доходит – то вот они, результаты.

– Лех виноват столько же, сколько остальные, – сказал он. – Сколько я. Меня назначили здесь главным – нужно было мне одного из сопляков взять с собою в Рим, а одного старика здесь оставить. Я не подумал, старый дурак, понадеялся ... на то, что если благородный юноша берет на себя ответственность, значит ... а оказалось, что ничего это вообще не значит! Но теперь речь не об этом. Если к утру пахолек не вернется, нам ничего не останется, как только ... как ... признаться в нашей дурости и безответственности Папе Римскому. И предоставить себя в его распоряжение, восемь свердов – раз на большее мы не способны. Может, он что-нибудь придумает.

– А если появится? – сказал Ежи.

– Если пахолек появится, – продолжал Кшиштоф, – о чем я молю Создателя ... Если появится, то ... все притворимся спящими. Затем ... – Кшиштоф задумался. – Он заходит в мезон, мы его хватаем, дверь запираем, и ждем прихода Папы.

– И что же Папа сделает? – спросил Ежи.

– Папа его уговорит.

– Уговорит?

– Если Папа ... ручаюсь вам, бросит пахолек Неустрасимых и сделает то, что ему положено. Станет нашим повелителем ... станет другим человеком!

– Такой убедительный этот Папа? – с сомнением спросил Дариуш.

Старшие переглянулись и улыбнулись невесело.

– Тебе, бездельнику, не умеющему держать слово, это не понять, – сказал Кшиштоф. – Папа Римский уговорит самого Люцифера принять крещение.

Он не преувеличивал – он действительно так думал. Во время одной из стоянок на пути в Париж, Бенедикт завел с Кшиштофом разговор и убедил его, что всех его (Кшиштофа) детей и внуков следует сделать мужеложцами, ибо в походе мужеложцы – самые выносливые и отважные. И Кшиштоф поверил – Кшиштоф поверил! – после чего Бенедикт засмеялся и сказал, что это такая шутка, и что вообще-то чрезмерная серьезность – признак медлительного ума.

– А тем временем, – сказал Кшиштоф, понижая голос, – мы окажем ему, Полонии, да и всему миру небольшую, но добрую, услугу. Это честь великая для каждого воина, поэтому я не хочу назначать ... да ... посылать ... Будем тянуть жребий. Одному из нас выпадет – если

пахолек вернется до прихода Папы – идти в это змеиное гнездо ... выманить ... как бишь его? Нестор! Выманить Нестора, вызвать его на поле чести, и убить. Жребий будем тянуть прямо сейчас. Вот несколько соломинок ... нужно шесть...

– Шесть? Почему же шесть? Нас тут восемь человек, – заметил Дариуш.

– А зачем же старшим стараться? – спросил Ежи. – Четыре соломинки.

– Я без всяких соломинок пойду и все сделаю, – сказал Адам яростно.

– Тише, – сказал Кшиштоф.

– А Леху поручать нельзя. Три соломинки, – вмешался Ежи.

– Тише вы все! Шесть соломинок нужны потому, что Лех, само собою, не пойдет.

– Почему же? – возмутился Лех.

– Недостоин потому что, – отрезал Кшиштоф, и Лех стал лиловый от стыда и отчаянья. – И я не пойду. Я бы пошел – как Адам, без жребия – но я ответственен здесь за всех, и за исход дела, перед Полонией и перед Риксой Лотарингской. Молчать! Всем молчать! Всем лечь и притворяться спящими! Видите входную дверь? Молитесь, чтобы в нее вошел пахолек, а не постучался Папа Римский!

Глава пятая. Совет Содружества

В Шайо, деревушке захолустной несмотря на близость – чуть больше миллариума – от Церкви Святого Этьена – оставались лишь пейзажи и один фермье. Остальные жители, легкие на подъем в силу скромности имущества, месяц назад все как один решили переместить место жительства. К тому у них имелись веские причины.

А было так.

Значительное число вооруженных норманнов, а может быть варангов (около тридцати) прибыли в деревушку и остановились в четырех брошенных домах на краю. Один из домов оказался брошенным лишь отчасти – там жили нищие. Им прибывшие заплатили, и они куда-то ушли.

В Шайо считалось, что ежели человек на лошади, сбоку сверд болтается, на лице презрение, а человеческий язык понимает с трудом – значит, норманны. Для жителя Шайо и Аттила был бы норманн.

Через неделю после прибытия «норманнов» деревенский идиот Рене-Огюст обнаружил в близлежащем лесу, где часто шляется без толку, труп Жанетт – жены ремесленника Бутона, который искал пропавшую три дня, да и махнул рукой – сбежала, мол. Несмотря на июльские заботы, вся деревня ходила смотреть на труп, пока возмущенный священник маленькой деревянной церкви не вразумил жителей и не наорал на Бутона, чтобы тот похоронил убиенную.

Заподозрили «норманнов». Старейшины собрали делегацию и повели ее к четырем домам. «Норманны» выявили из своих рядов человека, бойко говорящего на местном наречии. Когда его дипломатично спросили, не его ли соплеменники имели аксидентальную неосторожность укокошить Жанетт, он сделал недоуменно-надменное лицо, рявкнул что-то своим, свои рявкнули в ответ, и он поведал делегации, что приезжие – люди мирные, и в дела местных жителей не вмешиваются, желают местным только добра и здравствия и умоляют их впредь местными интригами не беспокоить. А ежели местные, презрев законы гостеприимства, будут продолжать беспокоить гостей, гости рассердятся и ... переводчик задумался, подыскивая правильное выражение ... и будут пинать их дерье.

Старейшины, не уловив лингвистической тонкости, спросили – а это как? Тогда переводчик предложил продемонстрировать. Старейшины согласились. Переводчик взял одного старейшину за плечи, развернул его спиной к себе, и дал ему пенделя.

Делегация состояла в основном из крепких мужчин, и было их, крепких, человек десять. Но у шестерых «норманнов», коих делегация застала дома, были такие лица, что сельчане решили сделать вид, что принимают пендель за не очень удачную, но все же шутку. Неловко засмеялись и ретировались.

Затем в лесу обнаружили труп еще одной женщины – Иветт, жены фермье. Теперь уже сам священник решил пойти к «норманнам» – по-хорошему их расспросить, не видели ли чего. Назад он не вернулся.

Неожиданно волна суеверия захлестнула жителей Шайо – а без влияния Церкви обновить ее было некому. Прошел слух, что Парижем и окрестностями, включая Шайо, завладел злой колдун, пожирающий детей и кастрирующий мужчин. Жены и дочери жителей не восприняли слух всерьез, и даже позубоскалить успели власть над перепугавшимися мужчинами – до момента, когда оказалось, что и женщинами колдун не брезгует. Главный авантюрист села, участвовавший в походах (так он говорил), башмачник Эжен (вернувшись с полей или с торгового пункта, пейзажи и ремесленники смотрели на жен и спрашивали, не захаживал ли он, и жены клялись, что нет), решил посмотреть на колдуна, жившего по слухам неподалеку от королевского дворца, и на рассвете, отбиваясь от собственной жены и детей, цепля-

ющихся за его порты, отправился пешком вдоль берега – в Париж, взяв несколько монет для платы перевозчику. Назад он не вернулся.

Пошли к ворожихе, жившей в четверти миллариума от Шайо, в лесу. То, что она ворожиха, в Шайо знали все, кроме пропавшего священника. Ворожиха долго размахивала длинными костлявыми руками, раскидывала по земляному полу какие-то кости и камешки, капала воском на специально отловленную по этому случаю пекарем крысу, и в конце концов сказала, что во всем виноваты приезжие, наводящие порчу, а парижский колдун – из их числа.

Это и без нее знали.

Совет старейшин Шайо собрался в доме пекаря и порешил, что с приезжими надо действовать силой. Действия решили начать назавтра в полдень, и сообщили об этом всем жителям. Этой же ночью больше половины жителей уехало и ушло пешком, на север, включая почти всех старейшин. Утром оставшиеся старейшины получили, каждый, наследство от родственников – кто в Пикардии, кто в Бургундии – и тоже уехали, вместе с семьями. Оставшиеся почувствовали себя неуютно, к полудню применить к норманнам силу не вышли, и к вечеру тоже ушли и уехали, кроме одного фермье и его пейзапов, которым не с руки оказалось менять место в середине сезона. Фермье, тем не менее, прекратил работу и провел весь день на крыльце своего мезона, потягивая дрянное вино и утираясь рукавом. На следующий день к нему пришел чернявый, худой и плюгавый «норманн» с небольшим боевым рогом в руке и бросил на крыльцо кожаный кошель, набитый золотыми монетами.

– Будешь приносить нам еду, – сказал он.

– Какую еду? – мрачно и нехотя спросил фермье, вставая.

Оказался он вдвое шире и на полторы головы выше «норманна».

– Цыплят. Свиней. Хлеб. Вино. Каждый день.

– А я вот сестру в Орлеане навестить собрался.

– Сестра твоя подождет. Мы здесь еще два месяца пробудем.

– Да она замуж выходит.

– Пусть выходит.

– Как это – пусть? Свадьба моей сестры – пусть? Не понимаю тебя.

Тогда плюгавый «норманн» дал рослому фермье рогом по лбу, и фермье, потирая лоб, стал понятливее.

В Полонии коня следовало щадить, поэтому путь от Гнезно до первого большого города в Саксонии – Магдебурга, по слухам резиденции легендарного императора Отто Первого на протяжении всего его правления – занял так много времени, что посланец, гордившийся своим умением успевать там, где это казалось невозможным, начал беспокоиться за свою репутацию. К тому ж ему пришлось два раза уходить от разбойников и один раз драться – несмотря на заверения польских властей, что, мол, со времени усмирения восстаний рольников (кои восстания члены нынешнего правительства спровоцировали, чтобы взять власть) все пути в стране спокойны. Зато от Магдебурга и до самого Парижа...

Впрочем, посланец, именем Бьярке, все это придумал сам, и заставил себя во все это поверить. А на самом деле вовсе не разбойники и не отвратительное состояние польских путей явились причиной задержки. О настоящей причине он заставил себя не думать. Поскольку думать было нельзя. Поскольку и сама причина, и мысли о ней, ежели разобраться основательно, являлись предательством. Не совсем предательством, а так ... около. Следовало делать вид, что во всем виновата Полония. От Полонии не убудет, а нам спокойнее.

Лишнюю неделю Бьярке провел в постели сорокалетней вдовы, отгородившись от мира дубовой дверью с двумя чугунными засовами. Несмотря на тридцать пять лет и большой жизненный опыт, он не подозревал раньше, что какая-либо женщина может так его захватить. Ради нее он рискнул положением, репутацией, жизнью. Она знала, кто он такой – Бьярке этого не скрывал – боялась его. И, возможно, чувствовала к нему такое же влечение.

...Зато от Магдебурга и до самого Парижа путь лежал по старой римской страде, ровной, надежной, и хорошо охраняемой молодцами Райнульфа Дренгота – сводного брата Рагнара, а подставы, принадлежащие Неустрашимым, никто не смел трогать. Страда использовалась в основном работорговыми караванами, платившими Неустрашимым пошлину. Из всех дел, коими мог в одиннадцатом веке заняться человек, работорговля была самым доходным. Быстрый обмен информацией между европейскими центрами Неустрашимых – всего лишь дополнительная функция страды.

Покойный император Хайнрих Второй уничтожил бы подставы, лошадей забрал бы себе в конницу, работорговлю прибрал к рукам, да и Полонию усмирил бы за две недели. Но преемник Хайнриха, Конрад Второй, оказался больше стратегом, чем тактиком, и больше домашним правителем (слово «бюрократ» еще не стало во время оно обиходным, равно как и слово «функционер»), чем воином. Империю он удерживал, но даже в стычке с Мешко Вторым, сыном Болеслава Храброго, пришлось ему искать союза с опасным, непонятным, суровым соседом, принцем, герцогом, или конунгом – черт их, славян, разберет – Ярославом. Ярослав не отказал, и вдвоем они сшибли Мешко с трона, но тут у обоих сделались неотложные дела в тылу, и Полонию оставили на произвол судьбы, а Мешко бежал к чехам, которые по слухам обошлись с ним жестоко. Сделав попытку снова занять трон, неумеха Мешко умер, старые языческие семьи взяли власть над Гнезно и всей Полонией, а Конрад бездействовал. О подставах Неустрашимых ему докладывали, о пошлинах на работорговлю тоже, но он только пожимал плечами. Можно было наложить налог хотя бы на подставы, но Конрад и этого не сделал.

Старую римскую страду било дождями, присыпало зимой снегом, в некоторых местах она поросла травой – но лежал, где под землей, а где и на поверхности – аршинный слой римской известки, секрет которой был утерян, смешанной с камнем. Многие насыпи растерлись и разгладились, а мосты давно стали просто легендой (некоторые из них порушили четыре века назад перевозчики) – но дорога – не единственная такая в Империи – продолжала жить. И посланец Бьярке пролетел ее всю – из Магдебурга через Мюнстер и Аахен (Камелот Шарлеманя, который во времена правления Императора Запада назывался Ла Шапель), мимо бельгийских болот, и прибыл в Шайо раньше, чем его там ждали. Необходимость объяснять причину задержки отпала.

– Здравствуй, Бьярке, рад тебя видеть, – сказал Рагнар, поднимаясь навстречу кузену. – Голоден? Хочешь пить?

Несмотря на хищное выражение лица, в обычной обстановке Рагнар производил впечатление добродушного, обходительного человека – радовался удачным шуткам, внимательно выслушивал собеседников, улыбался приветливо. Роста он был чуть ниже среднего, телосложение имел обыкновенное, придавал большое значение своему гардеробу – одет был всегда просто и элегантно. Говорили, что в юности он участвовал в походах норманнов в Италию, и два года провел в Константинополе в качестве члена Варангской Охраны. Проверить все это было совершенно невозможно. Наверняка знали только лишь, что состоял он приближенным Эймунда до самой смерти последнего, а затем, когда, казалось, влияние Неустрашимых вот-вот сойдет на нет, неожиданно сплотил Содружество, путем убеждений и угроз заставил Совет назначить на освободившиеся шесть мест из девяти своих людей (а как эти места оказались свободными – об этом боялись не то, что болтать, но даже думать), и ввел строгий контроль над денежными поступлениями. Бесшабашный вояка Эймунд и

высочка-карьерист Константин запросто терпели большую степень вольничания в рядах, памятуя о старых варангских традициях, отзываясь почтительно о старшем поколении, торжественно понижая голос, когда речь заходила о Рагнхильд – вдохновительнице Содружества. Рагнар оставил от традиций лишь видимость – Неустрашимые подчинялись ему, и только ему, земли и деньги получали только по его приказу, убивали и оставляли жить по его приказу, вели переговоры с властителями по его приказу. Вербовка и контроль новых членов Содружества поставлены были на деловую основу – воеводам и землевладельцам обещали и даже предоставляли блага, но горе тому, кто, посвященный в секреты Содружества, желал из него выйти – по приказу Рагнара семьи изменников уничтожались целиком. Возможно, не все изменники на самом деле являлись таковыми. Зато лояльность оставшихся в живых укреплялась тем больше, чем суровее преследовалась измена.

– Как здесь с женщинами? – делово осведомился Бьярке, обнимая Рагнара. – Я давно не был с женщиной.

– Плохо, – сокрушенно сказал Рагнар.

– Что, опять Лиф постарался? – раздражаясь картинно, спросил Бьярке.

– Лиф, и еще кое-кто.

– Это свинство, – возмутился Бьярке. – Город в двух шагах, непотребных девок в каждом третьем доме по две, а ему обязательно нужно чужих жен лапать поблизости.

– Увы.

– По ягоды бабы ходили, небось?

– Кто их знает, может и по ягоды. Лес густой. Может встречались с кем-то. Садись. Вот тебе кружка, Бьярке.

В кружку полилось итальянское вино.

– Да, – сказал Бьярке, осушив кружку. – Скажу я тебе так. Люди стоят на хувудвагах.

– В Земле Новгородской?

– По всем Годарикам. От Новгорода до Киева.

– А Судислав?

– Готов. Примет власть, как только его привезут в Киев.

– Константин?

– Слухи не оправдались. Казнен пятнадцать лет назад.

(Время от времени слухи о том, что Константин жив, либо прощен Ярославом, либо сбежал и действует, имели хождение среди членов Содружества – дозволенная оппозиция. Многие тайно считали, что лучше уж Константин, да хоть сам Калигула, чем Рагнар).

– Зоз?

– Не окажет сопротивления. Южане пройдут беспрепятственно.

– Сами южане как?

– Согласны в принципе, но настаивают на переговорах – после того, как схватят Ярослава, но до усмирения Киева.

– О чем будут переговоры?

– А как ты сам думаешь?

– Я думаю, что о Киеве, – сказал Рагнар, улыбаясь. – Вернее, о работорговле в Киеве.

– Я тоже так думаю.

– Киев им отдавать нельзя.

– Само собой.

– Неприятные, небось, люди?

– Те, каких я видел – очень неприятные.

– Хорошо. Заберут себе Консталь...

– Как?

– Новгородское словечко, – сказал Рагнар. – Понахватался я, когда в Новгороде жил полгода. Константинополь.

– Понятно.

– И все прилежащие земли.

– До Киева. Не слишком ли просторно им там будет?

– Не слишком.

– Позарятся и на Киев со временем.

– Не думаю.

– Почему?

– Видишь ли, Бьярке, кампанию мы начнем, я надеюсь, скоро, а на дворе сентябрь.

– И что же?

– Коли помощь фатимидов нам понадобится ... то помогать они нам будут в ноябре, а то и в декабре. Присыплет их киевским снегом, треть околеет от мороза, остальные, стуча арабскими зубами, прихватят две дюжины рабов с торгового, вернутся в Констанца и скажут, что Киев им не надобен.

– Остроумно, – заметил Бьярке. – А что, дорогой кузен, с этой страной?

– Которой?

– Вот этой, в которой мы сейчас находимся?

– Сложнее, кузен. Еще вина?

– Да.

Рагнар подлил Бьярке в кружку.

– Здесь и страны-то нет толком, – сказал он. – Одни герцогства, и при этом местный правитель склонен их дарить своим родственникам. Сперва нужно, чтобы Франция объединилась и перестала объявлять сама себе войну. Даже покойный Хайнрих не требовал, чтобы Роберт, или Анри, клялись ему в верности. Тоже ждал объединения. А оно не пришло. Нормандия под руководством восьмилетнего Гильома – сплошь церковная. Как и Париж. Да и нет здесь сейчас ничего такого, что могло бы нам понадобиться. Думаю что если от Сигтуны до Киева будут наши территории, этого хватит, чтобы свалить Империю. А когда свалим, Франция сама прибежит.

– А Италия?

– А Италию возьмут себе халифы.

– Не жалко?

– Нисколько. Рим – тот же Иерусалим. Те же мысли, те же разлагающие понятия, тот же всепрощающий единый конунг всех и вся на небесах, и так далее. Пусть поживут под халифами, это пойдет им на пользу.

– Все-таки Рим.

– А что – Рим? – удивился Рагнар.

– Бывшая столица Империи.

– Видел я эту столицу. Пылища, грязь, а кругом развалины.

– Символ.

– Ты, Бьярке, слишком много путешествуешь, и мысли у тебя стали какие-то вязкие, немужественные. Твой символ, Бьярке, это сверд и полумесяц. Понял?

– Да. Я просто устал с дороги, прости.

– Вижу.

– Мария здесь?

– Не терпится тебе на нее посмотреть?

– Не скрою, хотелось бы. Единственная феминка осталась среди Девяти. За что ее так любят, как ее терпят – что-то в ней есть, наверное.

– Есть.

– Что же?

Рагнар оценивающе посмотрел на Бьярке. Уж не думает ли этот человек, что я его произвел в фавориты? Откровенничать с ним собрался?

– Умеет вовремя сказать что-то нужное, – сухо сказал он. – Когда мы в наших планах забираемся высоко и земли под ногами не чувствуем, и взгляды наши обращены к солнцу...

– Да?

– Тут она и скажет что-нибудь.

– Что же?

Настырный какой, подумал Рагнар. Нужно будет поставить его на место в ближайшее время.

– Что-нибудь такое, что сразу все замолкают и задумываются, – сказал он. – И поэтому некая степень здравого смысла все еще существует в наших ... планах ... иначе...

– Да?

Ишь ты, понукает, подумал Рагнар.

– Иначе мы бы давно зарвались, как зарвались во время оно Эймунд и Константин, и судьбы их и наши оказались бы сходны, – улыбаясь, сказал он. – И было бы грустно, Бьярке. Умную женщину найти очень трудно, но коль скоро нашел – береги ее, обхаживай ... ублажай...

– Это мудро сказано, Рагнар.

– Да, возможно. Вот и утро. Через два часа все соберутся, ты поспал бы пока, Бьярке.

– И то верно.

Бьярке действительно очень устал, и завалился спать на сене в углу, и стал посапывать вполне убедительно. Рагнар некоторое время посидел рядом на шезе, о чем-то думая, а затем вышел из мезона. Бьярке поворочался, помычал, и стал ждать, сжимая под сленг-каппой рукоять кинжала. Сам Рагнар давно уже не опускается до наказания изменников, посылает кого-нибудь – как вот Бьярке давеча послал в Полонию ... Но нет – прошел час, а в мезоне никто так и не появился. И Бьярке уснул.

Через два часа восемь мужчин и одна женщина собрались в самом большом из брошенных домов. Двое из девяти были возбуждены каким-то событием, сведениями о котором им не терпелось поделиться с остальными.

– Говори, Свен, – Рагнар кивнул.

– Друзья мои, это небывалая удача, просто небывалая! Папа Римский в Париже!

– Ну!

Все обрадовались, или сделали вид, что обрадовались – кроме женщины.

– Где он остановился? – спросил кто-то.

– Не поверите – в «Ла Латьер Жуайез»!

– Что ж тут удивительного!

– Надо послать пять-шесть человек, срочно. Пусть свяжут и доставят.

Рагнар промолчал.

– Куда это вы собрались его доставлять? – спросила женщина.

– Сюда, конечно.

Женщина, казалось, была чем-то раздражена, посторонним, чем-то, что не касалось собственно текущих дел.

– Зачем? – спросила она.

Все удивились. То есть как это – зачем? Один из главных наших врагов – у нас в руках!

– И что же вы будете с ним делать, когда сюда привезете?

Ну как, известно что. Ну...

А что, собственно, с ним делать?

– Ну, разве что посвятить его ... амулет на шею повесить, и пусть он будет одним из нас, – предложила женщина. – Вместо Свена.

Рагнар молчал. Остальные сомневались, а Свен перепугался.

– Но все-таки ... – сказал он, делая вид, что нисколько не встревожен собственной судьбой, а радуется лишь о благе Неустрашимых. – Какая-то выгода есть.

– Пусть так, – сказала Мария. – Но ведь мы его еще не схватили и не связали. Мы здесь на чужой территории. Совершенно нет смысла поднимать шум.

– Да какой же шум, – не унимался Свен. – Сколько шуму могут произвести пять человек?

– Пять человек недостаточно.

– Почему же?

– Потому что Папа Римский не путешествует без свиты.

– И что ж свита! – вмешался норвежец Ларс. – Поднимут вой, поскулят ... свита – подумаешь! Дюжина женоподобных мужеложцев и четыре хорлы! Эка невидаль!

– Да, конечно, – согласилась Мария. – А только, как мне сказали, Папа Римский вовсе не дурак. Так?

– И что же?

– Нет, ты ответь, Ларс. Не дурак?

– Ну, не дурак. Ну и что?

– Значит, неспроста он с собой таскает свиту.

– Для утех.

– Для утех ему бы хватило трех человек.

– Ты это к чему?

– Я это к тому, – сказала Мария, – что, когда будет нужно, женоподобные, обленившиеся, изнеженные, толстые мужеложцы неожиданно повыхватывают сверды, и твоим пяти-шести человекам придется очень, очень туго. А четыре хорлы будут тыкать твоих людей в спины шилом и бить их по черепам кружками и цветочными горшками. И если впоследствии дознаются, что мы попытались схватить Папу, но нас остановила изнеженная свита, это скверно скажется на нашей репутации.

Мужчины сконфуженно молчали. Рагнар улыбался. Когда пауза достаточно затянулась, чтобы смутились все, кроме Марии, Рагнар, не вставая, сказал, —

– Друзья мои.

Все повернули к нему головы.

– Мой кузен Бьярке, а он сейчас спит, ибо устал, привез известия из Гнезно и Магдебурга. Так называемый наследник трона скрылся в неизвестном направлении. Ходят слухи, что он убит, хотя лично я в этом сомневаюсь. Будь он действительно убит, все вздохнули бы с облегчением – и Полония, которой наличие оппозиции, вдохновляемой присутствием наследника, мешает принять законное правительство, и Саксония, которой приходится влиять на переговорах, не признавая, но и не отрицая, что наследник скрывается именно у них, и мы с вами. Польское крыло Содружества дважды пыталось решить судьбу наследника радикальным способом, а кончилось дело тем, что Бьярке пришлось ехать в Полонию, дабы решить судьбу решавших, тем же способом. Я обещал вам действия к востоку от Полонии в этом году. Но, по совести говоря, я сомневаюсь в целесообразности таких действий, пока Полония не уgomонилась. Полония – наша крепость, наша опора, наш центр в данный момент. В Полонии, если она наша, можно держать любые военные силы, любые войска, не скрываясь. Там можно учить и воспитывать новые поколения воинов, верных нам и только нам.

Он замолчал.

– Наследник должен быть найден, – сказали сразу несколько голосов.

– Нужно его убить, – добавил кто-то.

– Зачем? – спросила Мария удивленно.

– Чтобы не мешал, – с энтузиазмом объяснили ей.

– Мешает, насколько я понимаю, не сам наследник, – сказала Мария, – а его исчезновение и связанная с ним неопределенность. Если мы найдем наследника сами, это даст нам возможность его приручить. Если он окажется хорошо приручаем, можно будет даже поставить его во главе польского правительства.

Начали переглядываться.

Остроумно, подумал Рагнар. Несостоятельно, но остроумно.

– Мать его будет против, – сказал он. – А ее уважают – и в Саксонии, и в Полонии.

– А вот судьбу Риксы давно пора решить радикально, – заметила Мария холодно. – Овечка невинная, бедная вдовушка жалуется в голос на судьбу, а просьбы и мольбы ее почему-то рассматриваются многими властительными людьми как приказы, подлежащие немедленному исполнению. Между прочим, именно ей мы обязаны тем, что Бенедикт правит Церковью.

– Как это?

– Как же?

– А вы не знаете? – удивилась Мария. – Лет пятнадцать назад милейшая Рикса, тогда еще законная жена и правительница, хвастовала с богатым гостем, неким Албериком, братом и сватом римских клерикалов, в Венеции. И в шутку якобы предположила, что лучший подарок ко дню рождения двенадцатилетнему сыну Алберика – папский престол. По возвращении в Рим Алберик, не долго думая, собрал кардиналов в Латерано, окружил здание и базилику стражей, и собственноручно надел сыну на голову тиару – несколько набекрень. Все решили, что раз набекрень, то она скоро упадет. Но прошло уже пятнадцать лет, а Бенедикт по-прежнему на престоле.

– Но это была всего лишь шутка, – возразил кто-то. – Рикса пошутила. Кто ж мог подумать, что Алберик примет шутку всерьез.

– А правда вообще часто смахивает на шутку, – заметила Мария. – Впрочем, ну ее к лешему, Риксу. Будет время – займемся. Кстати, – беззаботно продолжала она, – можно и убить наглого щенка, наследника польского. Путается у всех под ногами ... Впрочем, как хотите.

Все кроме Рагнара переглянулись.

– Но как же, ты же только что сказала...

– Я против излишней жестокости, – заверила их Мария. – Но сами посудите – он действительно всем мешает.

– Но он ведь ни в чем не виноват! ... – подал голос кто-то из гуманных представителей Содружества.

– Как это не виноват? – спросила Мария.

– Он не хочет быть правителем – какая тут вина, это его личное дело.

– Это неизвестно, – возразила Мария. – Наследный принц, не желающий быть правителем, объявляет об этом открыто, и либо принимает постриг – это нынче модно – либо уезжает в теплые края, обычно в компании не очень амбициозной любимой девушки. А Казимир, не гоняясь за престолом, в то же время от престола не отказывается, то есть, ждет удобного момента, когда все шансы будут на его стороне. Такие люди не считаются ни с чьими интересами, кроме своих собственных, и приручать их трудно.

Собрание задумалось.

Глава шестая. Поле чести

Перед самым рассветом уютно сопящую, прижимающуюся к теплому боку Нестора Маринку разбудили. Ей заткнули рот и нос, чтобы она не кричала и не мычала. Ее взяли за волосы, выволокли из постели, и, не дав опомниться, потащили вон из спальни. Хорошо смазанные дверные петли не скрипнули. Скрипнули бы у самого выхода половицы – там как раз подгнило из-за недавно протекавшей крыши, но Маринку тащили, приподнимая за волосы, так что ей приходилось ступать легко и на цыпочках, как в весеннем танце. Часть смежного помещения освещалась одинокой свечой. Маринке залепили по щеке и бросили ее, перепуганную, на низкий шез.

– Гадина, хорла, – сказала Маринке ее мать, в одиночку произведшая все вышеописанное. – Что мне с тобою делать! Услать тебя, что ли, обратно к мужу?

– Не понимаю я, что тебе от меня нужно, и почему ты врываешься ко мне в спальню среди ночи, – возмутилась Маринка вполголоса, но яростно. – Я не для того от мужа сбежала, чтобы терпеть от тебя все тоже самое! Я...

– Заткнись.

Маринка замолкла. Томная, небольшого роста, округлая, с прелестным лицом – большие правильной формы синие глаза, тонкие рыжеватые брови, греческий нос и крупные, но очень эффектного рисунка губы – верхняя тоньше нижней – веснушчатая женственная Маринка боялась своей поджарой, худой, суровой рыжей матери. Было в матери много мужского. И рука у матери была тяжелая.

– Ты ведь уже немолода, – сказала мать. – Тебе тридцать лет. Что ты путаешься с мальчишками!

Маринка закатила глаза.

– Зачем он тебе? – настаивала мать. – Зачем? Ему двадцати еще нет. Заставила парня приехать к тебе – аж из Болоньи! Оторвала от постижения премудростей!

– Он сам приехал, – возразила Маринка. – Я его не силой сюда волокла. По собственному желанию приехал.

– Не заговаривай мне зубы. Будешь спать здесь, гадина. Завтра у меня долгий день. Я, пожалуй, тебя запру.

– Как это – запрешь?

– На замок. При этом ты мне пообещаешь, что ни звука не издашь, пока я не вернусь. И я, так и быть, тебе поверю. Проще было бы тебя просто привязать. Но жалко мне тебя. Мать усталая приезжает после месяца отсутствия – и так-то ты ее встречаешь.

Маринка, насупленная, еще некоторое время сидела на ховлебенке, глядя по сторонам. Комната матери напоминала монашескую келью – шез, который и шезом-то назвать язык не поворачивается – обыкновенный ховлебенк ... стол, ложе, дверь, небольшое окно – не влезть, не вылезти. Вот и вся обстановка. Дверь, соединяющую спальни, мать заперла, ключ сунула в походную суму. Вторую, внешнюю дверь, тоже запрёт. Она если чего сказала – сделает. Еще немного посидев, изображая обиду, Маринка встала, перебралась на ложе, повернулась лицом к стене, поворчала себе под нос, и вскоре неожиданно для себя уснула. Услышав мирное посапывание, мать Маринки подошла к ложу и заботливо укрыла дочь покрывалом. Ночи становились все холоднее.

Может, не надо было ее, вот так вот, отдирать от Нестора? Нет, надо, решила мать. Если бы она была уверена, что Маринка влюбится в Нестора и уживется с ним, и выйдет за него замуж – совсем другое дело было бы. Но маринкино непостоянство не предвещало в данном случае ничего хорошего. Почти все мужчины, с которыми Маринка имела дело, становились несчастными, начиная с первого ее мужчины, который сразу после того, как

Маринка его бросила, ушел в монахи. Жаль Нестора. Вполне милый мальчик. Пусть едет доучиваться в Болонью, нечего ему делать в сыром франкском захолустье.

Нестор меж тем безмятежно спал, и проспал до позднего утра. Сквозь щели в ставнях вовсю светило, снаружи раздавались голоса. Нестор приподнялся на ложе и огляделся. Один в комнате. Маринкины тряпки на шезе. Кувшин с вином, вчерашний, на столе, ломти хлеба. Он понюхал воздух. Грызунами не пахло. За домом хорошо следили – в подвале мышей и крыс травили ядом, а по первому и второму уровню разгуливали сурового вида коты. Стены и пол, очевидно, тщательно и регулярно проверялись на наличие дыр, и если дыры образовывались, их тут же заделывали.

Нестор голышом подошел к столу, отломил хлеб, и стал его жевать, ни о чем особенно не думая. Запил вином из кувшина. Хотелось ссать, но в отхожий чан под ложем в возбужденном по утру состоянии так просто не попадешь, а в Болоньи Нестор, в детстве страшнойший грязнуля, привык к чистоплотности и аккуратности. Нужно одеться и выйти. Порты и рубаха нашлись сразу – лежали на полу возле кровати. Сапоги спрятались под кровать. Вторую, короткую, рубаху синего цвета Нестор нашел за маринкиным сундуком. А вот мантилло – кап по-здешнему – нигде не было видно, и головного убора тоже. Ну и ладно.

Нестор шагнул к двери и обнаружил, что она заперта. Маринка куда-то убежала, а его, стало быть, замкнули тут. Ну уж нет. Я ей не игрушка какая – попользовали и спрятали до следующего раза. Из Болоньи в Париж я к ней приехать могу – ничего зазорного в этом нет. Но сидеть под замком и ждать, не посавав, ее милости – э нет, не на того напали. Нестору дорого его, Нестора, достоинство.

Дорожа достоинством, он подошел к ставням. Приоткрыл одну. По двору шлялись овцы. Стог сена находился под самым окном. Возможно, не случайно. Возможно, Нестор не первый, покидающий сию скромную келью через это окно. Развратная Маринка. Не я один здесь бываю. Ничего другого я от нее и не ожидал. Вот хотя бы Стефан ... впрочем, нет, Стефан с другого хода ходит.

Он сел на подоконник, перекинул ноги наружу, оттолкнулся руками, и упал в сено.

Овцы всполошились и заблеяли недовольно. Нестор пересек двор, потянул на себя калитку, перепрыгнул канаву и оказался на страте.

Кто-нибудь другой растерялся бы, и пошел бы в неправильном направлении, и обязательно заблудился бы, но мы люди образованные и знаем, что солнце к зениту движется с востока, посему река – вон в той стороне, а дом, в котором я проживаю с коллегами – вон там.

И пошел он по страту.

Из-за угла за ним следила пара внимательных глаз. Один сверд висел на бальтираде у бедра, а второй, в ножнах, Адам держал в руках. Все честно. Сейчас он пойдет за этим негодяем. Толкнет его, хрястнет по щеке, и предложит прогуляться – в близлежащую поросль, вон там, за брошенной постройкой – монастырь собирались строить какие-то монахи – там иногда отдыхают придворные короля Анри, ближе к вечеру, а сейчас никого нет. Там и поговорим.

Он вдохнул полной грудью и уже вышел было из-за угла, как вдруг чья-то рука опустилась ему на плечо. Адам резко обернулся.

До этого момента он не встречался в Париже с Панкратиосом, византийским священником, и поэтому не удивился тому, что Панкратиос помолодел лет на двадцать, укоротил себе бороду до щегольской «подковки», поменял цвет волос на блондинистый с сединой, а мантию сменил на костюм заезжего купца, не то норвежского, не то шведского.

– Ты следишь за кем-то, добрый человек? – осведомился Панкратиос.

– Оставь меня, – велел ему Адам, глядя на купца сверху вниз. – Иди, будто меня не видел.

– Ты не слишком вежлив, добрый человек, а ведь я тебе в отцы гожусь.

– Иди, тебе говорят, – тихо и злобно сказал Адам.

Тогда помолодевший Панкратиос коротко и очень быстро хлестнул Адама по лицу. Адам зажмурил левый глаз и на мгновение оторопел.

– Дай сюда, – сказал Панкратиос, выхватывая из рук Адама сверд.

– Э! – сказал Адам. – Ты что это!

И потянулся за свердом, но Панкратиос отступил на шаг.

– Как я понимаю, ты собирался пригласить человека, который не сделал тебе ничего плохого, на поле чести. Не так ли.

– Тебе-то что! Отдай!..

– Я охотно выполню все, что по твоему плану должен был выполнить этот человек. Судя по всему, ты хотел прогуляться с ним в сторону вон той поросли. Пойдем.

Адам пришел в себя и собрался с мыслями.

– Такие прогулки совершают только с равными, – сказал он.

– А человек тот – он тебе равный?

– Э...

– Ты даже не знаешь.

– Я собирался это выяснить.

– Хочешь, я тебя еще раз хлопну по лику? А может все-таки пойдем, помахаемся, без всяких споров и доказательств? Ты по одежде судишь, но одежда обманчива бывает. Пойдем, пойдем, глупый мальчик, сын сводника и хорлы.

– Как ты сказал?!

– Именно так, как ты слышал.

– Да ты, старый торгаш, знаешь ли, с кем говоришь?

Панкратиос неожиданно обиделся.

– Почему ж старый? Ты, щенок, не забывайся! Мне тридцать девять лет – это вовсе не старость! Это даже, в некотором смысле, молодость! Листья шуршащие, долго мы будем здесь стоять? Тебе хочется драться – а ты вместо этого лаешься, как подлый рольник.

Адам, красный от ярости, топнул ногой. Затем выглянул из-за угла – Нестор успел уйти! Его нигде, Нестора, не было видно!

Найду потом, подумал он. Прикончу выжившего из ума старикана и найду. Нет, не прикончу. Преподам урок. Учить меня вздумал! Пощечины дает! Старая лохань!

Молча они пересекли страт, вошли в проулок, и вскоре оказались в той самой поросли – с просекой в продуманном месте, похожей на аллею, и двумя вкопанными в землю известняковыми шежами, предназначенными для утомленных светской беседой высокородных женщин. Адам слегка остыл и посмотрел на Панкратиоса с подозрением. Панкратиос меж тем расстегнул пряжку и бросил кап поверх известнякового шежа. Вынув из ножен сверд, он коротко его осмотрел и поморщился.

– Железяка бесполезная, – сказал он сквозь зубы. – Даже наточить толком не могут. Впрочем, такую и не наточишь.

– Ты сказал, что ты мне ровня, – Адам тоже скинул кап и вытащил сверд. – Если это так, назови свое имя.

– Зачем оно тебе? – спокойно спросил Панкратиос. – Ты перепись населения ведешь по королевскому приказу?

– Я – Адам из рода Ковалеков. Кто ты? Отвечай!

– Как-нибудь в другой раз отвечу. Не сейчас. Да ты не беспокойся понапрасну, не купец я и не пейзаж.

– Это я понял, – неожиданно спокойным голосом сказал Адам. – Тебя подослали Неустрасимые. Пейзанов они не посылают.

– Ты, юноша, когда размышляешь, размышляй про себя, а то ведь неровен час язык отрежут.

Все встало на свои места. Нестор каким-то образом узнал, что он, Адам, по приказу Кшиштофа собирается с ним разделаться. И подослал вот этого ... переодетого купцом ... Что ж. Оскорбление нанесено. Сперва я убью этого ... купца ... а затем займусь Нестором. Ошибся ты, Нестор. Если бы не это – я бы тебя просто убил, в честном поединке. Теперь же – нет. Умирать ты, Нестор, будешь долго и мучительно.

Он махнул свердом, не вставая в позицию, но Панкратиос – нет, не отскочил, не наклонился, а как-то плавно переместился, совсем слегка, и Адаму пришлось отступить в сторону, чтобы не потерять равновесие. Адам был на голову выше противника, воинственнее, сильнее – промах его не смутил. Бывают заминки. Сейчас он еще раз махнет свердом – и разрубит этого негодяя надвое.

Но старый негодяй еще раз переместился, и еще раз, и тогда Адам сделал выпад с вывертом, неожиданный, и лезвие вошло негодяю в грудь пальцев на пять – так ему показалось.

Никуда оно на самом деле не вошло. А подосланный убийца оказался почему-то у Адама справа, и выглядел задумчивым, а сверд держал острием вниз.

Да он со мной играет, подумал Адам. Ах ты невежа!

Отступив на шаг, Адам снова повернулся к противнику лицом и стал оценивать боевые качества оппонента, как делал это в походе, как его учили это делать в Гнезно бывалые воины. Оценивать оказалось нечего – человек стоит в непринужденной позе с опущенным свердом, не лезет в атаку, не размахивает клинком, не передвигается туда-сюда, не выжидает. Стоит и смотрит. Как поступают в таких случаях, Адаму в Гнезно не сказали. Нужно было импровизировать. Адам так и поступил. Выставив клинок перед собой, он метнулся вперед – и в этот момент противник сделал первое резкое, а не плавное, движение. Скрежетнула сталь, рукоять потянуло в непонятную сторону, сверд вывалился из руки Адама, а противник, проскочив каким-то образом у Адама под локтем, ударил поммелем – в голове поляка помутилось, он качнулся, выплевывая два выбитых зуба, и, сбитый с ног пинком в бедро, повалился на траву.

– Не двигайся, порежешься, – сказал противник, стоя над Адамом и держа острие сверда у горла поверженного. – Во избежание дальнейших недоразумений я должен сказать тебе несколько слов. Первое. Человек, за которым ты следил, к Неустрасимым не имеет никакого отношения, а если имеет, я его сам убью, без твоей помощи. Второе. Я к Неустрасимым совершенно точно не имею никакого отношения. Третье. Если ты, или кто-нибудь из твоей теплой польской компании, вздумает еще раз увязаться за вышеупомянутым человеком – по любому поводу – я вам всем поотрезаю языки и муди. Всё!

– Как тебя зовут? – спросил Адам одними губами.

– А?

– Как тебя зовут?

– Тебе это все еще кажется важным?

– Да. Как благородный человек ... ты не имеешь права ... скрывать от меня свое имя. Ты можешь меня убить ... но знай ... что если ты это сделаешь, не назвав своего имени, ты будешь просто ... наемный убийца ... спьен ... обыкновенный подлец.

Противник нахмурился.

– А скажи, – спросил он, – ты собирался назвать себя тому, за кем давеча следил и кого хотел вызвать на поединок?

– ... Разумеется.

Противник пожал плечами.

– Что ж, если тебе это так нужно ... Я Хелье из рода Ягаре, троюродный брат Ирины Новгородской. Ты удовлетворен?

– Да. Можешь меня теперь...

Убрав сверд от горла Адама, Хелье еще раз осмотрел лезвие, пожал плечами, бросил сверд на траву, и неспешным шагом направился к близлежащему страту.

Глава седьмая. Fäder och Söner¹

Безмятежный Нестор вошел в мезон без стука. Мишель и Гусь, сидящие за столом, что-то тут же спрятали, и уставились на него.

– Привет вам, друзья! – радостно сказал Нестор, стаскивая робу через голову и бросая ее в угол. – Почему не на занятиях?

– Я всегда на занятиях, – парировал Гусь. – Но иногда мне лень транспортировать на занятия брэнную мою плоть, и я присутствую там только духом.

– А я сегодня не расположен, – добавил Мишель. – А ты почему не пошел, Нестор?

– Я еще пойду, – сказал Нестор. – Вот только сожру чего-нибудь. Я тут давеча заблудился и миллиариума три лишних ковылял. Задумался, замечтался.

– Мечтателен ты, Нестор, – заметил ему Гусь. – А вот Мишель у нас совершенно не мечтателен. Практичен и деловит всегда.

– Да, водится за ним такой недостаток, – согласился Нестор.

В дверь постучали. Гусь и Мишель обменялись взглядами.

– Кто это к нам ни с того ни с сего? – удивился Нестор. – Открыть, что ли?

Стук повторился. Затем стучавшему, очевидно, надоело ждать, и он, отворя дверь, вошел в мезон. Кинув быстрый взгляд на Мишеля и Гуся, Хелье криво улыбнулся и повернулся к Нестору.

– Здравствуй, отец, – сказал Нестор растерянно.

– Здравствуй, сын. Как изменилась Болонья с тех пор, как я последний раз сюда заезжал! Заметно холоднее, и здания другие. Почему-то все каменные снесли, и понастроили каких-то хибарок, лачуг...

– Отец, я...

– Но атмосфера осталась прежняя. Много студентов, на занятия никто не ходит, все рассуждают о судьбах мира и пьют какую-то подлую дрянь, чуть свет.

– Гусь, нам пора на занятия, – сказал Мишель.

– Это точно, – откликнулся Гусь.

Оба встали и пошли к двери, не глядя на Хелье.

– Вы только, молодые люди, наставникам не перечьте. И запоминайте больше, запоминайте, – сказал им Хелье. – Оно только по началу кажется, что все, что вы на занятиях узнаете, нужно только на занятиях.

Мишель остановился и посмотрели на Хелье. Гусь, следуя примеру товарища, тоже остановился.

– А потом всегда оказывается, – продолжал Хелье, – что и в жизни, возможно, нужно оно, да только вы не помните ничего. Эка молодежь нынче пошла. Да вы не стойте, идите. Расставились.

Мишель с Гусем вышли.

– Так, – сказал Нестор.

– Ну как у вас здесь, в Болоньи, хорошо? – спросил Хелье.

Судя по тому, что отец не подходит и не обнимает его, Нестор сообразил, что родитель чем-то расстроен или рассержен.

– Не присядешь ли? – спросил он. – А то тебе, наверное, трудно стоять-то. Старенький ты и немощный.

– Вот, здесь, в Болоньи, гостеприимство в ходу, это хорошо, – похвалил Хелье, садясь.

– Отец, ну что ты заладил...

¹ Отцы и сыновья (швед.)

- А что?
- Не в Болоньи мы, понятное дело.
- А где же?
- Нестор закатил глаза.
- Нет, ты скажи. Ежели не в Болоньи, так где же?
- Где?
- Да. Где.
- Ну как ... в Париже ... Это город такой. Во Франции.
- Разве? – удивился Хелье. – Странно. Но ведь уезжал ты именно в Болонью для постижения наук. Ну, значит, менее чем за год все науки ты освоил. Постиг. Это бывает – не так уж много наук на свете! Скажи – не очень много?
- Не очень. Я тоже раньше думал, что больше.
- Вот, правильно. Ты теперь ученый человек. Ведь ученый? Ты не молчи, ты говори.
- Отец, я...
- Ну, стало быть, начнем с главного. Ибо то, что у тебя в голове – дело в конечном счете твое личное, а вот окружение, в коем ты ... э ... вращаешься нынче ... меня беспокоит. Ибо я за тебя в ответе.
- Перед кем? – мрачно спросил Нестор.
- Перед собой. И перед Создателем. Почему ты поселился с этими двумя?
- А не надо было?
- Нет, не надо было.
- Почему ж?
- Родом занятий они отличаются от тебя разительно.
- Каких занятий? Такие же алумни, как я.
- Алумни? Оба?
- Да. А ты думал, они перевозчики?
- Да как бы тебе сказать ... По мне – так обыкновенные тати, но тебе, конечно же, лучше знать.
- Нет, они не тати.
- А откуда они родом?
- Один местный ... другой...
- А тебя не удивляет, что один местный понимает по-шведски?
- Как это?
- А вот я давеча им наставление прочел, как на занятиях по философии. Есть такая наука, ты уж ее постиг, небось. Он все понял, и даже ответил.
- Действительно, – озадаченно сказал Нестор. – Но ... Может, они берут уроки у каких-нибудь норманнов.
- Местные норманны шведскому языку не обучены. Тупые оне.
- Не все.
- Соседи твои – тати, Нестор.
- Нет, они не тати. Не могут они быть тати.
- Почему ж?
- А вот к примеру – я все свои сбережения ... средства ... храню прямо здесь, вон в том сундуке, и ничего до сих пор не пропало.
- Твои сбережения им не нужны. Они тати крупные. Ну да ладно. С прямо мы разобрались, перейдем к секундо, мой драгоценный алумно, чтоб тебе провалиться. Что ты делаешь в Париже в одних портах, в то время, как тебе положено быть на занятиях в Болоньи, одетым полностью и со вкусом, сволочь такая?
- Я?

– За бабой увязался? Говори.

Нестор промолчал. Хелье шагнул в угол и подобрал несторову робу вместе с веревкой, кою Нестор использовал вместо гашника. Понюхав робу на расстоянии, он поморщился и бросил ее обратно в угол, а веревку сложил вдвое.

– Говори, мерзавец.

Нестор потупился. Тогда Хелье, зайдя сбоку и коротко размахнувшись, хлестнул Нестора веревкой по арселю. Взвизгнув, Нестор отпрыгнул неуклюже и стал тереть арсель обеими руками.

– Ты что!

– Есть у меня несколько попутчиков на примете, – сказал Хелье. – Послезавтра выезжают в земли италийские, к морю Средиземному. Денег я тебе дам. Чтобы через месяц был в Болоньи, подлец. Всё. Официально-воспитательную часть совещания я на этом заканчиваю, можешь подойти и обнять отца, змей двуногий.

– Пошел ты ... – начал было Нестор, но вдвое сложенная веревка в руке Хелье стала раскачиваться чуть быстрее, и он, смирясь, приблизился к отцу и обнял его, хоть и без энтузиазма. Отец взял его за волосы, придвинулся, и поцеловал в щеку.

– Рожа твоя бесстыжая, – сказал Хелье. – Негодяй. Ну, сядем теперь, расскажешь, что хочешь. Настаивать не буду. Хоть и надо бы. Что за баба, отвечай.

– Не...

– Не буду настаивать. Впрочем, нет, буду. Что за баба? Говори, аспид.

Нестор мрачно смотрел на отца. Хелье улыбался – озорно и с пониманием.

– Маринка, – сказал Нестор.

Хелье перестал озорно улыбаться.

– Не понимаю, – сказал он.

– Ну, Маринка, – сказал Нестор. – Ты знаешь.

– Теперь понимаю. Лучше бы не понимал. Она тоже здесь?

– Здесь? – Нестор посмотрел по сторонам.

– В Париже, орясина.

– Да.

Хелье вздохнул.

– Сколько женщин на свете, – сказал он. – Я, Нестор, полмира объездил, и, скажу тебе не таясь – куда бы ты не приехал, везде женщины есть. Во всем мире. Куда ни ткнишь. Зачем тебе замужняя, которая к тому же тебя старше, и у которой...

– У которой что? – зло спросил Нестор.

Любовник в каждом доме, хотел сказать Хелье, но не сказал. Переупрямит он меня, подумал Хелье. Чувствует, что правда на его стороне. А когда Нестор чувствует, что прав, его никто не переубедит, ни наставник, ни священник, ни даже сам Бенедикт Девятый. Хелье вздохнул.

– Пойдем послушаем римского проповедника к полудню? – предложил он.

– К полудню?

– Да. Не хочешь?

– А где?

– В Святом Этьене.

– А...

Хелье еще раз вздохнул.

– Ты даже не знаешь, где это. Листья шуршащие! Ты когда последний раз на службе был?

– Я-то?

– Ты-то.

– Да я ... как же ... а греческих церквей в Париже нет! – нашелся Нестор.

– Да зачем тебе непременно греческая? Ты что – грек?

– Нет, но устои...

– Молчи, Нестор. Пойдем в какую-нибудь таверну, позавтракаем. И к оружейнику зайдем.

– Зачем?

Действительно, зачем?

– Я тут недавно разведаль новый путь, – сказал Хелье. – Доброе оружие – хорошие прибыли.

– А, – сказал Нестор.

– Что – а?

– Ты знаешь, отец, я в купеческих делах ничего не смыслю.

Хелье стало обидно. Легенду о том, что он купец, он поддерживал последнее время нехотя, рассчитывая, что сын, став взрослым, сам догадается, что отец его вовсе не торговлей занят. Но судя по всему дела отца не интересовали Нестора вообще. Гад неблагодарный.

Десять лет прошло – а кажется как вчера, или как целую вечность назад.

Ярослав вызывал его из Корсуни время от времени, давал поручения особого характера, а напоминала Ярославу о Хелье, конечно же, все та же Ингегерд, ныне – Ирина Новгородская, верная жена правителя, княгиня, мать нескольких княжечей и княжон, постоянно беременная и все более и более набожная. Хелье возвращался как-то из Чернигова к себе в Корсунь, и остановился в Киеве – посмотреть на развернувшееся строительство и встретиться с Гостемилом. Гостемил он не застал – тот уехал к себе в Муром улаживать какие-то дела с наследством.

Не изменивший своей юношеской привычке шлаться по улицам в любое время суток, Хелье, поблуждав по примыкающим к Пыльному Спуску проулкам, направился было на Подол – как вдруг услышал за одним из углов голос, показавшийся ему знакомым. Приблизившись к углу, он уловил обрывок разговора – уличной скоги с клиентом.

– Пятнадцать сапов, – говорил клиент.

– Мы же договорились, обманщик, что двадцать!

– Бери пятнадцать, а то ведь передумаю.

– Ну, хорошо, – сказала скога. – Повезло тебе, что сводник мой в отъезде.

– Болтай мне тут!

– Давай деньги. Куда мне встать?

– Лучше бы легла.

– Холодно нынче, а подстелить нечего. Разве что твою сленгкаппу.

– Нет, сленгкаппу я тебе пачкать не дам, еще чего. Вставай к стене!

Слушать такие разговоры Хелье было не то, чтобы совсем неинтересно, а неудобно как-то. Люди делом заняты, дело не касается ни лично Хелье, ни князя. Но почему-то, прислонившись к стене, он дождался – и конца разговора, и конца акта, и увидел мужчину, быстро идущего на север, и скогу, выходящую из проулка, оправляющую поневу. Скога как скога – не лучше и не хуже других, для хорлова терема старовата, года тридцать три, тридцать четыре ей на вид, поэтому и промышляет на улице.

Дав ей уйти на две дюжины шагов, Хелье неслышно последовал за ней, держась тени заборов. Дойдя до Подола, свернула она в глухой закоулок и скрылась в палисаднике.

Хелье оглядел калитку, потрогал забор, нашел щель, рассмотрел дом – сарай, а не дом, покосившийся, с дырявой соломенной крышей.

Он обошел палисадник и наткнулся на лаз в заборе. Не лаз даже, а просто брешь, которую явно никто не намеревался заделывать. Пробравшись в палисадник, он подступил к окну, за которым раздавались голоса. Найдя в ставне удобную щель, он приник к ней глазом.

– Зачем ты украл мои височные кольца, зачем, ответь? – выговаривала скога отроку лет девяти или десяти, смотрящему на нее насуплено. – Ты что, девочка? Зачем тебе кольца?

– Я их продал! – с вызовом ответил отрок.

– Кому, змей?

– Вятко.

– Кто это такой?

– Сын портняжки.

– Водишься леший знает с кем! Зачем ты их ему продал?

– Чтобы купить книгу!

– Какую книгу?

– Вот эту!

Отрок показал на фолиант с шелковой шнуровкой.

– И что же написано в этой книге?

– Не твое дело, тебе этого не понять! И я вообще не намерен спорить с тобой! Спорить со скогой – позор, это все знают!

– Ах ты гаденыш! – крикнула женщина. – Ты как мать назвал?!

– Я же не ругаюсь так, ты ведь и есть скога. Уличная хорла. Скожишь на улице. У меня и друзей нет – из-за тебя. Как узнают, что я сын хорлы, так дразнятся!

– Подлец ты, изверг сопливый!

– Отстань от меня!

Женщина села к столу (он скрипнул и чуть покосился, прогнивший, старый) и заплакала.

– И нечего реветь! – добавил жестокий отрок. – Хорлам реветь не положено.

Хелье очень не понравились речи отрока, но дело было не в речах. Дети вообще бывают жестоки и совершенно бестактны. Свеча была дрянная, светила плохо, а парень вертелся туда-сюда, мешая Хелье вглядываться. Но вот свеча вспыхнула ярко. Что-то там совпало в воске и фитиле, способствующее яркому вспыхиванию, и последние сомнения Хелье рассеялись.

Он отделился от стены, выбрался из палисадника, и зашагал к крогу, хозяйку которого знал много лет – всегда, будучи в Киеве, у нее ночевал.

Пролежав всю ночь с открытыми глазами, напряженно думая, к утру Хелье уснул, и проспал до заката, что не входило в его планы. Киев за это время окатило мощным ливнем. Жуя смолу, он быстро оделся – и побежал к давешней хибарке. Постучал в дверь. Малолетний злодей спросил – кто там. Хелье сказал, что хочет поговорить с матерью злодея. Злодей ответил, что мать его ушла уж скожить на улицах, и что он ей не сводник.

Хелье проследовал давешним маршрутом, перепрыгивая лужи, заглядывая в проулки, затем направился обратно по параллельной улице, и снова, повинувшись наитию, вернулся на прежнюю, называвшуюся Улицей Рыжей Травы. Держась близко к проулкам, он услышал в одном из них характерное мужланское хыканье – хык, хык – через равные интервалы.

Не извращенец ли я? подумал Хелье. Нет, я не извращенец.

Он глянул за угол. Приперев хорлу спиной к забору, какой-то вояка в кольчуге и шлеме (зачем в мирном городе в мирное время – шлем?), со свердом, довершал акт купленной любви. Одной рукой он держался для равновесия за забор, другой мямля ягодицу хорлы через приподнятую только спереди поневу. Луна рельефно освещала сцену – ей тоже, наверное, было интересно.

Закончив акт, вояка постоял и побряхтел некоторое время, а затем вытащил из мешка какие-то монеты и бросил их на влажную землю к ногам хорлы.

– Мы договаривались на пятнадцать, – сказала она. – Не три, а пятнадцать сапов.

– Тебе и три много, – сказал вояка презрительно.

– Ты обманщик! – сказала хорла. – Обманщик и вор!

– Я – вор?

– Тать самый настоящий!

Вояка стукнул ее не замахиываясь по лицу так, что ее качнуло в сторону.

– Ах ты хвита грязная! – сказал он злобно. – Вот я тебе сейчас устрою! Будешь знать, как честных людей оскорблять!

Схватив ее за волосы, он ударил ее еще раз. И ударил бы в третий раз, если бы Хелье, подобрав какую-то палку, валявшуюся на дороге (возможно, кто-то, боящийся бродячих собак, обронил) не подскочил сзади и не ткнул бы вояку палкой между лопаток.

Вояка обернулся, и на этот раз Хелье ткнул его палкой в лоб, едва не пробив вояке череп – шлем во время акта сбился на затылок, лоб оказался открытым. Вояка выхватил сверд и некоторое время им размахивал, стараясь попасть по Хелье. Подождав, пока вояка устанет, Хелье зашел сбоку и ударом палки повредил вояке запястье. Сверд упал на землю, и Хелье наступил на него ногой.

– Двенадцать сапов не достает, – сказал он, и тут заметил, что хорла уж убежать успевала – нет ее.

Тогда, врезав пригнувшемуся от боли вояке коленом в морду, Хелье подобрал сверд, отцепил от бальтирада лежащего на боку и мычащего вояки ножны, и выбежал из проулка на улицу.

Хорла бежала вниз – к Подолу – и Хелье устремился за ней, неся сверд в руках. Сообразив, что трофей ему, в общем-то, не нужен, он бросил его в придорожные кусты. Через два квартала он догнал хорлу.

– Постой, – попросил он, хватая ее за руку, – постой же!

– Отстань, не трогай меня, сволочь! – закричала она.

– Мне с тобой поговорить надо! Я тебя не трону! Вон там за углом крог открыт, пойдем, что-нибудь съедим или выпьем. – Подумав, он добавил, – Я угощаю.

– Пусти! Не надо меня угощать!

– Лучинка, не будь дурой, тебе говорят!

Оказывается, он помнил ее имя. Он и сам этому удивился.

– А? – сказала Лучинка. – Отстань! Отвались!

– Постой же! Постой же, х ... орясина, ети твою мать!

Что бы ей такое сказать, чтоб не бежала, подумал он. Ничего, кроме ругательств, в голову не приходит.

– Я тебя не знаю, – сказала она.

– Неправда. Знаешь.

Луна продолжала ярко светить. Лучинка сощурилась и вгляделась. Что-то у нее, наверное, было со зрением. Не совсем плохо, но и не очень хорошо.

– Не знаю.

– Ближе, присмотришься.

Помедлив, она придвинула лицо совсем близко к лицу Хелье.

– О, подмышки стеклизы! ... – сказала она, отпрянув.

... Ни с одной женщиной не было Хелье так тепло и уютно.

– Как зовут моего сына? – спросил он.

И только тут она поняла, что перед ней – не сын ее во взрослом воплощении, не призрак из будущего, но, скорее всего, отец ее чада. То есть, ничего сверхъестественного не происходит. И слегка успокоилась.

– Нестор, – сказала она.

– Почему ж не Полидевк? – спросил Хелье и засмеялся.

– Что тебе от меня нужно? – зло закричала Лучинка. – Хочешь забрать хорлинга своего? А забирай! Надоели вы мне все, вообще! Благодарности никакой. Забирай, забирай. Я его выкормила, вырастила, и вот ... он меня ненавидит...

– Да подожди ты!

– Отстань!

– Ты была когда-нибудь в Корсунь?

– Отвянь!

– Была или нет?

– Нет. Зачем мне Корсунь, мне и здесь худо.

– Хочешь поехать в Корсунь?

– Один сводник у меня уже есть, второго мне не нужно.

– Лучинка, послушай же!

– Нет, посмотрите только на него...

– Да будешь ты слушать или нет!

В доме напротив скрипнула ставня и чей-то сварливый голос сказал, —

– Не будет она слушать! Кончайте орать, изверги!

Новое словечко придумали в Киеве.

Подумав, Хелье запустил руку в привязанный к гашнику кошель. Лучинка что-то еще хотела сказать, возмущенное, но горсть золотых монет на ладони Хелье, эффектно высвеченная лунным светом, временно лишила ее дара речи.

– На, – сказал Хелье. – Теперь пойдем со мной в крог.

– Какой?

– Ближайший.

Она зло на него посмотрела, но деньги взяла и спрятала себе куда-то за пазуху. Возможно, у нее имелся там какой-то нашитый карман под нагрудником.

Крог находился за добротным забором, а между палисадником и калиткой оказалась лужа, и, прежде, чем в нее ступить, Лучинка потеряла босую ногу о щиколотку другой ноги.

– Пстой, – сказал Хелье.

– Что?

– Лужа.

– Ну так лужа, и что ж?

Обхватив ее одной рукой чуть ниже плеч, второй он поднял ее за бедра, подхватил. Она стала было сопротивляться, но Хелье все-таки перенес ее через лужу и поставил на сухое, теплое крыльцо под небольшим навесом.

В кроге людей было немного. Сели за столик. Половой, заметив скогу, подошел поспешно – в кроге были свои хорлы, конкуренция никому не нравится – но под взглядом богато одетого молодого купца сник и спросил, что угодно дорогим гостям.

С Лучинкой в крогах так раньше никто не разговаривал, и она растерялась. Хелье попросил принести кувшин бодрящего свира и пару стегунов под рустом – новгородская экзотика была в тот год в большой моде в Киеве, хотя, конечно, даже стегуны здесь готовили изящно, а не грубо – все-таки Киев. Принесли также обязательные в тот год бельники с чечевицей и злюку псковскую из лinya.

Некоторое время Хелье смотрел, как Лучинка лопают стегуны – жадно, не поднимая глаз.

Она изменилась, постарела, осунулась, волосы посерели, глаза утратили веселость, но Хелье не сомневался, что несколько месяцев, а хоть бы и лет, хорошей пищи и беззаботного сна вернут ей ... он подумал, какое слово лучше всего подходит Лучинке. Очарование. Не просто очарование, а ... уютное очарование. Плечи снова станут пухлыми, улыбка солнечной, тело мягким. Волосы заблестят, голос понежнееет.

Лучинка напилась. Зрелище было не из приятных. Вылакав кружку свира, она попросила еще, затем сама налила себе третью, и этого оказалось, с непривычки, достаточно. Серые глаза смотрели в разные стороны, рот с уютными губами кривился набок, она фыркала и ругалась, и в ответ на любые вопросы, предложения, и увещевания, говорила, что всех ненавидит. Хелье позвал полового и велел привести хозяйку.

Толстая, свирепая хозяйка мрачно смотрела на упившуюся хорлу. Хелье дал ей денег, и еще денег, и попросил отдельную спальню. Хозяйка сказала, что у нее не постоянный двор, а крэг, и тогда Хелье дал ей еще денег, и спальня нашлась. И даже чистое белье нашлось для ложа. Лучинка брыкалась и ругалась, а потом ее вырвало, после чего она свернулась на ложе клубочком и мгновенно уснула. Хелье вышел в обеденный зал, позвал полового, и велел ему вымыть пол в спальне, что и было исполнено сразу – сорящего деньгами купца начали уважать.

Оставив спящую Лучинку в спальне, Хелье вернулся к столику и просидел до рассвета, попивая снова вошедший в моду бодрящий пуше свира коричневый напиток, горячий, терпкий, завезенный в Киев иудейскими купцами из каких-то совершенно безумных арабских земель.

А на рассвете Лучинка поднялась, долго вспоминала, где находится, и наконец спохватилась – Нестор дома один. И ринулась, и влетела в зал, и дикими глазами посмотрела вокруг. Хелье встал, подошел к ней, и сказал, —

– Да, надо пойти провести сына. Да и покормить. Хозяюшка!

Сонная хозяйка подошла и хмуро посмотрела – на растрепанную, с опухшим лицом, хорлу.

– Дай-ка нам корзинку, а в корзинку накидай какой-нибудь еды, что осталось с вечера.

Варанг смоленских кровей оказался неожиданно деликатным человеком. Посмотрев, как растерянная Лучинка мечется по единственной в хибарке комнате, не зная, куда себя деть и что думать, и как недоверчивый, сердитый девятилетний Нестор поедает принесенные гостинцы, он оставил мать и сына вдвоем – вышел в палисадник. После завтрака Нестор, невыспавшийся, но сытый, стал собираться в церковь – оказалось, он выполнял какие-то поручения дьякона, а заодно прибирал в храме, как умел, и в награду за это дьякон научил его читать по-гречески и по-славянски. Недружелюбно посмотрев на очередного клиента матери (явному своему сходству с клиентом он не придал значения, просто не заметил), Нестор ушел.

– Пойдем и мы, – сказал Хелье Лучинке. – Пойдем на торг. Нужно тебя одеть.

– Одеть? Я одета.

– Да ... Причешись, что ли.

В первый раз за все это время она посмотрела на него без подозрения в глазах. Посмотрела растерянно. Мальчишка какой-то, купеческий сын (Хелье, несмотря на свои почти тридцать, сохранил мальчишеские черты и некоторую степень подростковой угловатости, хотя и раздался в плечах со времен юности, и даже обзавелся рельефными мускулами). Она хотела было что-то выхватить из корзины и съесть, но оказалось, что Нестор потребил все, что было.

– Обжора, – сказала она с оттенком ворчливого материнского умиления.

День выдался теплый и солнечный. Сперва зашли к сапожнику – лавка его стояла в удалении от торга, этим сапожник показывал, что он не какой-нибудь торгаш, и не заезжий

махинатор, а самый настоящий мастер своего дела. Брезгливо глянув на Лучинку, пожилой сей муж сухо спросил молодого купца, какого лешего ему здесь нужно.

Звон монет нейтрализует любую надменность. Вскоре сапожник, преодолевая брезгливость, мерил ступни и щиколотки смущающейся, кусающей губы, Лучинки.

– К четвергу будут готовы, наверное, – сказал он.

– Я заплачу еще гривну, – сказал Хелье, – если они будут готовы через час.

– Гривну серебра?

– Гривну серебра.

– Будут готовы.

Лучинка совершенно перестала говорить и даже хмыкать. Хелье таскал ее по торгу, заводил в лавки готового платья, спрашивал – а это как? нравится? Но она только мотала головой. Купив наугад рубаху, поневу, запону, нагрудник с ромбами, Хелье повел ее обратно к сапожнику.

Сапожки, отороченные мехом, были готовы – сапожник свое дело знал. И пришлось они Лучинке впору. И были мягкие и теплые. И очень красивые. Лучинка с сомнением на них смотрела, не веря, но потом, по настоянию Хелье, все-таки надела, и хотела тут же снять, но он не позволил. И повел ее в ближайший крог, и заплатил хозяйке за баню. Были в Киеве и обычные бани, но Хелье предпочитал бани при крогах. Во-первых, там слабее топили, и Хелье это устраивало, он не любил, когда очень жарко. Во-вторых, баня в его понятиях не могла быть самостоятельным заведением – а всегда подсобным, вспомогательным. Не стесняясь Хелье, Лучинка разделась до гола в предбаннике, и он сам разделся, и пожалел, что не захватил из походного мешка галльский бальзам – но, позвав полового, обнаружил, что галльский бальзам имеется в кроге в наличии.

Сперва он позволил Лучинке помыться самой. Затем, уложив ее на низкий полук, на живот, он долго оттирал ей загрубевшие от постоянного хождения босиком ступни, и особенно пятки. Ей нравилось. Затем он тщательно вымыл ей голову, вылив на нее целую кружку бальзама – Лучинка жмурилась, плевалась, кривилась, но молчала. Обратив в конце концов внимание на стоящий хвой, Лучинка собралась было выполнить обязанности, но Хелье, сжимая зубы, сказал – нет, потом, перестань. И вышел – одеваться. Лучинка растерялась окончательно.

В обновлениях, в новых эффектных сапожках, Лучинка приведена была снова на торг, теперь уж – в лавку лучшего городского портного, услугами которого пользовалась сама княгиня Ирина. Портной об этом всегда всем сообщал.

– Да, – сказал Хелье. – Ты мне напомнил. Надо было мне в этот заход надрать княгине уши за неуважительное отношение. Понимаешь, – он повернулся к Лучинке, – хочу давеча ее повидать, а холоп не пускает, говорит – спит она.

Лучинка кивнула, ничего не поняв.

– Слушай, портной, – сказал Хелье. – Прислужница есть у тебя здесь?

– Как не быть, – откликнулся портной. – Что ж мне, добрый человек, самому что ли стараться – мерку с народа снимать? Я ведь портной, а не ... землемер ... какой-нибудь.

– Стало быть, с женщин у тебя снимают мерку женщины.

– Ну да. И с мужчин тоже. Мужчины любят. Ты что же, купец, никогда себе платья не шил? Не поверю. Вон то, что на тебе – можно было бы и лучше сшить, но все равно – богато, богато сделано. Станный какой стежок ... Это где тебе такое строили?

– В Лиможе.

– Ничего, неплохо.

– Ты, портной, я вижу, дело свое знаешь. Вот, видишь, женщина со мной.

– Да. Ладная женщина, хорошая женщина, – взгляд портного заскользил по формам Лучинки. – Только очень стеснительная.

– Это пройдет, – заверил его Хелье. – Это из-за одежды. То, что на ней, ее смущает.

– А ведь прав ты, купец. Стыдно такой ладной женщине носить такое ... стыдно...

– Именно поэтому мы сюда и пришли. И видишь ли, портной ... – посмотрев на Лучинку, Хелье нагнулся к самому лицу портного и сказал тихо, – я не купец никакой на самом деле, это я так оделся, чтобы поменьше узнавали. А вообще-то я приближенный князя и троюродный брат Ирины.

Глаза портного округлились. И все равно Хелье показалось мало.

– Выполняю особые поручения, – сказал он.

– Какие же? – с сомнением спросил портной.

– Ну, например, казнь врагов князя в подвале детинца...

Портной тяжело задышал, косясь на Хелье.

– Ну и пытаю иногда, приходится. Надо же кому-то этим заниматься. Иначе враги одолеют. Надо, я тебя спрашиваю?

– Надо, – твердо и испуганно сказал портной.

– Ну вот, видишь. Думаю, заготовки у тебя в запасе есть. Чтобы этой женщине новый наряд был через час. Рубаха, понева – словом, всё. А потом ты сделаешь ей еще ... ну, скажем, десять разных нарядов. Зови помощницу, пусть снимает мерку. А заплачу я тебе...

Золото звякнуло о прилавок. Портной сказал, что все понял.

Хелье подошел к Лучинке.

– Мне нужно уйти ненадолго ... – начал он.

– Не уходи, – Лучинка вцепилась ему в рукав. – Не уходи.

– Не бойся, – сказал Хелье. – Я только ... пройдуся ... нужно мне. Дело есть.

Появилась помощница – румяная, толстая девка.

– Пойди сюда, милая, – позвал Хелье. – Видишь, гостью я привел. Ты помнишь, как княгиня к вам заходила?

– Ха! – сказала девица, глядя на Хелье блудливыми глазами. – Придет она сюда, как же. Шутишь, купец? Мы сами к ней в детинец ходим, как позовет. В палаты.

Хелье подумал – не отвести ли Лучинку в палаты, не потеснить ли на время составления гардероба дуру Ингегерд – но решил, что не надо. Ингегерд бы не отказала, но не в этом дело.

– Хорошо, – сказал он. – Так вот. Сними с нее мерку, и чтобы все наряды были как у Ирины.

– Нельзя. Княгиня...

– Хорошо, пусть будет чуть хуже. Любой шелк, любой бархат – слышишь, портной?

– Слышу.

Хелье снова повернулся к помощнице.

– А обращаться ты с нею будешь, как с Ириной. А иначе я попрошу у князя позволения тебя выпороть на торге, прилюдно. Рядом с вечевым колоколом. И он мне не откажет.

– Ты так говоришь, – сказала девица, не испугавшись, – будто ты Жискара.

– Нет, я важнее Жискара.

Девица улыбнулась недоверчиво.

– Если не веришь – через час приведу сюда Жискара, и он подтвердит. Но тогда уж я точно тебя выпорю.

Наклонившись к уху сидящей на ховлебенке Лучинки, Хелье сказал тихо, —

– Не говори им, чем ты промышляешь. Если спросят, скажи, что мы с тобою родственники.

И вышел.

Торг и церковь, в которой у дьякона состоял на побегушках Нестор, разделяли поларжи. Хелье зашел в пустой по случаю неурочного времени молельный зал, встал в тени, и

смотрел, как Нестор деловито сдувает пыль с поручней, протирает тряпкой золото на алтаре, как разговаривает с каким-то служкой. Проведя около часу в наблюдениях, Хелье вернулся на торг.

Нарядно одетая, Лучинка похорошела лишь от талии к низу. Грудь и плечи ее уточнились, но очарование куда-то подевалось. Голой она выглядела гораздо привлекательнее.

Заплатив за наряды портному и пообещав зайти за остальным через неделю, Хелье повел Лучинку завтракать в крог. Свир он ей больше не предлагал. Себе заказал греческого вина.

И снова на торг – перебирать височные кольца, броши, кокошники, ожерелья, бусы. После этого они направились в хибарку на Подоле.

В хибарке Лучинка решила, что пришла пора платежа. Она не знала, сколько Хелье с нее потребует за все это великолепие – неделю, месяц, год сношений? Посмотрев внимательно на Хелье, Лучинка подошла к ложу и начала раздеваться.

– Постой, – сказал Хелье.

Она обернулась.

– Я купец, – сказал он. – Недавно я совершил успешную сделку, в результате которой разорилось неимоверное количество народу, некоторые утопились и зарезались, а несколько, включая меня, страшно разбогатели. И у меня теперь столько денег, что мне года три или четыре можно просто сидеть дома или мотаться по миру, и ничего не делать.

Он замолчал. Она тоже молчала.

Вынув из калиты приобретенный для этого дела перстенок, Хелье подошел к Лучинке и опустил перед ней на колени.

– Я прошу твоей руки.

– А?

– Пожалуйста, будь моей женой. Скажи – да или нет.

Глядя ей в глаза снизу вверх, он протянул ей перстень. Она отступила на шаг.

– Ты надо мной смеешься?

– Нет, что ты.

– Зачем? – спросила она.

– Что – зачем?

– Зачем я тебе? Я скога. А ты – богатый купец.

– Ну...

– Я не хочу.

– Почему?

– Не хочу. Уйди. Вон из моего дома! Вон! Подлец! И подарки свои забирай!

Волосы ее как-то сами собой растрепались, глаза загорелись злостью. Хелье стало обидно, и он вышел. Сперва в палисадник, а затем и на улицу. Соломенно-пепельные волосы. Уютная Лучинка.

Стерва.

Нет, понял он, она не стерва, а просто я ее напугал.

И он вернулся, и стукнул в дверь, и зашел, а она сидела на ложе, обхватив колени руками, и молчала. Он сел рядом с ложем на пол.

– Ты совсем меня не помнишь? – спросил он.

Она помотала головой.

– Я был одет в монашескую робу.

Она посмотрела на него.

– В кладовой, помнишь?

Она мигнула.

– А, – сказала она. – Да ... наверное ... смутно ... А как тебя зовут?

Хелье засмеялся. И Лучинка тоже хохотнула, но вспомнила, что сердита, и замолчала.

– Меня зовут Хелье, – сказал он. – Я варанг смоленских кровей, и все это время я очень по тебе тосковал.

Слова выскочили совершенно автоматически. Но когда они прозвучали, он вдруг понял, что это, оказывается, правда. И ужасно удивился.

– А Нестор? – спросила она.

– Что – Нестор?

– Ты его ... в услужение кому-нибудь ... отдашь?

– Нестор – мой сын, ты что! Мы его с тобой будем кормить, одевать, лелеять и воспитывать.

– Правда?

– Конечно.

– Но...

– Что?

– Я – хорла...

– Этим тебе заниматься больше не придется, – заверил ее Хелье.

– Но ведь...

– Что?

– Занималась.

– И что же?

– Люди будут говорить ... про тебя ... купцы...

– Я не купец на самом деле, – признался Хелье. – Я, видишь ли, исполняю иногда поручения князя ... особые ... И, раз уж разговор у нас о том, кто чем занимался и занимается, то приходилось мне и спьеном быть, и людей убивать.

– Как убивать? На плахе?

– Не казнить, но убивать. В поединках, в стычках. А это, я думаю, много хуже того, чем занималась ты, Лучинка. Мы с тобой друг друга стоим, уж поверь. Пожалуйста, будь моей женой.

– Нестор...

– Что же Нестор?

– Он меня стыдится. И не любит меня.

Хелье снова засмеялся, а Лучинка посмотрела на него испуганно.

– Его выпороть нужно один раз, – сказал Хелье. – Всего один, и не слишком сильно. Чтобы было не больно, а просто доходчиво.

– Его дьякон научил. Говорит – мать твоя скога, хорла отпетая, ты ее сторонись.

– С дьяконом я поговорю, если нужно. Если на то пошло, у меня и среди священников есть хорошие знакомые. Нужно будет – и дьякона выпорем.

– А ты меня бить не будешь?

Уютная нота прозвучала в голосе Лучинки – как тогда, десять лет назад, и как тогда, Хелье переполнила волна нежности. Он прижался щекой к коленям Лучинки, зарылся в колени носом и лбом, потом порывисто поднялся, сел рядом с ней, обхватил ее руками, и стал целовать – нежно, ласково, в щеки, в лоб, в губы, в шею, и гладить по пепельно-соломенным волосам.

– Как же можно тебя бить, Лучинка? Да как же у меня поднимется рука?

Отмытая ее кожа пахла невероятно хорошо.

– А мы скоро поженимся? – спросила Лучинка.

– Можем прямо сейчас. Церковь открыта.

– А что? – сказала она рассудительно. – И то правда. На свадьбу приглашать некого ... мне ... А тебе, наверное, стыдно ... Чего ж тянуть...

– Стыдно? – Хелье пожал плечами. – Да и некого, как и тебе. Дура Ингегерд опять беременна, Ярослав куда-то уехал, Дира я не видел десять лет, Гостемил далеко.

– Кто такой Гостемил?

– Его ты увидишь. Его мы пригласим. Не на свадьбу – не успеет – а просто так. И уж Гостемил-то тебя не обидит, не думай. Он всем князьям и конунгам ровня, и возможно поэтому начисто лишен предрассудков.

– А ... что такое предрассудки?

– Это то, что мы из Нестора будем выбивать розгой.

– Не надо его бить. Он маленький, слабенький.

– Не будем. А все-таки ты, Лучинка, помни, что он не только твой сын, но и мой тоже.

– Я помню. Хелье? Тебя зовут Хелье?

– Меня зовут Хелье.

Через два часа их обвенчал самый молодой и самый скандальный священник в Киеве – Илларион, бывший монах, возбудивший несколько лет назад все население города выдалбливанием пещеры и проживанием в ней в течении недели (он таким образом выражал возмущение изменявшей ему Маринке).

После этого они забрали Нестора из церкви в хибарку. Хелье раздумывал – не купить ли дом получше? Но решил, что это всегда успеется. Проведя часть ночи с Лучинкой в спальном помещении одного из крогов, по утру, няняв кнорр и сложив в него несколько необходимых грунок, Хелье с женой и сыном отбыл в свадебное путешествие. В Корсунь не заходили – провели месяц в Константинополе, четырежды побывали в театре, а затем сделали трехнедельный заход в Рим.

На Нестора первая часть путешествия не произвела впечатления. Днепр и Днепр, подумаешь. И ветер противный. Константинополь же его поразил в первую очередь книжной лавкой и имеющейся там «Одиссеей» Гомера в переводе на современный греческий, с красивыми картинками. На деньги, которые выложил Хелье за сей фолиант, можно было купить лошадь. Благодарности Нестор не выразил.

Каждый день Хелье отлучался на час-другой, следуя заветам Старой Роши – упражнения необходимы.

Перед самым отъездом в Рим варанг смоленских кровей улучил момент – Лучинка спала, а Нестор бодрствовал – вывел мрачного ворчащего сына на задний двор, сдернул с него порты, и несколько раз хлестнул по ягодикам веткой. Нестор плакал и ругался.

– Ибо сказано, – сообщил ему Хелье, – «Чти родителей своих». Мать следует называть «ма». Отца, а это я, следует называть «отец» или «па». Некоторые называют «тятя», но мне это не нравится.

Нестор молчал целый день, а с первыми лучами солнца, когда кнорр, пройдя пролив, повлекся вдоль греческих берегов на юг – начал постепенно оттаивать. Штудирюя «Одиссею», он неожиданно вообразил себя Телемахом, отца – Уллисом, мать – Пенелопой, и вдруг все стало на свои места. У Пенелопы в отсутствие мужа было много женихов. Гомер не сообщал, хорлила она с ними или не хорлила – может, просто обошел этот момент, поскольку наверняка ведь хорлила. Но вот вернулся Уллис, и всех их перебил. А с Пенелопой стал жить в греческом благомирии.

На третий день Нестор задал Хелье первый сыновний вопрос.

– А где Итака?

Его очень интересовало местонахождение родины главного героя «Одиссеи».

– Отец.

– А?

– «Где Итака, отец».

Нестор слегка насупился, и все же переспросил так, как хотел Хелье, —

– Где Итака, отец?

И Хелье, удивляясь необыкновенному счастливому совпадению, взял Нестора за плечи, подвел к стыйор-борду, и показал рукой.

– Вон там. Два-три дня ходу.

– Правда? Ты не врешь?

– Тебе я никогда не вру. Незачем.

Взяв сына под мышки, он поднял его перед собой, посмотрел ему в глаза (Нестор тут же отвел свои), и крепко поцеловал в щеку. Глядя украдкой на эту сцену, Лучинка отвернулась и пошла к корме. Присев там на влажную палубу, повернув лицо к горизонту, она некоторое время тихо плакала счастливыми слезами.

В Риме книжных лавок не оказалось, но знакомый писец охотно продал Хелье за низкую цену «Историю Цезарей» на греческом и «Моралию» Плутарха. Плутарх Нестору не понравился из-за путаности и отсутствия сюжета, а в «Цезарей» он влюбился сразу. А поскольку жили цезари в этом самом городе, Нестор был в восторге и все просил Хелье повести его – то к форуму, то к Колизею, и говорил с важным видом, «Вот здесь ходил сам император Август, по этим ступеням, я это точно знаю. А Марк Антоний дурак, а Клеопатра хорла отпетая».

Лучинке было не до красот – шел второй месяц ее замужества, а она так и не могла до конца поверить, что, во-первых, теперь она женщина замужняя, а во-вторых, муж ее – вот этот вот красивый парень, с мальчишеским лицом. Раньше, когда она мечтала о муже и домашней жизни (никому в этом не признаваясь, естественно – какая у скоги может быть домашняя жизнь!), то муж в этих ее мечтах представлялся пожилым, степенным, пузатым человеком с неопрятной седой бородой. Временами, по ее представлениям, муж должен был ее бить. Раз в неделю. Красавчик Хелье же – лелеял ее, был непрерывно нежен, предусмотрителен, ласков. А на обратном пути, на подходе к Константинополю, сердитый сын Нестор неожиданно подошел к ней, обвил руками ее шею, и неумело чмокнул прямо в нос.

В себя Лучинка пришла окончательно только в Киеве. Хелье купил дом – за Подолом, на окраине, просторный. Ежели по совести, то нужно было уехать в Новгород, в Корсунь, в Консталь – Лучинке, начинающей новую жизнь, лучше не жить в городе, где у нее много знакомых. Но – несколькими месяцами ранее скончался Мстислав Тмутараканский, и Ярослав окончательно и бесповоротно переехал в Киев и стал спешно присоединять к Киевской Руси все, что присоединялось, и именовать себя цесарем, что на взгляд Хелье было невероятным пижонством, но делать нечего – где Ярослав, там и Хелье, других источников дохода у варанга смоленских кровей в данный момент не было. Еще Хелье хотел купить холопку для домашних нужд, но Лучинка воспротивилась, и Хелье решил, что она права. Почему права – он не стал уточнять вслух. Холопка обязательно дознается, что хозяйка дома – бывшая скога, и отношение будет соответствующее, сколько не работай розгой. К лешему.

Сходил в детинец. Дура Ингегерд – набожная, почтенная матрона, хотя по-прежнему тощая и угловатая, обрадовалась, узнав, что Хелье теперь женат, и нудно напрашивалась в гости. Подоспевший к вечеру Ярослав, поискав жену и узнав, что она в занималовке треплется с Хелье, прибыл в занималовку и услышал обрывок разговора —

– Ну, пожалуйста, Хелье, миленький, ну мы придем с Ярославом, как старые друзья, даже охрану не возьмем...

– Пошла в хвиту, – сказал Хелье беззлобно.

– Дорогой гость! – сказал Ярослав входя. – Здравствуй, Хелье, здравствуй, давно не виделись! Ты, стало быть, в свадебное путешествие отлучался. А тут у меня как раз есть для тебя поручение...

– Здравствуй, князь, – ответил Хелье, поднимаясь на ноги, соблюдая этикет. – С поручениями нужно подождать еще две недели. Нет, лучше три.

– Почему же?

– Мне нужно освоиться. Я никогда раньше не был женат, и все еще привыкаю. И даже если тебе в ближайшее время понадобится повитуха...

Ярослав засмеялся.

– К тебе не обращаться? – закончил он мысль за Хелье.

– Именно.

Оказалась Лучинка очень хозяйственной. Врожденная ее способность к созданию уюта не ограничивалась физической близостью – уютным становилось все, к чему она прикасалась. Быстро освоившись со стандартами нового сословия и бюджетом, соответствующим этим стандартам, нашла она и плотников, и ткачей, и гончаров, и Хелье, ранее воспринимавший многочисленные дома, в которых ему приходилось ночевать, просто как места с наличием крыши, печи, и ложа, почувствовал в первый раз в жизни тягу к дому. Не логову, но дому. Не ночлегу, но дому. Дому Лучинки.

Постепенно Хелье начала мучить мысль, что в супруге его никогда больше не проснется женщина. Лучинка была с ним нежна, открыта, но большого желания к соитию, и больших эмоции во время соитий, не проявляла. Хелье оправдывал это привитым ей бывшими клиентами функционально-практическим отношением к мужчинам, и надеялся, что постепенно муж и жена сумеют вернуть то, на что каждая женщина имеет право – а ничего не выходило. Хелье в принципе готов был и к такому положению грунок, но ему было жалко жену.

Все разрешилось в прохладную, ветреную, дождливую ночь. Нестор похрапывал сердито у себя в комнате прислуги (из всех комнат в доме он селектировал именно ее, она была самая маленькая – большие пространства ночью его пугали, да и вообще оказался он, Нестор, пуглив, и Хелье вынужден был рассказывать ему только совсем нестрашные сказки и истории перед сном). В спальне супругов трещали в печи поленья, Хелье, пристроившись к жене, лежащей на боку, сзади, целуя ее плечи, шею, позвоночник, и глядя ей грудь, двигался медленно, никуда не торопясь. Лучинка, чуть поводя головой, прикрыла глаза и неожиданно вывела горлом и носом ноту, которую Хелье забыл за десять лет, а теперь вспомнил. Это был не крик и не стон, не шепот, не визг, не трель – а ровное, уютное мурлыканье, невольное урчание, обволакивающее, завораживающее, только звучало оно сильнее, полнее, чем десять лет назад, и через несколько мгновений Лучинку стал трясти и кидать из стороны в сторону первый в ее жизни оргазм. Целый океан нежности, накопившийся за два месяца замужества, нашел, наконец, выход. Подождав, пока метания утихнут, Хелье выскочил из нее, повернул жену на спину, снова вошел, и она обхватила его руками и бедрами, и мурлыканье повторилось почти сразу. Несколько пиков страсти наложились один на другой, тела покрылись влагой, а когда страсти слегка утихли, Лучинка не плакала славянским плачем, не лежала на спине, глядя в потолок и блаженно улыбаясь, но выпросталась из-под мужа, повернулась на бок, приподнялась на локте, и растерянно посмотрела в глаза Хелье.

Еще через неделю молодоженов навестил Гостемил. Было в то время Гостемилу сорок четыре года, и за те десять лет, что они с Хелье были знакомы, он почти не изменился внешне – не погрузнел, не замедлился в движениях. Треугольные залысины над благородным лбом и легкая седина в светлых волосах, да несколько новых морщинок у светло-серых глаз – вот и все изменения. Могучее, большое тело сохранило изящество и гибкость – хотя теперь, как он признался Хелье, это стоило ему некоторых «весьма утомительных, но необходимых, увы» трудов – ежедневных упражнений и строгой умеренности в пище.

– Ты не представляешь себе, друг мой, – говорил Гостемил густым барственным басом, чуть приподнимая брови, дабы акцентировать трагедийность ситуации, – я, гурман старой школы, убежденный эпикуреец, вынужден отказываться от пива, свира, и даже иногда мяса! Два раза в неделю ем мясо. А приправы? Ведь настоящие приправы только к мясу бывают!

Какие приправы к рыбе, помилуй? Смешно! А уж если вздумалось мне подремать после обеда, то каждый час дремы приятной вынужден я компенсировать полуторачасовыми экзерсисами. Очень утомительно. Тебе, счастливо худому от рождения, не понять моих мук.

– Тоже мне муки, – заметил сидящий за одним столом со взрослыми Нестор. – Обжирался раньше, теперь обжираться нельзя, подумаешь.

Хелье дал ему подзатыльник.

– Не дерись, – поучительным тоном заметил ему Нестор. – Вот видишь дяденька сидит, в два раза тебя больше, а не дерется. И ты не дерись.

Гостемил и Лучинка засмеялись.

– Не мешайте мне воспитывать ребенка, – сказал им Хелье.

– Что прикажет господин мой? – спросили от двери.

Все обернулись.

– А это, извольте видеть, холоп мой, прозывается Нимрод, из рода иудейска, – объяснил Гостемил.

Полный, румяный Нимрод с капризной выпяченной нижней губой, лысеющий шатен, соорудил саркастическую мину и развязно поклонился.

– Вообще-то он повар, – продолжал Гостемил, – но предпочитает совмещать, и настаивает, чтобы его представляли холопом. И в этом что-то есть.

– Что же именно? – спросил Хелье, смеясь.

– Нимрод, друг мой, – Гостемил повернулся к холопу, – тут в доме наверняка отыщется кухня, а в ней какие-нибудь припасы, так продемонстрируй же умение свое незаурядное. Я тут хочу с друзьями обсудить заглазно твои недостатки.

Нимрод еще раз скептически поклонился и ушел.

– Второй год он со мной, – сообщил Гостемил, устраиваясь поудобнее на скамье и попутно рассматривая ногти на левой руке. – Прирожденный повар. Вникает в самую суть своего дела – ну, в этом скоро, друзья мои, вы сами убедитесь. Ну и чистит мне платье, стирает – не без понуканий, но справляется – дом прибирает. Была у меня девушка-холопка, прыщавая, неуклюжая, так Нимрод, взяв на себя заботы о хозяйстве, ее выгнал. Не без странностей он.

– Где ты его нашел?

– А здесь неподалеку. Он сам напросился, а я подумал, что будет оригинально – у всех холопы славяне, или печенег из осевших, а у меня иудей. Ни у кого больше нет.

– А он точно иудей? – спросил Хелье.

– Он говорит, что вырос в Жидове.

– Это ничего не значит, – заметил Хелье. – А в Жидове иудеев-то осталось человек пять. Только и славы, что название. С тех пор, как печенегов потеснили, в Жидове богатые ростовчане живут.

– Ну да? – удивился Гостемил.

– Ага. Откуда у них столько денег – не знаю, может в Ростове золотую жилу нашли. А только понаехало их в Киев, дирижеров соплеменников, без счету. Кидаются золотом во все стороны, скупил в Жидове все дома, перестроили да перекрасили так, что в глазах рябит, да при этом лучших зодчих нанимали со всего света. Жены их ходят нарядные ... – Хелье засмеялся, и Лучинка тоже хохотнула. – Такие у них поневы...

– Двойным полумесяцем, – заметила Лучинка. – Они с собой холопок водят, чтобы придерживали им поневы, если ветер.

– Точно, – сказал Хелье. – А мужчины все – в одежде такой ... ну, знаешь ... как будто кто-то из Консталя привез четыре разных платья, и портняжка из них сделал одно. И разговаривают громко. А к вечеру всегда – две, три драки, как минимум. И все они говорят, что

они купцы, а только что-то незаметно, каким-таким товаром торгуют – никто не видел, на торге бывают только, когда покупают что-то или пьют в крогах.

– Хмм ... – Гостемил задумался. – Ростов, стало быть ... Эх, вот она, жизнь столичная, сколько новостей сразу. Ну, с хлебом в Киеве, как я понимаю, неплохо, а что с цирками?

– Неважно, – сказал Хелье. – Из Консталя к нам не ездят больше, местные скоморохи захирели, по большей части старое перелопачивают. Есть два новых гусяра, Михал и Сивка.

– Сивка? – переспросил Гостемил.

– Сивка очень хорош, очень, – сказала Лучинка.

– У супруги моей слабость к Сивке, – доверительно сообщил Хелье. – Проникновенный он. Так Лучинке кажется.

– Очень душевный, – Лучинка покивала. – Так у него все напевно, красиво.

– А Михал? – спросил Гостемил.

– Михал напористый, – объяснила Лучинка.

– Хитрый он, – добавил Хелье. – Выступает обычно с двумя женщинами, на три голоса, и по-моему все украдено у каких-то древних римлян ... у Вергилия ... не знаю. Нестору нравится.

Тем временем Нестор заинтересовался Нимродом, и пока тот хозяйничал на кухне, хорошо и подробно его рассмотрел. Поворчав себе под нос (все ему на этой кухне было не так), Нимрод быстро, но без суеты, собрал на кухонном столе какие-то овощи, мясо, специи, плоские лепешки, протвени, сковородки, горшки, развел в печи огонь, и после этого руки его стали двигаться плавно и без остановок. Все вокруг Нимрода пришло в синхронное движение – что-то он нарезал, что-то чем-то посыпал, смешивал, клал в горшок или на противень, опять резал, поправлял – нож, горшок, печь, противень, овощи, мясо, несколько капель вина, снова нож, снова мясо, отделенный от мяса жир падает в ведро, туда же сливается слой отработанного масла, мелко шинкуется зеленый лук, вылетают из-под ножа и падают точно в горшок неестественно тонкие кружки репчатого лука, редиской управляется утка – Нестор завороченно смотрел на действо.

Когда на противне шипело а в горшках булькало, Нимрод протер ножи (Нестор думал, что нож на кухне один, а их оказалось целых пять, и все пять Нимрод явно принес с собой – раньше на кухне таких ножей с костяными рукоятками не было), смахнул отходы в ведро одним движением, оперся пухлыми руками о стол, и посмотрел на Нестора. Обычно Нестор, когда на него смотрели взрослые, отводил глаза и начинал сердиться, а тут вдруг доверительно сказал,

– А Крося-сорока недавно щенка нашла живого. Его топили, а он не потопился и вылез. Она его себя взяла, а гладить никому не дает.

– Ага, – сказал Нимрод, задумчиво глядя на Нестора. – Вот ты говоришь – гладить не дает. А вот Като-старший римлянам всегда говорил – «Кархваж следует разрушить», а они не верили, и Пунические Войны из-за этого растянулись на много десятков, а то и сотен, лет. А ведь неизвестно, какой бы у нас был сегодня мир, если бы тогдашние финикийцы одолели Рим. А то, что они были иудеи – ты не верь, это вранье. Хочешь пряник?

В руках Нимрода появился его персональный походный мешок. Из мешка он достал другой мешок, поменьше, а оттуда выудил пряник – такой вкусный, что Нестор решил весь мешок с пряниками этой же ночью украсть.

– Вкусно? – спросил Нимрод.

– Нет, – ответил Нестор.

– На тебя не угодишь. Так мне не печь больше такие пряники? А то господин мой сладкое и мучное не ест, разжиреть боится.

– Нет, ты пеки, – сказал Нестор.

– Зачем же их печь, если никто не ест? Они ведь на меду.

– А я их соседским детям отнесу.

– Э, нет, – сказал Нимрод. – Благотворительностью я не занимаюсь, это лицемерие. Кархвужане занимались – вот и получили сполна. Хочешь еще пряник?

– Хочу.

– На.

Нестор взял второй пряник и стал его жевать.

– Вкусно?

– Нет.

Нестора отправили спать.

– Ну, как, Лучинка, не обижает тебя супруг твой? – благодушно осведомился Гостемил.

– Нет.

– Повезло тебе, друг мой Хелье, с женой.

– Это мне с ним повезло, – сказала Лучинка, и покраснела. – Не всякий на мне б женился. – И покраснела еще гуще, осознав глупость сказанного. Выпила она до того – всего-ничего, два глотка греческого вина. – Да уж, – добавила она, поглядев на коротко мотнувшего головой мужа, – то, чем я занималась до того, как замуж вышла, уж это...

Хелье стало стыдно – не перед Гостемилом, конечно же, а вообще. Ну чего она оправдывается? Зачем?

– Чем же ты занималась? – спросил Гостемил.

Лучинка потянулась к кружке. Хелье плавно но быстро положил руку ей на запястье.

– Я была скога.

– Скога? – переспросил Гостемил.

– Уличная хорла.

– Ага. А до этого? – без паузы спросил Гостемил.

– Что – до этого? – переспросила, убирая руку, не ожидавшая такой реакции Лучинка.

– Чем до этого занималась?

Она тупо посмотрела на него.

– Нну ... Тете помогала по хозяйству.

– Ага.

Лучинка не поверила и слегка насупилась.

– Лучик, не надо, а? – попросил Хелье.

– Собственно, если тебе это важно, – сказал Гостемил, подумав, – я знал, что ты была раньше уличная хорла.

Лучинка посмотрела на Хелье с упреком, грозящим перейти в злость.

– Нет, нет, – сказал Гостемил, засмеявшись, – Хелье мне ничего не говорил. Он вообще скрытный по жизни, это у него от варангов.

Она недружелюбно на него посмотрела и отвела глаза. Гостемил, раздосадованный тем, что попал в неудобное положение, объяснил, —

– Любая деятельность накладывает отпечаток. Жестикуляция, выражение лица, манера отвечать на вопросы или задавать вопросы – все это составные общего образа. А я в таком возрасте нынче, что не уметь составить образ из очевидных признаков было бы стыдно.

– Как же ты ... составил? – с подозрением спросила Лучинка. – Мой образ – как составил?

– По тому, как ты мне обрадовалась.

– А?

– Мне, или давеча тому, как Нестор вбежал, или тому, как Хелье улыбается. Тому, что небо синее, или серое, или еда вкусная, или грунки говорятся приятные. Женщины, побывавшие в уличных хорлах, всегда радуются очень искренне, как дети. А сам я, друзья мои, – сказал он неожиданно, – жениться собрался! Представляете? Как получил наследство, так во мне и проснулся собственник, старый муромский годсейгаре – ужас! Возникла необходимость в наследнике. И ведь твержу себе – имущество есть тлен, пыль – ан нет, все время ловлю себя на мысли.

Он не перевел таким образом разговор на другую тему – он просто, дабы помочь супругам, исчерпал и закрыл тему предыдущую, и в глазах Лучинки, с которой высокородный боярин вел себя, как с равной – не подчеркнуто, но совершенно естественно – Гостемил сразу стал – полубог.

– Да, – продолжал Гостемил, – думаю, пора мне остепениться, друзья мои.

– Так что ж, помочь поискать тебе невесту, что ли? – спросил Хелье, старающийся не показать при Лучинке, насколько он благодарен Гостемилу.

– Поискать ... Такое, друг мой, не ищут. Такое либо само проходит, либо ... не приходит ... К тебе вот пришли, – он кивком указал на Лучинку, – а я вот всё жду.

– У Ярослава с Ингегерд дочери подрастают, – сказал Хелье. – Каких-нибудь лет пять-шесть, и...

– Нет, друг мой. Даже в шутку не хочу слушать. С олеговым семенем дел никаких не имею.

– Ты служил Владимиру ... и Марие...

– Я?! – Гостемил двинулся назад от стола вместе со скамелем. – Служил? Я им несколько услуг оказал. И получил не награду, но плату, по договору. Мне нужно было развеяться, да и деньги кончались. Служил? Нет. Знаешь, Хелье, друг мой, за десять лет на Руси можно было бы, казалось, разобраться с тонкостями местного наречия! Хорловы варанги...

– Гостемил, – попыталась утихомирить его Лучинка, – Гостемил, ты...

– Ну а чего он! – возмущенно откликнулся Гостемил. – «Служил». Порты им стирал, что ли, свир на подносе приносил? Или сверд чистил? Все эти заимствованные шведские словечки, вроде «слуга, служить» – надо от них избавиться! Как в старину слуг называли?

– Рабы, – подсказал Хелье со смехом.

– Брысь, – сказал Гостемил. – Ну тебя.

Хелье и Лучинка засмеялись.

В столовую вошел сонный Нестор и объявил, что не знает, почему Одиссей казался циклопу маленьким. Ведь циклоп встречал и других людей, а не только циклопов, и должен был бы привыкнуть к виду. Тогда Хелье попросил Лучинку встать и посадить Нестора себе на плечи. Сам он взял Лучинку на руки, а Гостемил, встав на четвереньки и просунув голову между коленями Хелье, захватил его бедра руками и поднялся на ноги. Пирамида получилась внушительная, голова Нестора оказалась в нескольких вершках от потолка. Лучинка смеялась и говорила, что боится. Нестор посмотрел вокруг и сказал, —

– А пылищи-то сколько на карниз.

Все засмеялись.

Нестор уходить отказывался и требовал объяснить ему, как Алеша Попович (фигура легендарная, среди простонародья ходили об Алеше Поповиче разные интересные слухи; Гостемил и Хелье, знавшие этого типа лично, криво улыбнулись, каждый подумал о своем, Хелье с оттенком легкой грусти вспомнил беременную прыщавую Матильду) – как он мог сломать аспиду шею, ведь она, шея аспиды, чугунная.

– Просто согнул, наверное, – предположил Гостемил.

– Чугун нельзя согнуть.

Хелье, смеясь, вытащил из печи погжебач и протянул его Гостемилу. Согнув чугуное орудие пополам, Гостемил дополнительно заплел его в косу. Нестор, сидя у Лучинки на коленях, смотрел на действие совершенно круглыми глазами, и сказал, —

— Не порти инвентарь.

Все засмеялись.

— Как это в предписаниях Святого Иоанна сказано? «Утаил от мудрых», — заметил Гостемил.

После этого Нестор, задав несколько невнятных вопросов самому себе, сразу уснул. Лучинка отнесла его спать, вернулась, сказала, что устала и пойдет теперь ляжет, и удалилась.

— От Дира никаких вестей, все по-прежнему? — спросил Гостемил.

— Никаких. Я почти уверен, что знаю, где он нынче обитает, и почему. При отходе Святополка из Киева он присутствовал, и, судя по всему, находился при Святополке неотлучно. И что-то такое там у них произошло, возможно значительное.

— Может, их догнали и убили?

— Нет, за ними никто не гнался. К тому ж, если бы Дира убили, было бы землетрясение и десять ураганов, и дождь бы шел месяц. Нет, Дир жив, просто скрывается, и не в славянских землях, а западнее.

— Зачем ему?

— Есть причины.

Лучинка, неслышно ступая, подкралась к двери. Она прекрасно знала, что делать этого нельзя. Что это некрасиво. Но не могла бороться с собой. Вот сейчас они будут откровенничать, и Хелье признается, что тяжело ему с бывшей скогой, стыд, позор, людей стесняется. Она прислушалась к разговору.

— Парень на тебя характером очень похож, — говорил Гостемил. — Ты, наверное, в его возрасте такой же мрачный был. У тебя и теперь случаются мрачные моменты, смотреть противно.

— Да, наверное, — согласился Хелье. — Ну, ничего, просветлеет. Ужасно любит фолианты, с соседской малышкой почти не водится.

— У каждого своя стезя. Супруга твоя, друг мой, женщина необыкновенная. Я и не знал, что такие бывают. Теперь я буду страдать, а это утомительно.

— Почему ж страдать?

— А я дисциплинированный. Не будь я дисциплинированный — просто маялся бы, а так знаю, что нужно пострадать немного. Неделю буду страдать, а потом пересилю себя. Не будь ты мне лучшим другом, Хелье, отбил бы я у тебя супругу, нарушил бы заповедь. Впрочем, она бы все равно ко мне не ушла. Ты у нее единственный, неповторимый, и я понимаю почему, и мне от этого досадно. И она у тебя неповторимая, и я понимаю, почему, и это тоже досадно. Платиновая она у тебя.

— Это есть, — сказал Хелье. — Платиновая. Как-то даже не представляю себе, как я без нее жил. Надо бы еще раз в какое-нибудь путешествие поехать с ней, ее потешить. Она, когда улыбается — вся Вселенная радуется.

Дальше Лучинка слушать просто не смогла — красная от стыда и счастья, тихо ушла наверх, в спальню, быстро разделась, забралась в постель, поворочалась, улыбаясь, утерла слезы, и уснула. Это она хорошо сделала, потому что то, что сказал после этого Хелье, ей бы не понравилось.

— А сердце мое, друг мой Гостемил, принадлежит совсем другой женщине, и ничего с этим сделать нельзя.

— Дурак, — сказал Гостемил.

— Знаю.

– Не буду тебя разубеждать, поскольку стеснительно оно. Но спрошу на всякий случай – где теперь та женщина?

– Леший ее знает. Ярослав ее щадит. Ездит она на какие-то подозрительные сходки, недавно ее видели в Гнезно. В Киев тоже заглядывает. Две недели назад я случайно увидел ее в Жидове, в сопровождении ... хмм...

– Эржбеты. Понимаю.

– Да.

– Сторонись этой компании, Хелье.

– Я стараюсь.

– Правильно.

Следующим днем Нестор рассказывал соседским детям, какой удивительный у них гость.

– Огромный, как циклоп, старый муромский козаке.

– Старый чего?

– Козаке. Это такой особенный воинский настрой.

– Берсерк?

– Нет, козаке. Что ему берсерки! Он тех берсерков одним локтем всех сразу. А отец его – сам Святой Иоанн.

– Врешь!

– Не вру.

– Святой Иоанн давно умер.

– Нет, недавно. Не хотите – не верьте. А перед смертью Святой Иоанн оставил сыну приписания. И там сказано...

Через два дня Гостемил уехал – вероятно, на поиски какой-нибудь жены.

Прошло пять лет.

К концу зимы в Киев из Новгорода по приглашению Ярослава прибыл зодчий Ротко с тремя детьми и женой Минервой – маленькой, стройной, необыкновенно элегантной женщиной. Забравшись на Горку, зодчий окинул великий город, современный Вавилон, критическим взглядом, и сказал, —

– Ну, что ж, будем застраивать эту помойку.

Сказано было сильно, но без особых на то оснований. Давно уже Ротко ничего не строил сам, а по большей части делал какие-то наброски и передавал подчиненным – в общем, почил на лаврах, в чем сам себе не желал признаваться. В Киев он, правда, ехал с твердым намерением строить, и строить всерьез. Особенно его интриговала идея постройки нового собора, равного или превосходящего красотой Константинопольскую Софию.

Строительство шло по всему городу и без Ротко. Изменив своему правилу руководить (якобы) сидя дома, Ротко обошел несколько строительных мест, разглядывая, задавая вопросы зодчим, и выдавая критические замечания. Главный зодчий города, италиец Роберто, возненавидел приезжую знаменитость еще до первого с нею разговора, а разговор (в детинце, неподалеку от княжеских палат) получился нервный и сбивчатый.

– Вот я смотрю на твои прожекты ... – говорил Роберто.

– Не прожекты они, а просто наброски, но глубинные, – возражал Ротко, тыча мясистым пальцем куда-то в глубины пространства. – С расчетами. Видишь?

– Ты и смету приложил, как я погляжу, – недовольно сказал Роберто.

– Да, приложил.

– Это купол?

– Купол. А что, ты не знаешь, что такое купол? Вот ведь зодчих себе нанимает князь, а? Стыдоба.

– Я знаю, что такое купол.

– Ах, знаешь? Где ж тебе об этом поведали?

– Он провалится, этот купол, от краев к центру поедет.

– Никуда он не провалится.

– Посмотри, какой ты угол ему сделал!

– Ха. Конечно, если строить, как тут строят под твоим руководством, то и провалится.

Но у меня в смете отмечено, что нужно делать, чтобы не провалился.

Роберто вчитался в смету.

– Пер фаворе², – сказал он, – это что же здесь такое написано?

– Это материалы, великий мой строитель, материалы. Из которых собирают постройку.

На Руси, во всяком случае. Может в твоей дурацкой Флоренции постройки собирают из песка или из воздуха, а у нас тут иногда ветер и дождь, вот и приходится материалы приспособлять.

– Какие же это материалы, ступидиссимо!³

– Сам ты ступидиссимо.

– Вот это – что такое?

– Где?

– Вот. Вот это. Что это?

– Тебя по-славянски читать еще не выучили? Советую обратиться к какому-нибудь дьяку, он тебя выучит, только дьяконицу его не обижай...

– Что здесь написано?

– Написано, «лава вулканическая». Римский рецепт. К извести примешивают вулканическую лаву.

– Сейчас даже в Италии так не строят. Рецепт давно утерян.

– Утерян – напишем новый.

– Откуда я тебе в Киеве возьму вулканическую лаву? В Киеве вулканов нет. И под Киевом нет. Река есть, пороги есть, глина есть, известка, а вулканов – нет.

– Может, плохо искали.

– Вулканы искать не нужно, они издалека видны.

– Нужна лава.

– Да ведь если лаву волоочь из Италии, это – знаешь, во сколько обойдется каждый пуд?

– Мое дело было представить набросок и некоторые расчеты. Все остальное – не мое дело, совершенно.

– А чье же?

– Твое. Ты ж тут главный зодчий, якобы.

– Дьяболо!

– Сам такой.

И так далее. Рассерженный Роберто побежал жаловаться Ярославу. Князь оказался в разъездах – какие-то дела, кажется, в Вышгороде. Вместо Ярослава зодчего приняла в княжеской занималовке беременная Ирина. Роберто выложил ей все, что думал – о Ротко, о горе-работниках, о Руси, и пригрозил, что уедет ко всем чертям хоть в Англию, и хоть завтра, нет, послезавтра, завтра у него важная встреча. Выслушав сумбурные итальянские претензии, Ирина, двадцатишестилетняя, но выглядящая старше, приложила палец к губам и сделала Роберто знак придвинуться поближе.

² Позволь (итал.)

³ Наитупейший (итал.)

– Не обращай внимания, – сказала она доверительным тоном.

– Как это?

– Так. Мы с Ярославом очень любим Ротко, а жена его – истинное чудо, но строить он ничего не будет. Он давно уже не строит. А что замечания делает – так у него сегодня одни замечания, завтра другие, и сам он никогда не помнит, что говорил вчера. Понимаешь?

– То есть, мне не нужно с ним спорить, и он не будет мне мешать?

– Именно. Тебе нужно выслушивать его – все его выслушивают, даже Ярослав – соглашаться, кивать, и идти заниматься своим делом.

– Но он всучил мне какие-то наброски, расчеты...

– Это он умеет. Каждый день что-то набрасывает. Бумагу и парчу изводит без меры. Жена его, сдается мне, продает все это в тайне на вес.

Роберто неуверенно хихикнул.

– Он действительно построил несколько церквей и домов в Новгороде. Красиво. Если будешь в Новгороде, не поленись – на окраине, Евлампиева Церковь.

– Да ну! – покривился и заугрюмел тщеславный, ревнивый Роберто.

– Да. Это его наброски у тебя в калите?

– Да.

– Покажи. Всегда интересно, что он рисует. Воображение у Ротко необыкновенное, но, к сожалению, неприемлемое в обычной жизни. Так, посмотрим. Это что же?

– Это, – язвительно сказал Роберто, – его план будущей Софии в Киеве.

Ирина засмеялась.

– А почему две башни? И почему они плоские?

– Такая новая придумка, – прокомментировал саркастически Роберто. – Смотри, эта дыра на фасаде – розетка величиной с дом. Три главных двери вместо одной, сводчатые. Между двух башен – балюстрада зачем-то. А позади башен – крыша углом, над нефом и алтарем. Обрати внимание...

– Да?

– Видишь стены по бокам нефа?

– Вижу.

– А в стенах окна, громадные. Видишь?

– Да.

– Между окнами расстояние – никакое.

– Вижу. Красиво.

– Дело не в том, красиво или нет. Неумеха он, Ротко ваш. Даже если это просто шутка – все равно, шутка дилетантская.

– Отчего же так?

– Потому что материала в таких стенах недостаточно, чтобы поддержать крышу таких размеров. Упадут стены. Нужно сделать в два раза меньше окон, либо вдвое уменьшить сами окна. Ротко болтает что-то про особый древнеримский цемент, но никакой цемент такое не выдержит, а уж здешний известняк ... Про кирпичи и вовсе речи нет...

В занималовку вбежала четырехлетняя княжна – младшая из уже родившихся дочерей, и в данный момент самая любимая, поскольку очень глупая – жалко ее. Верный своему решению давать детям сразу библейские имена, Ярослав, сверившись с супругой, назвал дочь Анной, но местные не приняли старую латинообразную форму и переименовали княжну в Аньку, что весьма понравилось родителям. Как-то увидев любимицу в трехлетнем возрасте, одетую в одни порты, размахивающую украденной у одной из прачек ребристой скуей, князь залюбовался и сказал, —

– Ну, прямо персидский воин какой-то, а не Анька. Анька-перс.

После этого скую отобрал, а то опасно.

Услышали и запомнили, и стала княжна прозываться – Анька-перс.

Теперь, забравшись на полированный стол занималовки, игнорируя Роберто, Анька-перс схватила рисунок с двубашенной церковью и сказала,

– Рофко фифофаф. Рофко фифует кфасиво. А ты, – неожиданно она показала пальцем на Роберто, – фифуеф похо, ибо ты ефть итафийское говно, а жена твоя фпит с офлицей буифановой.

Прошло несколько мгновений, и Ирина испугалась, что сейчас у нее от хохота случится выкидыш.

Почему-то у Аньки-перса и Ротко случилась взаимная дружеская тяга. Княжна таскалась за Ротко по детинцу, и несколько раз, сперва с позволения матери, а потом и без позволения, зодчий брал ее с собой в город. Располневший Ротко нагибался, кряхтя, поднимал княжну, сажал ее себе на плечи, и шел, что-то ей рассказывая. Собственные его дети, два мальчика-подростка и девочка, приятно проводили в Киеве время, предоставленные самим себе. Жена Минерва шастала по знакомым, интересовалась новостями, прогуливалась по городу в окружении модной молодежи, которая (молодежь) почему-то влюбилась вся, без памяти, в маленькую тридцатитрехлетнюю супругу зодчего. Сестра Ярослава Марьюшка, навещавшая в то время брата (якобы), заинтересовалась было Минервой, прикидывая, не подойдет ли она ей, как подруга и компаньонка, и дело кончилось бы плохо – по вечерам верная Эржбета, не любящая конкуренцию, задумчиво поглаживала черенки стрел в колчане – если бы сама Добронегла вдруг не решила, что не так умна Минерва, как кажется, и сразу к ней охладела.

Затем Ротко, уставший от дел, решил некоторое время пожить в Венеции, и предложил княжеской чете свозить туда, в Венецию, Аньку-перса. Предложение показалось родителям совершеннейшей дикостью, но Анька-перс принялась вдруг с упорством невиданным ныть и требовать, чтобы ей было позволено посмотреть на «кахалы» в «Фенефии», ныла две недели к ряду и до того довела отца, что он чуть было не позволил двум небольшим городам на юго-востоке от Киева, бывшим владениям родственников Мстислава, самоопределиться народовластно. У четы было к тому времени уже девять детей. Подумав, родители в конце концов согласились. Полгода в Венеции, где ребенка заодно научат чему-нибудь, латыни, например – не так уж страшно.

– И напичкают сказками о преимуществах народовластия, – все-таки добавил неодобрительно Ярослав, сдергивая сапоги, готовясь к омовению. – Ингегерд, все-таки это легкомысленно...

– Я знаю, – отвечала Ингегерд, разоблачаясь – супруги мылись вместе, – но, видишь, какие она истерики закатывает. Не отпустим – на всю жизнь запомнит.

– Дело не в этом, – сказал Ярослав, водя льяным лоскутом, пропитанным галльским бальзамом, по спине жены. – Осторожно, не напрягай живот. Обопрись о мою руку. Так. Большое пузо в этот раз – наверное, мальчик. Так вот, дело в том, что я, по правде сказать, сам бы хотел съездить. С тобой.

– Нельзя, – сказала Ингегерд.

– В том-то и дело. В данный момент просто не на кого оставить все. Вернешься – десять заговоров, посадники переругаются.

– То есть, – сказала Ингегерд, массируя мужу ступни, – ты хочешь, чтобы Анька за нас туда съездила?

– В каком-то смысле.

– Дуре четыре года.

– Скоро пять.

– Ее украдут по дороге.

– Дадим ей хороших провожатых.

– Например?

– Хелье, – сказал Ярослав.

– Что ж, – сказала Ингегерд. – Этому негодяю я верю. Не подведет. Не щиплись. Оставь мой арсель в покое, тебе говорят!

Супруги захихикали.

Наутро вызвали Хелье.

– Ну, чего вам? – грубо спросил сигтунец.

Ему объяснили.

– Ага, значит так, – сказал он. – Со всем моим дражайшим почтением, вы тут оба, по-моему, совершенно охвоились и заволосели. Ездить в Консталь, сопровождать главного киевского сердцеда, дабы подложить под него Зоэ и тем напакостить Михаилу, и таким образом решить все дипломатические неувязки с Византией – это по мне, наверное. Не перебивайте! Таскаться в качестве спьена к Конраду – пусть. Но быть нянькой вашим хорлингам я отказываюсь. Я не нянька, листья шуршащие, а хорлинги у меня свои есть. И это при том, что я детей вообще ненавижу, и поубивал бы всех в хвиту! Поняли, хорла?

Ярослав покивал понимающе.

– Он поругался с женой, – сообщил он Ингегерд, и та кивнула.

– Это не ваше дело, с кем я поругался! – парировал Хелье. – Что-нибудь еще нужно вам от меня, кесари?

– Нет.

– Ну и идите в пень. Ежели действительно понадобится – зовите, всегда рад.

Через неделю ехать все-таки пришлось, а только полномочия посланца отличались от тех, какими его собирались ранее наделить. С западного хувудвага в Киев прилетел гонец и передал таинственную грамоту от Ротко Ярославу. Ярослав прочел и обмер.

Аньку-перса похитили. Ротко, стоя в каком-то захолустном городишке на польском пограничье, рвал на себе остатки сальных волос.

Оказавшийся в Киеве Гостемил, состоятельный землевладелец, не нуждающийся в средствах, согласился составить Хелье компанию.

– Ради Хелье, – сказал он князю. – Не ради рода олегова.

– Понимаю, – кивнул Ярослав. – Род олегов перед тобою в вечном долгу, Гостемил.

– Еще бы, – с достоинством согласился Гостемил.

Поспешили. Прибыв в городок, допросили Ротко и всех жителей, которые попались под руку. По наитию, Хелье, оставив Гостемила ждать известий, отправился к живущему неподалеку землевладельцу – и тот поведал ему, что прибыла к нему непонятным образом грамота на бересте, а что в ней написано – неизвестно. Читать землевладелец не умел.

Хелье, приноровившийся к тому времени сносно читать по-славянски, разобрал грамоту. Писано было, что ежели хочет землевладелец получить дочь свою в целости, то пусть придет на место важное во время тайное и принесет с собою мощну значительную, золотом заправленную.

– Какую дочь? – удивился землевладелец. – У меня четверо сыновей, и ни одной дочери.

Хелье поблагодарил его и снова присоединился к Гостемилу. Показав грамоту местному священнику, они напали на след – священник покопался в архивах и нашел похожие каракули. Жикреня-старший, живет в четвертом доме от опушки.

Гостемил и Хелье пешком направились к опушке, отсчитали четыре дома – обветшалых, кривых.

– Главное – неожиданность, – философски заметил Хелье, указывая на дверь.

Гостемил понял. Дверь была заперта на четыре массивных дубовых засова, но Гостемил просто выдрал ее из общей конструкции вместе с третьей стеной, и Хелье с обнаженным сверлом вошел в помещение.

Похитителей оказалось пятеро, и двух, кинувшихся убивать непрошеного гостя, пришлось уложить, проколов им – одному бедро, другому плечо, и грозно крикнуть, дабы остальные трое не порезали ненароком Аньку.

Оставшиеся стоять тати дрожали всем телом.

– Это вам за труды, – сказал Хелье, кидая кошель с серебром на пол.

– Может, взять их все-таки с собой, к тиуну повести? – предположил Гостемил.

– Морока.

– Все-таки.

– За привезенных князь больше не заплатит, цена одна. Чего людей зря мучить. А так – может они еще кого-нибудь похитят, так опять меня пошлют, а я нынче человек семейный, заработки нужны.

Гостемил пожал плечами.

Плачущую Аньку-перса доставили в поселение, где Хелье, поманив к себе возрадовавшегося Ротко, непрерывно целующего спасенную, сказал ему, что в Киеве ему, Ротко, лучше не показываться в ближайшие десять лет, и в Новгороде тоже. Езжай, Ротко, смотреть на кахалы в Фефееции. Ротко нашел совет весьма резонным.

После отъезда Хелье и Гостемила со спасенной, пристыженный, нервничающий зодчий наорал на прислугу, а затем и на детей. Минерва ждала, пока он выговорится. К ее неудовольствию какой-то крепыш из местных, с простецким лицом, полез к Ротко с расспросами, и Ротко выдал ему, прежде чем Минерва успела крикнуть «Заткнись!», что если бы не Хелье, пропала бы княжья дочка совсем, вот ведь беда какая была бы. Крепыш осведомился с интересом, кто такой Хелье. Минерва, разбирающаяся в людях гораздо лучше мужа, вгляделась в лицо спрашивающего и решила, что простецкое оно лишь на первый взгляд – но было поздно.

– Хелье – приближенный князя! – разглагольствовал Ротко. – Бесстрашный, верный, мужественный, незаменимый! Гроза врагов князя и княгини, сокрушитель Неустрасимых!

Минерва, быстро приблизившись, пнула его своей маленькой тощей ногой, и Ротко наконец-то прикусил язык.

Кивнув ему и улыбнувшись любезно Минерве, простак направился к тому самому домику, в который давеча врывались Хелье и Гостемил. Расспросив горе-похитителей, Рагнар решил их не убивать – они ничего толком не знали. Им сказали, что будет проезжать обоз, а в нем дочь важной персоны. Вот и все.

Через две недели после этого Рагнар встретился с Марией в Гнезно. Он был обязан ей многим – в сущности, своим возвышением, лидирующей ролью в Содружестве. Любовниками они не состояли – умудренная прошлым опытом, Мария не допускала смешения политики и любви.

– Скажи, Мария, – Рагнар улыбался открытой, искренней улыбкой, – какие люди в прошлом противостояли Содружеству? До нынешнего воссоединения?

– Много было, – сказала Мария, глядя Рагнару в глаза. – Очень много.

– Ну, основные фигуры назови.

– Ну, как же. Хайнрих Второй нас не любил.

– Так. А еще?

– Орден всегда против, хотя до прямого вмешательства они не доходят.

– Император и Орден. А из правителей попроще?

– Олов Норвежский. С ним пришлось повозиться.

– А из простых людей?

Мария повела бровью.

– А такое имя – Хелье – тебе ничего не говорит? – спросил Рагнар невинно.

И увидел как она бледнеет.

– Говорит, – сказала она.

Рагнар присел на ховлебенк.

– Твердый человек? – спросил он.

– Твердый? Да.

– Я понятия не имею, кто это такой. Я просто слышал имя.

– Он нам не враг, – сказала Мария.

– Это странно.

– Почему?

– Потому что не вяжется с его кличкой.

– Что за кличка?

– «Сокрушитель Неустрашимых».

– Первый раз слышу.

– Княжна, а нельзя ли этого Хелье ... ну, скажем, заставить нам служить?

– Нет.

– Нет?

– Уговорить может и получится, хотя вряд ли, да и не следует. Заставить Хелье сделать что-то – совершенно невозможно.

Рагнар кивнул понимающе.

Аньку-перса доставили в детинец. Она думала, что ее будут «пофоть», но ее только обнимали, целовали, орошали слезами и толкались беременным пузом.

Гостемил отбыл к себе в Муром, не повидавшись с Лучинкой. Лучинки не оказалось дома.

Все это было в начале марта, а в тот год именно в это время выдалась теплая неделя – ранняя весна. Лучинка нашла себе подругу – познакомились на торге, зашли в крог, поели. Подруга оказалась из Вышгорода, замужняя. Поговорили о том, о сем, о трудностях жизни. Лучинка похвасталась, какой у нее замечательный супруг. Подруга слушала, кивала, а потом сказала, что где-то потеряла кошель. Лучинка заверила ее, что это не беда, денег у нее с собой достаточно. Расплатились, наняли возницу и отправились в отстроившийся, похорошевший Вышгород. Зашли к подруге домой – муж ее, рыбак, отсутствовал. Посидели. Лучинка пыталась рассказывать подруге о театре, который она с мужем и сыном посетила в Константинополе («Говорят непонятно, но муж нарочно переиначивал на славянский, для меня, а сын у меня знает по-гречески, интересно было, и так они руками размахивают, совсем не так, как наши скоморохи»), а подруга заскучала вдруг. Лучинка спохватилась – время было позднее, стемнело.

– Мне нужно к сыну, он там у меня один, – сказала она.

Подруга ее не удерживала.

Лучинка вышла из дома подруги и пошла по улице к тому месту, где видела давеча возниц. Погода резко переменилась, дул с Днепра леденящий ветер. Кутаясь, Лучинка добрела до нужного места – возниц там не оказалось. В перспективе проулка, ведущего к реке, качалась мачта кнорра – может, нанять кнорр? Она пошла по проулку, и у следующего угла ее остановили трое с факелом.

– Куда путь держим, болярыня? – спросили насмешливо.

У двоих в руках поблескивали ножи.

Она решила, что сейчас ее будут насиловать, но они не стали. Отобрали суму и кошель, сдернули богатую поневу и серьги, велели ей сесть на землю и снять сапожки. Она послу-

шалась. Разбойники, хмыкая, все забрав, куда-то ушли. Лучинка встала и пошла дальше – к парусу. В лодке сидел хозяин – суровый, с седой бородой.

– Добрый человек, не довезешь ли ты меня до Киева? – спросила Лучинка. – Я заплачу, когда приедем. А то меня здесь ограбили.

– Иди, иди, скога, – сказал добрый человек.

– Нет, правда, у меня дома есть деньги. Много денег.

– Хочешь ехать – покажи деньги. Нет денег – не повезу.

Вот и весь сказ.

Лучинка прикинула – шестнадцать аржей, босиком, на леденящем ветру, да по темной тропе, да через переправу, да опять по темной тропе – а может, там разбойники. Что же делать?

Тогда она вернулась к дому подруги и постучалась. А потом еще постучалась. Подруга открыла дверь.

– Меня ограбили, – сказала ей Лучинка. – Нет ли у тебя денег каких-нибудь, заплатить лодочнику, чтобы до Киева довез?

– Сейчас нет, – сказала подруга. – Через неделю, может, будут. А сейчас – ничего нет.

Лучинка еще помялась, и спросила, —

– Может,пустишь переночевать?

– Нет, не могу. Муж вернулся. Уж извини. Ну, спокойной ночи.

И закрыла дверь.

Нестор там один – это не дело совсем.

Нужно либо идти, либо добыть денег, чтобы заплатить доброму человеку в лодке.

Лучинка огляделась. Неподалеку виднелся какой-то отсвет – поздно открытый крог. Лучинка направилась к крогу. Босая, без поневы, только рубахой прикрыты колени, она не рассчитывала, что ее пустят внутрь, но ей и не нужно было. Встав напротив калитки, она приняла профессиональную позу и стала кивать и улыбаться всем мужчинам, какие время от времени выходили из крога. Один из них, увидев ее, некоторое время постоял у калитки, а затем вернулся в крог – очевидно, сообщить знакомым, что есть дешевая хорла, стоит, ждет на улице.

Рука легла Лучинке на плечо – и Лучинка вздрогнула всем телом.

– И сколько ж ты нынче берешь за услуги? – спросил Хелье.

– Хелье!

Она не знала, что и сказать. Теперь он ее бросит. Выгонит. Что она наделала!

– Ты синяя вся, дура, – сказал Хелье. – Ети твою мать, почему ты босая? Где понева? Пойдем, пойдем, скорее. У меня там лодка.

– Ты меня прости, я не нарочно.

– За что мне тебя прощать?

– Что я вот...

– А что случилось-то?

– Меня ограбили, а я боялась, что Нестор там один, а ты в отъезде.

– Ограбили? Били тебя?

– Нет.

– Руками трогали?

– Почти нет. Ножом грозили.

Хелье на ходу обнял жену за плечи.

– Бедная моя, – сказал он. Нет, так нельзя. Постой.

Он нагнулся и стянул один сапог.

– Надевай.

– Что ты...

– Надевай сейчас же! Муж твой тебе велит!

Она испугалась и сунула ногу в сапог.

– Велико, – сказала она. – Но не очень.

– Ноженька простонародная, – заметил Хелье. – Теперь второй. Быстро.

– Идти неудобно. Но смешно.

– А смешно – так смейся.

Она засмеялась, не веря счастьем. Не выгонит! Он ее любит! Какой он у нее хороший!

Хозяин лодки усмехнулся криво и стал возиться с парусом. Хелье расстегнул пряжку, снял сленгкаппу, завернул в нее Лучинку, сел, а Лучинку пристроил к себе на колени и стал тереть ей спину, плечи, предплечья, арсель, бедра.

– Ледышка, – сказал он.

У нее стучали зубы. Он потер ей щеки, потом поцеловал в губы, потом еще.

– Ужас, как замерзла, – заметил он.

– Хелье, любимый, – сказала она. – А как ты меня нн ... ннашел?

– Да так ... Подожди. Эй, мореход, долго мы будем здесь торчать?

– Сейчас, сейчас, болярин. Вот, парус ... вот...

Лодка пошла наконец к Киеву.

– Приезжаю – нет тебя, Нестор насупленный. Говорит – на торг ушла. Я пошел на торг. Порасспрашивал. Зашел в крог – а там хозяйка говорит, что видела тебя и еще кикимору какую-то, а кикимора из Вышгорода. А уж темнеет. Нанял я вот этого морехода, и поехали мы в Вышгород. Походил по улицам, прохожих расспрашивал, потом вижу – крог. Думаю, может, подружки в кроге сидят, а ты, может, выпила, а ты, когда выпьешь – известно что случается. Кинулся я к крогу – а ты там стоишь, у калитки.

– Я больше никогда не буду ... честное слово...

– Что? А, ты об этом ... Так ведь ты думала, что у тебя выхода нет. Что ж тебе – скочуриться по дороге в Киев, босиком, без поневы? ... А у подруги нельзя было денег попросить?

– Она...

– Понял. Ты, Лучик, умная у меня, а в людях не разбираешься совершенно, вот что. Надо бы нам убраться из Киева все-таки. Как ты дрожишь, что ж тебе не согреться-то никак, а, Лучик? Эх-ма...

У пристани торчал одинокий возница, и хотя до дому было всего-ничего, пять кварталов, Хелье усадил Лучинку в повозку, сел рядом, и велел вознице спешить.

Войдя в дом, Хелье крикнул, —

– Нестор! Нестор, растяпа!

Нестор выскочил в гостиную.

– Топи в бане печь, быстро!

– А где ты была? – спросил Нестор укоризненно.

– Потом, а то уши оборву! Баню, быстро! – прикрикнул на него Хелье.

Нестор опрометью кинулся в недавно собранную баню за домом. Через час Лучинка лежала на полке, а Хелье обхаживал ее веником со всех сторон. После этого, завернутую в три простыни, он на руках принес ее в спальню, выгнал Нестора спать, и лег рядом с женой. Она целовала его благодарно и светилась счастьем, что у нее такой муж.

К утру ее бил озноб, и тело было горячее, на щеках играл нездоровый румянец, а кожа вокруг глаз побелела. Хелье послал Нестора в детинец за княжеским лекарем. Пришел лекарь, принес какие-то травы, долго осматривал Лучинку, и сказал, что такое бывает, случается.

Оставив Нестора присматривать за больной, Хелье побежал – на торг, к знахарям, и они тоже дали ему какие-то травы. Затем он вспомнил старорошинские придумки и сам набрал разных трав. Дома он изготовил по нескольким разным предписаниям травяные отвары.

По совету соседа он сбегал снова на торг и купил кувшин свира, и свиром, подогрев его над огнем, растер Лучинку с ног до головы. Ей полегчало. Снова оставив ее на попечение Нестора, Хелье опрометью бросился в церковь. Молился он страстно, кусая губы, сдавливая себе виски, то стоя на коленях, то ложась на живот.

Вернувшись домой, он увидел, что Нестор плачет, и вспомнил, что никогда до этого не видел сына плачущим.

– Что ты, что ты, Нестор, – растерявшись, говорил Хелье, обнимая сына, глядя его по голове, целуя в щеки и в нос. – Не плачь, парень. Мать твоя женщина крепкая.

На следующий день Лучинка совсем ослабла и только шевелила иногда рукой или головой, и пыталась улыбаться. Хелье выскакивал из дома два раза – один раз на торг за едой для Нестора и снадобьями для Лучинки, и один раз в церковь.

Прошел еще день, и еще один. Иногда Лучинке становилось лучше, но к ночи снова начинался жар. Через неделю она начала кашлять – громко, с хрипом, часто. Хелье, придерживая ей затылок, кормил ее куриным отваром, улыбался, подмигивал, выходил из комнаты, бледнел, сжимал зубы. Кашель не прекращался.

– Лучик, что же ты, Лучик, – шептал Хелье ночью, боясь дотронуться до жены – у нее болело все тело, кожу саднило.

Потом она стала кашлять кровью.

Иногда Хелье удавалось с помощью снадобий, отвара и растираний приостановить кашель, и тогда он звал Нестора, и Нестор приходил и говорил глупости, и смотрел сердито, а Лучинка ему улыбалась.

Как-то ночью кашель прекратился. Лучинка лежала, глядя широко открытыми глазами в потолок. На улице была весна, орали соловьи.

– Потушить свечу? – спросил Хелье.

– Не надо, пусть...

– Лучик, тебе лучше?

– Да.

К утру Лучинка умерла.

Нестор еще спал. Тщательно заперев спальню, Хелье твердым шагом вышел из дому и направился к церкви. Утренняя служба еще не началась. Он разыскал священника и объяснил ему в чем дело.

– Нет, – сказал священник, глядя на Хелье суровыми греческими глазами.

– Что – нет?

– Не могу. Отпевать хорлу – не буду.

– Она моя жена.

– Не буду. Как ни грустно.

Илларион жил неподалеку от строящейся Софии. Хелье направился к нему. Ему долго не открывали. Когда открыли, он отодвинул прислужника и вошел в дом.

– Где хозяин? – спросил он грозно, с неожиданно резким шведским акцентом.

– Спит.

– Буди.

– Не велено.

– Убью.

Сказано было таким холодным тоном, что прислужник понял – убьет. И пошел будить хозяина.

Самый скандальный священник Киева вышел, заспанный, в гостиную и, посмотрев на Хелье, понял, что дело не шуточное.

– Что случилось?

Хелье объяснил. Глаза Иллариона засверкали, щеки побелели от злости. Он быстро облачился в рясу, нахлобучил шапку, и сделал Хелье знак следовать за ним.

Служба шла полным ходом – в приходе Хелье начинали раньше, чем в остальных церк-вах. Не обращая внимания на молящихся, Илларион быстрым шагом пересек помещение и вплотную подошел к священнику.

– Отец Никодемус, нам срочно нужно поговорить.

– Ты в своем уме, сын мой? Служба!

– Если ты сейчас с нами не выйдешь, следующую службу ты будешь служить не здесь.

Патриарх будет уведомлен, не сомневайся.

– А что случилось?

– Сейчас объясню.

Они вышли – в закуток, втроем.

– Отец Никодемус, у этого человека умерла жена. Ее нужно отпеть и похоронить.

– Я не могу позволить, чтобы в святой земле хоронили хорлу. И отпевать не буду.

– Меня не интересуют твои предрассудки, Никодемус. И твои представления о прили-чиях тоже не интересуют. Ты все сделаешь так, как я тебя прошу.

– Мой долг служителя церкви...

– Прежде долга служителя церкви есть долг христианина.

– Не смей мне указывать, мальчишка! Я вот разберусь! Я сам напишу патриарху!

– Хелье, – Илларион обернулся. – Я встану вот тут, чуть сбоку. А ты дай этому человеку в морду.

– В церкви? Священнику?! – закричал Никодемус.

– Грех беру на себя, – сказал Илларион. – И заранее даю тебе отпущение, если придется дать в морду два или три раза.

Хелье покачал головой.

– Хорошо, – сказал Илларион. – Тогда просто поддержи его, я сам дам ему в морду.

Он схватил Никодемуса за грудки и сдавил ему грудь и шею.

– А может, я просто буду его душить, вот так, – сказал он. – До тех пор, пока в нем не проснется приличествующее его сану милосердие.

– Я буду жаловаться! Я к князю пойду! – прохрипел Никодемус.

– Ну, хорошо, – сказал Илларион, отпуская Никодемуса. – Ввиду полного отсутствия у тебя компетентности, управление этой церковью я временно беру на себя. Сейчас я пойду улаживать дела по этому поводу – нужны люди, нужна повозка, нужен гроб. Хелье, иди домой. Когда все будет готово, я подъеду, и все, что нужно, сделаю сам. Никодемус, иди, закончи службу. Только учти. Завтра ты волен делать все, что хочешь, писать любые жалобы кому угодно. Но сегодня, если ты хоть как-то помешаешь мне, к тебе домой придут двадцать ратников. И будут пороть тебя при жене и детях. А Ярославу я дам знать в любом случае. Пусть князь подумает, какой пример подает Никодемус своему приходу.

– Хороший пример...

– Молчи, Никодемус. Видишь этого человека? Посмотри ему в лицо. Сейчас он расте-рянный, жалкий. Но ведь он придет в себя. А он варанг, и умеет управляться со свердом, и мстителен, как любой варанг.

Некоторое время Хелье размышлял, нужно ли брать на похороны Нестора. И решил, что нужно. Уж не мальчик.

Стало еще теплее. Тень от колокольни легла на кладбищенскую землю по диагонали, пели птицы. Сдерживая дыхание, Хелье поцеловал Лучинку в лоб в последний раз. Нестор, насупившись, уткнулся носом отцу в плечо.

Потекли дни, за днями недели. Ярослав был в отъезде. На поминки пришла недавно родившая Ингегерд – с младенцем. Передав младенца кормилице, она долго гладила Нестора по светлым волосам, а он терпел.

Хелье тем летом как-то резко возмужал, растерял остатки мальчишества в лице и движениях. А Нестор отрастил щеки и стал больше походить на мать, чем на отца. И стали они жить вдвоем.

Нестор ходил в приходскую школу постигать науки. Хелье пришлось отлучиться по княжеским делам ближе к осени, и он оставил Нестора на попечение Ингегерд. «Своим человеком» в детинце у Нестора стать не получилось. За что-то его невзлюбил Ярослав – возможно, заподозрил, что шестнадцатилетний Нестор обхаживает какую-то из дочерей. По поводу дочерей у Ярослава были свои планы.

Рыжая Маринка, убежавшая от ненавистного мужа, прибыла в Киев повидаться с матерью, вернувшейся из путешествия. Нестор штудировал какой-то фолиант, сидя в кроге, когда Маринка ввалилась в этот же круг в компании разбитной молодежи. Над молодым человеком в робе стали потешаться, а он не обижался, и это Маринке почему-то понравилось.

Хелье еще раз демонстративно оглядел помещение.

– Почему ты здесь живешь? – спросил он. – Ты все-таки скажи. С татями ... Вроде бы, средств я тебе дал достаточно, и даже сказал, где мой поверенный в Болоньи живет. А?

– Я, отец, подремлю тут, пожалуй, в уголку, – ответил Нестор. – Твой неожиданный приезд меня утомил. Разбуди меня через час, и, так и быть, пойдем мы слушать твоего проповедника, раз тебе как хочется. Будто в Киеве проповедников мало.

– Аспид, – сказал Хелье.

Нестор прилег на ложе в углу и действительно сразу уснул.

Утомил его мой приезд, подумал Хелье. Гостемилowymi словечками оперируем? Нет бы чему хорошему у Гостемила поучиться. Так нет же. Ладно. Это что такое? Это его сундук, а сверху лежат фолианты – грунок тридцать, не меньше! Где же он деньги на все это взял? Это ж александрийская библиотека у него тут! Ну, теперь понятно, почему роба и хибара эта, и в Болоньи тоже себе отказывал небось – там и накопил фолиантов. Книжный червь, а не Нестор. Ага, вот эту книгу ему Гостемил подарил. Латынь – не знаю я латынь толком. Так, что еще? Ага, платоновы рассуждения. «Солон, Солон, вы, греки, как дети». Глупость невероятная, надо сказать. Но читается с интересом. Это что? А. Плутарх. О! Еще подарок Гостемила – Теренций. Гостемил тогда говорил, мол, я из отроческого возраста давно вышел, а Теренция только в отрочестве читать следует. Гостемил любит преувеличивать. Где они, мои любимые вирши? Ага, вот —

По склону спускается с луком в руке амазонка,
Ищет свидания с Медием, юношей бледным...

Да, красиво. Позволь, а это что же у нас? Это не фолиант, это сам сын мой Нестор что-то карякает, упражняется ... Почерк у него выправился, красивый стал. Опять латынь, да что же это такое ... Ага, вот по-славянски что-то ... Стыдно, но признаем – именно благодаря этому олуху я и выучился читать по-славянски ... То есть, в сущности, он сам меня и выучил. Так. Что ж тут написано такое?

«Изгнали варангов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом.

И сказали себе, Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву. И пошли за море к варангам, к руси».

Что это за люди такие, которых он описывает, подумал Хелье. Какие-то странные люди – то выгоняют варангов, то обратно зовут. Нет твердости в решениях. Позволь, какой еще руси?

«Те варанги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти».

Что он плетет, подумал Хелье. С каких это пор какие-то варанги назывались русью? И с каких пор англы и готландцы – варанги? Это такие у него плоды образования? Этому его в Болонье научили? О, вспомил Хелье. Конечно же. Это дьякон, у которого он на побегушках был, воротил, чего в башку придет, небось по пьяни, а сопляк запоминал.

«Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь, Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

Чего-чего? Хелье задумчиво почесал бровь. Насчет чуди ничего не знаю, словене – да, возможно, каких словен помню – ищут себе хозяина. Весь – нет, не похоже, они любят по одиночке, никакие им хозяева не нужны, ни чужие, ни свои. Кривичи – ох-хо ... Вот бы астеры прочли, чего сынок мой про них начертал, про республиканский их Хольмгард. «Приходите владеть нами», надо же. А слово «порядок» заимствовано из лексикона киевской молодежи, очень модное нынче слово. Какой-то бирич, передавая народу волю Ярослава, сказал, что, мол, у всех дел должен быть порядок. Было это года четыре назад. И с тех пор слово вошло в обиход среди подрастающего поколения, и употреблялось исключительно в издевательском смысле. Может, Нестор просто издевается?

«Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варангов прозвалась Русская земля».

Ох-хо ... Впрочем, это может понравится Ярославу. Он и его подхалимы уж не первый год пытаются заставить ветеранов забыть владимирово авантюрное, «Нет никакой Земли Новгородской, есть Русь!» Нестор действительно никогда этого не слышал, или? ... Или...

«Новгородцы же – те люди от варангского рода, а прежде были словене».

Все у него в башке перепуталось. Астеры в большинстве кривичи, а словене – это Полоцк и окрестности, старая ведьма Рагнхильд...

«... властвовал Рюрик. И было у него два мужа...»

...А он был у них жена, подумал Хелье. Ну и стиль у парня.

«...не родственники его, но боляре, и отпросились они в Царьград со своим родом».

«Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян».

Как это – полян? То есть, Киев олегово семя получило как бы в наследство? Польское наследство?...

А ведь с Летописи Торбьорна перестали писцы копии делать, вспомнил Хелье. Давно перестали. Сколько осталось экземпляров Летописи? По всему миру – хорошо если дюжина наберется. А первый приказ Ярослава Гильдии Биричей в Новгороде, еще до «Русского Судопроизводства»? Сжечь архив. Да, повелитель наш не промах! «Цесарь» – и, изволь, как Цезарь – историю переписывает так, как она его больше устраивает. А, позвольте, но ведь это несторовы писания. Нестор не на службе у Ярослава, это глупости, я бы знал, если бы такое было. Да и не Нестора бы озадачил Ярослав таким предписанием – начертай, мол, как тебе видится, но чтоб покрасивее и с пониманием. Ну, с пониманием у нас плохо, как видим – всех славян записал в желающих стать холопами. А для чего?

Хелье задумался.

Вот, к примеру, франки завоевали галлов. Галлы этого нисколько не стыдятся! Или, скажем, римляне во время оно завоевывали всех подряд, и теперь бывшие завоеванные этим

хвастаются. Что ж, славяне – тупее, что ли? Или свободолюбивее? Нет, здесь что-то не так. Какая выгода Ярославу от того, что славян не завоевывали, что они сами, как пеньки безвольные, пришли своим ходом к каким-то варангам и сказали – вот они мы, владейте? Я сам варанг – если бы ко мне такие пришли, и просили бы меня – владей нами, я бы поспешил от них убратся, потому что это не люди, а, не знаю – юродивые какие-то.

Страшная мысль вдруг всплыла на поверхность, блеснула зловеще. Уж не ... Содружество ли ... само ... оформило моему сыну эпистолярный заказ? Нестор, мальчик мой, если это так ... то, хорла, свяжу я тебя сейчас по рукам и ногам, запихаю в повозку, поедem мы к ближайшему морю, там погрузимся на кнорр, и посвятим много-много лет поискам Эрика Рауде и его Винланда. Да. Этим, мальчик мой, я тебя не отдам. Ты не виноват, ты не знал. Они хитрые.

«И сказал ему один кудесник, Князь! От коня твоего любимого, на котором ты едешь, – от него тебе и умереть. Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он, Никогда не сяду на него и не увижу его больше. И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков».

Ну, эту байку про тезку моего рассказал Нестору Гостемил, уж это точно, подумал Хелье. Я ее помню с детства, а только но в несколько иной форме. Я тоже ее рассказывал Нестору, но Нестор запомнил именно гостемиллов вариант, скотина неблагодарная. А рассказывать Гостемил умеет, не отнимешь.

«Владимир же стал жить с женою своего брата – гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей».

Все у парня как-то спиралью через дужку, подумал Хелье. Рагнхильд – гречанка да еще и монахиня. А может, ему это все просто неинтересно, подумал он. А если неинтересно – значит точно выполняет заказ. Но чей?

Ну, это просто узнать. Сейчас мы поищем, что там дальше написано – про Ярослава. И если Ярославу в сием писании только нимба не хватает, всем святым святой, то понятно, кто заказчик, и лучше бы так, а не Содружество.

Но до Ярослава Нестор не успел дойти. Очевидно, Маринка отвлекала.

Хелье тщательно зашнуровал писанину Нестора и положил ее на прежнее место.

По пути зашли в заведение, съели эскалоп, послушали во время еды неопрятного, разбитного менестреля, развлекавшего посетителей шансоном де жест под перебор примитивной лютни —

Сидит она у берега с утра,
Кругом природа, лес, этсетера.
Не спится. Поднялась в такую рань.
Но тут степенным шагом Шарлемань
С цветами – шась, и говорит – «Ура!
Нашел тебя! Пойдем!» Этсетера.

- По-моему, он просто издевается, – заметил Хелье.
- Ты ничего не понимаешь в парижской жизни, – возразил Нестор.
- Ну, раз ты такой понятливый – скажи, какой смысл в виршах сих?
- Главное не смысл, главное чувство.
- Какие все чувственные стали.

Перевозчикам в тот день было раздолье – каким-то образом слухи о необычном (крамольном, наверное) римском проповеднике разнеслись по городу, и лодки курсировали между вторым островом и обоими берегами непрерывно, и Хелье и Нестору пришлось даже постоять в очереди – желающих перебраться к Святому Этьену набралось три дюжины человек.

Двери церкви стояли распахнуты, в церковь набилась масса народу.

– Не проповедник, а бродячий скоморох какой-то, – проворчал Нестор.

Хелье засмеялся.

– Главное – чувство, – сказал он.

– Пошел ты...

– Чти отца своего, сын мой.

Толпа расступилась, и ко входу церкви от берега потянулась странная процессия – пятнадцать пестро и сумбурно одетых, гладко выбритых мужчин с томными лицами, и четыре женщины. Улыбались женщины так блудливо, что никаким местным гетерам не снилось. Окруженный теплой этой компанией шагал ко входу размеренным изящным шагом человек лет двадцати пяти. Толпа зевала вокруг переговаривалась – мужчины отпускали похабные шутки, женщины восхищенно вздыхали – римский проповедник, с правильными и тонкими чертами лица, с красивыми, волной лежащими каштановыми волосами, стройный, привлекательный – поразил их воображение. Ряса сидела на нем как королевское платье.

– Это же Папа Римский, – сказал Нестор на ухо Хелье. – Я его помню! Когда мы в Риме были...

– Молчи. Человек не хочет, чтобы его узнавали, а ты, как первый ученик – мол, наставник, а я знаю, можно я скажу, оцените мое рвение... Рвение в Болоньи надо было проявлять.

– Ты мне не указывай, что делать.

– Лишу наследства. Ладно, давай пробираться ко входу, иначе не попадем внутрь и ничего не услышим.

Во избежание волнений и драк на остров прибыла королевская стража в количестве сорока человек. Анри Первый, легкомысленный, большой любитель охоты, позаботился о подданных.

Глава восьмая. Речь в Святом Этьене

В первый раз за три недели Стефан не ушел от Сорсьер до рассвета. Выдалось солнечное утро. Сев на постели, опершись спиной о стену, подтянув колени к подбородку, он рассматривал спящую любовницу. Проснулась она, как просыпалась всегда – мгновенно, но в этот раз решила поозорничать и открыла только правый глаз, и скосила его, и высунула кончик языка. Стефан хихикнул. Пошарив рукой, она ухватила его за колено. Он распрямился и лег на спину, и Сорсьер пристроила голову ему на грудь.

– Я люблю тебя, – сказал он.

Некоторое время она молчала, а потом сказала, —

– Да.

– Что – да?

– Ты что-то еще хочешь мне сказать.

– Хочу.

– Говори. Не бойся.

– Нет. Сперва ты скажи.

– Что сказать?

– Какую-нибудь тайну. У меня было две тайны, одну я тебе только что открыл. Открою и вторую, но сперва и ты должна мне что-нибудь открыть.

Она убрала голову с его груди, села, повернулась к нему лицом. Он продолжал лежать на спине. Сказать ему, что я его люблю, подумала она – сказать?

– Хорошо, – сказал он. – Я сам тебе скажу ... как тебя зовут на самом деле. Сам.

– Скажи.

– Мария.

– Верно.

– А как на самом деле зовут меня, ты не знаешь.

– Можешь мне довериться, я умею хранить секреты. Говори смело.

– Меня зовут Казимир.

В первый раз за много лет Марии отказала ее сообразительность.

– По-своему красивое имя, – сказала она.

– Ты, кажется, не поняла.

И то правда.

Она подумала.

И поняла.

– А, хорла, что ж теперь делать? – невольно вырвалось у Марии.

Она рывком поднялась, глядя на него с ужасом, села на постели.

Он тоже приподнялся. Теперь они оба сидели, не касаясь друг друга, и смотрели друг другу в глаза.

Невероятно, думала Мария. Не может быть. А ведь можно было догадаться! Вот он, например, догадался. Он догадливый. А я, дура, так увлеклась, так мне было хорошо, что забыла обо всем. Будто я здесь на отдыхе. Он – Казимир. Стефан – Казимир. Это несправедливо! Надо взять себя в руки. Ничего страшного не произошло, наоборот. Он меня любит, он не лукавит, когда это говорит. Может, все к лучшему?

– Можешь меня прогнать, – сказал Казимир. – Или пусть меня убьют твои люди. Мне все равно. Я сказал тебе, что я тебя люблю. Ты предпочла не отвечать на признание.

– Что теперь признания...

– Ну, как хочешь. Скажи – и я просто уйду – уеду куда-нибудь, и ты меня забудешь.

– Об этом говорить поздно.

– Почему ж...

– Потому что я ношу твоего ребенка.

Помолчали.

– Моего ребенка? – переспросил Казимир.

– Да.

Казимир чуть приметно улыбнулся.

И еще помолчали.

– Хочешь быть королем Полонии? – спросила она.

– Не знаю.

Она нахмурилась.

– Я хочу быть с тобой, – объяснил Казимир. Поразмыслив, он добавил, – И чтобы ребенок был наш, и мы бы жили вместе.

– Так, – сказала Мария. – Хорошо, попробуем по-другому. Хочешь, я посажу тебя на польский трон – с условием, что мы поженимся, и все дела управления ты передашь мне?

Казимир слегка побледнел. Подумав, он спросил, —

– Если я откажусь, меня убьют?

Теперь побледнела Мария. Также подумав, она сказала, —

– Тебя не убьют. Ты будешь королем.

– А если я откажусь?

– Зачем?

– А может я не хочу быть королем.

– Хочешь.

Он вздохнул.

– То есть, – сказал он, – если я откажусь, меня убьют.

– Перестань!

– А?

– Перестань это повторять! Это невыносимо! Тебя не убьют.

– Почему?

– Потому что я люблю тебя.

Он улыбнулся – на этот раз открыто.

– Но лучше бы тебе согласиться, – сказала Мария.

– Можно я тебя поцелую? – спросил он.

– Можно.

Они бросились друг другу в объятия.

– Я тут слушал, что вам говорят проповедники ваши, – сказал римский проповедник с легким итальянским акцентом. Голову он держал ровно, говорил в одном направлении, словно обращался к кому-то конкретному в зале, говорил без видимого напряжения, и слова его были слышны во всех концах церкви. – В общем, интересно говорят. Про благочестие, и про то, как душу свою спасти. Есть всякие хитрости по этому поводу. Люди вообще любят хитрости. Чтобы поменьше трудиться, побольше спать, и чтобы кормили вкусно. В Риме есть у меня одна прихожанка, на хитрости падкая. До того она исхитрилась, что целый день ничего не делает, только ест ... ест, я говорю. Шам-шам. Жрет, гадина.

Аудитория стала обмениваться удивленными взглядами. По церкви прокатился смешок.

– Так исхитрилась – в дверь не проходит. Для исповеди ей изготовили специальную будку, отличную от других размерами. Половину собора занимает.

Ближние ряды засмеялись, и проповедник, против всех правил ораторского искусства, тоже засмеялся.

– У нее исповедь, – сказал он, – каждый раз начинается словами, «Вы не поверите, святой отец, сколько я сегодня съела».

Засмеялась вся аудитория.

– Интересный у него подход, – сказал Нестор на ухо Хелье.

– Да, он хорошо понимает людей, – отозвался Хелье. – Чем больше я о нем слышу всяких гадостей, тем больше он мне нравится.

– Почему? – спросил Нестор.

– А я смотрю на людей, которые его ненавидят. Люди эти как правило неприятны. И чем больше неприятны, тем больше гадостей говорят. Невольно задумаешься. А скажи мне, сын мой, давно ты летописцем стать решил, или недавно?

Нестор строго посмотрел на отца.

– С чего ты взял?

– Фолианты твои намеренно просматривал, да и нашел книгу одну.

– Это мои личные записи, – сердито сказал Нестор. – Как тебе не стыдно!

– Нет, личные – письма бывают. А у тебя летопись.

– Тем не менее, она не для посторонних глаз.

– Ну, прости своего глупого родителя, Нестор. И все-таки ответь – давно решил в плутархи заделаться?

– Да какие еще ... Как я понимаю, ты прочел набросок.

– Набросок летописи.

– И что же?

– А то, – сказал Хелье, – что там слова правды нет.

– Так ведь то летопись, – удивился Нестор. – Разве ж в летописях бывает правда?

Сперва Хелье даже не нашелся, что на такое ответить.

– А еретики – они не очень хитрые, – ораторствовал Бенедикт. – И мало их. Я вот ходил по улицам, спрашивал людей – ты, мол, еретик? И ни один не сказал – да, ага, точно, еретик. Нет в Париже еретиков!

Аудитория снова засмеялась.

– Былины – выдумка, сказки – выдумка, михвы – выдумка, – сказал Хелье. – А летопись должна отображать то, что было на самом деле.

– Назови такую летопись, – предложил Нестор.

– Назвать? Ну ... Вот Плутарх, к примеру...

– Это было давно, отец. Что там было на самом деле – кто ж его сейчас разберет. Наверняка многое из того, что там написано, Плутарх придумал сам.

– А Библия?

– Библия – не летопись.

– Я не об этом.

– А о чем?

– О заповеди. Есть такая, если помнишь – «Не лжесвидетельствуй».

– Нет.

– Что – нет?

– Не так там написано.

– А как?

– «Не лжесвидетельствуй на ближнего своего».

– И что же?

– Рюрик – он мой ближний? Я его не видел никогда. Я даже не знаю, был ли он на самом деле.

– По-моему, тебя надо просто выпороть хорошенько, – сказал Хелье. – Ладно. Скажи мне только – зачем ты все это пишешь?

– Не понял.

– Просто для хвоеволия, или славы возжелал? А может, ради денег?

– На спор.

– На спор, на спор ... Это такая шутка? – спросил Хелье.

– Нет. Просто как-то, года три назад...

– Ну, ну?

– Был я в детинце ... ты был в отъезде...

– Так. И?

– Зашла речь о Летописи Торбьорна. И я сказал, что там много неточностей и стиль корявый.

– Продолжай. Только потише, а то тут оборачиваются, мы им проповедника слушать не даем.

– Ярослав к этому прицепился.

– Он присутствовал? Продолжай.

– Он мне сказал, что раз я такой умный, так не написать ли мне свою летопись. Я ему говорю – что ж тут такого сложного? Он говорит – вот триста гривен, я тебе заплачу, если допишешь до времен Святослава. И добавил – боюсь, что эти триста гривен ты никогда не получишь.

– Так. Дальше.

– Меня это задело.

– И с тех пор ты...

– Оказалось труднее, чем я думал, но не намного. Уж почти закончил. Пришлось перечитать много разного...

– Боюсь я, Нестор, что разговор шел вовсе не о трехстах гривнах.

Нестор промолчал.

– Боюсь, – продолжал Хелье, – что Элисабет строила тебе глазки, а ты и растаял.

– Хуже, – сказал Нестор.

– Что может быть хуже?

– Князь сказал, чтобы я в детинце больше не смел появляться, ибо по жизни ничем не занимаюсь, и человек я никчемный. Я ему сказал, что, напротив, занимаюсь, и что я летописец. Глупость сказал, понимаю. Но сказал. Вот он и прицепился – напиши, тогда прощу.

– Прощу – за что?

– Застал он нас с Элисабет тогда ... мы с ней целовались...

– Листья шуршащие...

Хелье сперва испугался, а затем ему стало смешно.

– Ладно, – сказал он. – Послушаем, чего он там болтает.

Меж тем Бенедикт искусно плел свою проповедь – время от времени добавляя лестную фразу, совершенно невзначай, по адресу – то парижан, то женщин, то короля, вставляя время от времени забавные случаи из жизни.

– Ходил я тут по городу, – разглагольствовал он, – расспрашивал людей. К примеру, сказали мне, что Церковь попустительствует нищим, и что нищие, коим Церковь обеспечивает неприкосновенность, даже платят за это Церкви налог.

По помещению прошел шепот – действительно, слухи такие ходили по городу, но как узнал о них римский проповедник, только вчера к нам прибывший – не на самом же деле он ходил по стратам, расспрашивал прохожих! Да и чего их расспрашивать – не скажут ведь, ибо в первую очередь подумают, что спрашивающий – спьян.

– Не скрою от вас, дети мои – Церковь может и рада была бы обложить нищих налогом, если бы хотя бы часть этого налога можно было бы с них получить. Может в Париже нищие особенные и с радостью расстаются с деньгами, не знаю.

Аудитория захихикала.

– Слов нет – на стражах кругом попрошайки, по страту не пройти. Добрые парижане думают, что попрошайки эти работать не хотят, а денег за день собирают столько, что ремесленнику за месяц не заработать. И подавать им поэтому противно. Есть тут один момент, мне лично не очень понятный. Если, как они утверждают, доход нищих в несколько раз превосходит доход ремесленников, то как же это в Париже до сих пор сохранились ремесленники?

Аудитория засмеялась.

– Рекомендую каждому, – сказал проповедник, – кто думает, что нищие богаче его, стать нищим. А что? Работать не надо, денег прорва. Попрошайничество грехом не является...

Смешок прошел по аудитории.

– Не является, – повторил проповедник. – Ни великим, ни малым. Вон там, у входа, тумба стоит, а в ней прорезь сделана – для пожертвований...

В окружении двадцати охранников на остров прибыл король Анри Первый. Толпа было закричала восторженно, но король, идя ко входу церкви, делал круглые глаза и прикладывал палец к губам, указывая на церковь – мол, не мешайте говорить человеку. Первые ряды, хихикая, передавали это вторым. В самой церкви слегка потеснились, давая королю дорогу. Король – двадцатидевятилетний, стройный, ухоженный брюнет в охотничьем костюме, с римским профилем, скромно встал в углу церкви. Все оборачивались, но он только делал строгие глаза и отрицательно качал головой – парижане были его друзья, и он таким образом просил их, друзей, не перебивать приезжего, а вместе слушать.

Приезжий же сделал вид, что ровно ничего не заметил.

– И на детей мне жаловались – церковь должна детей вразумлять! Так мне сказали. Это мне тоже не совсем понятно. В этом таиться какой-то скрытый смысл, по-моему. Как это – вразумлять? Иди мол, сюда, чадо, я тебя сейчас вразумлю, так, что ли? Ну, стал я добиваться – а что, собственно, дети делают не так. А мне сказали – а Заповедь нарушают. Я их спрашиваю – какую по счету? А они говорят, счета не помним, но это та, в которой говорится, что родителей надо слушаться.

Некоторая часть аудитории засмеялась.

– Нет такой заповеди, – сказал проповедник.

Другая часть аудитории заволновалась.

– Как это нет?

– Да как же!

– Да на прошлой проповеди...

– Есть, – сказал проповедник веско, – заповедь – «Чти родителей своих». Стал я ... тише, тише, дети мои ... стал я допытываться – что же все-таки имеют в виду родители, когда говорят, что дети у них непослушные. С непослушанием ведь бороться – не забор строить, а проще гораздо. Розгой несколько раз, и всё, и священника для этого приглашать не надо ... а то похудеет еще...

Засмеялась аудитория. Какие они там в Риме все – крамольные, едкие, насмешники! Не то, что у нас. Если бы у нас такие проповедники были, мы бы на каждую проповедь ходили.

– Нет, подумал я, здесь что-то другое. И обнаружил, что вовсе это не дети, а вполне уже взрослые люди, желающие жить так, как им нравится! Родителям это обидно, но тут уж ничего не поделаешь – нас такими создал Господь, друзья мои. И лучшее, что вы можете сделать – это одобрить выбор своего чада, да поддержать чадо в минуту трудную. Этим вы сохраните родительское достоинство.

Аудитория закивала, вздыхая, сдаваясь.

– Теперь же хочу я сказать несколько слов о королевской власти. Король у вас, дети мои, вполне приятный мужчина. Нам бы такого. Подождите! – сказал он и поднял руку, хотя никто и не думал ему возражать. – Я скажу вам, чем именно вы недовольны, чем вас ваш король не устраивает. А тем, что нарушает он традиции вековые. И вам обидно.

Аудитория насторожилась. Некоторые, зная, что король присутствует в церкви, стали мельком оглядываться и искать его глазами.

– Да, нарушает. Во-первых, он не деспот. Это, правда, совершенно возмутительно! Как я узнал об этом, так и возмутился. То есть как! Король – и не деспот. Помилуйте, это же несчастье-то какое!

Аудитория засмеялась.

– Во-вторых, он о вас думает. Королю не положено думать о своих подданных, что за глупости! Это неприлично просто! В третьих, он собой хорош, и вам обидно – у остальных государств монархи все уроды, как полагается, а у вас вон что. В четвертых, он сам правит государством, в то время как государством должны править воры и мошенники, в просторечии называемые – министры. В пятых, он дал полную свободу менестрелям, а народу хочется развлекаться не песнями, а казнями и повинностями. В шестых, он отдал Бургундию своему брату Роберу, вместо того, чтобы истязать вас налогами на ее содержание, ибо Бургундия сроду себя сама не содержала, а вы все рвались ее содержать. И, наконец, в седьмых, он умный. Это, конечно же, самое обидное.

Стоя в тени, слегка потупясь, Анри Первый пытался спрятать улыбку. Вот же, путан бордель, какой он, этот Бенедикт! Лиса коварная, как льстит, а? Но и приятно, не без этого, ибо есть в том, что он говорит, правда.

Проповедник тем временем перешел к основной части проповеди, по правилам. Но и эту часть, основывающуюся на фрагменте из Евангелия, он преподал на свой лад, а не как ее обычно оформляли священники и проповедники во время оно.

– И вот, стало быть, виноградник есть у человека. Что ж тут плохого! Покажите мне тут кого-нибудь, кто не хотел бы иметь виноградник, а хотел бы переплачивать виноторговцу. Нет таких?

Аудитория засмеялась и продолжала слушать, все больше завораживаясь представлением.

– И, помимо виноградника, есть у этого ферме два сына, здоровенные такие. Но вот приходит день, когда в винограднике вдруг работы много, одному не справится. И вот владелец виноградника идет к одному из сыновей и говорит ему, слушай, чадо великовозрастное, мне одному трудно, так ты приди, помоги, чего уж там. А сын, стало быть, загорелся желанием помочь отцу, и говорит, хорошо, отец, конечно, сразу после завтрака. Ведь виноградник, говорит он, это самое-самое наше семейное исконное, уж не первое поколение. Ведь это честь нашей семьи! Неужто ты думал, что я не приду, да как же тебе такое в голову пришло? Да я за этот самый виноградник все отдам! Да ведь это мое, наследное, как же не помочь тебе, подумай, отец! Отец обрадовался таким речам. А только, думает, одного помощника все-таки мало, поскольку ужас, сколько работы. – Бенедикт схватился за голову и оглядел аудиторию. – Невпроворот! Идет он ко второму сыну и говорит, сын мой, не справится мне одному! Брат твой согласился помочь, но потеряем много времени и часть урожая, нужен еще один помощник, обязательно. А второй сын, скотина, невежа, говорит – а знаешь что, отец? А иди-ка ты куда подальше со своим виноградом! Я с раннего детства только и слышу, что о твоём винограднике – глаза б не глядели! Надоел мне и ты, и твой виноградник! – Проповедник сделал паузу, а затем торжественно и со значением добавил, – И многими нехорошими словами назвал сын виноградник и отцовские потуги. – Аудитория ахнула, поразившись наглости второго сына.

– Да как же так! – начали говорить, нет, роптать, слушающие. – Да я бы такому сыну! Да такого сына нужно пороть нещадно! Да что же это за невежество! Да...

– Позавтракали, а после завтрака первый, примерный, сын отлучился на какое-то время, с друзьями на улице заговорился, да только к вечеру и вернулся. А второй сын, ругаясь себе под нос, весь день помогал отцу в винограднике.

Аудитория притихла.

– Рассказав притчу эту, – объяснил Бенедикт, – спросил Учитель своих апостолов – какой, по-вашему, сын лучше?

– Себе на уме Бенедикт, – заметил Хелье, расплачиваясь с перевозчиком.

– Забавный парень, – согласился Нестор.

– Надо бы с ним поговорить по душам. Но как он всех, всех ублажил, а? Одной речью. И народ, и духовенство, и правительство! Ладно ... Соберусь-ка я пока что ... нужно мне ехать в Венецию, Нестор. Поедешь со мной?

– Не знаю, – уклончиво ответил Нестор. – Скорее всего нет.

– Предложение делать не пробовал?

– Отец, оставь в покое мою личную жизнь.

– А я что? Я молчу, – Хелье развел руками. – Одобряю все твои решения, ну разве что ворчу слегка. Уж и поворчать нельзя. Эка Бенедикт меня вместе со всеми приложил.

Вошли в хибарку и увидели странное. Мишель и Гусь, переодетые королевскими гвардейцами, рылись в сундуке Нестора. Стало быть, все-таки позарились на «сбережения».

– Эй! – сказал Нестор строго. – Вы чего это?

Оба обернулись, засуетились, и Гусь выпростал из ножен зловещего вида сверд.

– Молчать, – сказал он. – Мишель, быстрее.

Мишель достал из сундука кожаную калиту. В калите звякнуло.

– Не двигайтесь с места, вы, оба, – приказал Гусь. – Отец с сыном, как трогательно.

– Нестор, отойди, – тихо и быстро сказал Хелье.

– Нестор, стоять! – возразил Гусь. – Мишель, ты долго будешь там копаться?

– У него еще перстень был где-то, – пробормотал Мишель, глядя через плечо на отца и сына.

– Стойте смирно, оба, – велел Гусь. – Не дергайтесь!

– Какие еще будут пожелания? – спросил Хелье.

– Пожелания такие, сьер, что ежели ты будешь нам мешать, мы свернем шею твоему отпрыску.

Этого говорить не следовало. Кровь бросилась Хелье в голову. Гуся спасло то, что драться он на самом деле не собирался, иначе грузность и сила его сослужили бы ему плохую службу – таких запросто не свалишь, пришлось бы ломать об его голову шез или ножку стола. Хелье сделал движение, Гусь среагировал, и в следующий момент лезвие ножа прилипло плоскостью к толстой шее Гуся.

– Бросай сверд, – сказал Хелье. – Считаю до одного. Раз.

Сверд грохнул об пол. Мишель провел быструю подготовительную работу по выхватыванию из ножен оружия, но сверд застрял и не хотел выхватываться. Хелье ударил Гуся коленом в пах, затем в ребра, локтем въехал в согнувшуюся жирную спину, и затем с размаху кулаком в ухо. Гусь рухнул на бок и получил несколько раз ногой в ребра. Мишель отступил и наткнулся на сундук. Хелье подошел и взял его за горло, поводя ножом.

– Калиту положи на сундук, – холодно сказал он.

Мишель поспешно подчинился.

– Отец...

– Молчи!

Хелье посадил Мишеля на сундук рядом с калитой и повернулся к Гусю.

– Вставай, толстяк, – сказал он. – Вставай, если не хочешь, чтобы хуже было.

– Хуже ... хуже! ... – застонал Гусь.

Хелье взял его за волосы, и Гусь, мыча, поднялся. Он хотел было защититься рукой, но Хелье тут же вывернул ему кисть неестественным образом, и Гусь издал протяжный звук на высокой ноте. Мишель вздрогнул.

Хелье был бледен, глаза сверкали. Убедившись, что Мишель и Гусь сидят смиренно на сундуке и не собираются более ему перечить, он подобрал сверд Гуся, отошел в раздражении к столу, глянул зло на Нестора (Нестор отшатнулся) и некоторое время смотрел на разложенные на столе свитки. Один из свитков он показал Нестору, взяв двумя пальцами.

– Что это? – спросил Нестор. – Это ... э...

– План какого-то мезона, – сказал Хелье, вглядываясь.

Бросив план на стол, он положил поверх бумаг сверд.

Мишелю было стыдно и страшно. Поняв раньше Гуся, что отец Нестора – человек серьезный, он сидел на сундуке рядом со стонущим Гусем, не смея поднять глаза. Бальтирад натянулся, сверд в ножнах уперся в бок сундука – Мишель не смел его поправить, дабы не возбудить подозрения Хелье, не вызвать его гнев. Он не любил драки и никогда в них не ввязывался.

Нестор и раньше видел своего отца в схватке, видел упражнения с вояками, коим по просьбе Ярослава Хелье давал уроки на заднем дворе дома, видел шуточные игры Хелье с Гостемилом, и оставался равнодушен. Нестор вообще не любил драки и стычки, если в них не было эпикки исторической. По молодости, или из-за общей внутренней расслабленности, мысль, что современные драки могут показаться эпическими будущим летописцам, не приходила ему в голову.

– Хорошие у тебя друзья, – сказал Хелье Нестору. – Невинные алумни. Дурак.

– Отец, я ведь...

– Ты сопляк и невежда, и в людях не разбираешься. Три недели у тебя под носом планируют грабеж, даже чертежи где-то управились достать. Ну, вот тебе урок. Вот скажи, глядя на этот самый план – что это за мезон такой? Для чего он им нужен?

– Отец, я...

– План мезона в руках татей, сын мой, может означать только одно – в этом мезоне хранятся деньги. Теперь давай подумаем, что это за деньги и что за мезон. Какие у тебя предположения?

– Я...

– Отвечай, когда отец спрашивает!

– Не знаю...

– Не знаешь? Купцы с Правого Берега хранят золото в Венеции, если достаточно богаты. А в Париже у них лишь небольшая часть, для торговли. И охрана у них зверская. Сбережения ремесленников не стоят трех недель планирования. Церковь грабить твоим друзьям не с руки – в церквях день на день не попадает, да и прячут церковники свою казну умело. Так прячут, что и охраны им не нужно. Далее, заметь, что переодеты юноши гвардейцами. Вывод напрашивается сам собой. Какой вывод?

– Отец, ты вон как Гуся отделал...

Гусь всё пытался остановить кровь, льющуюся из носа. Мишель боялся ему помогать, боялся сказать хоть слово, боялся двинуться. Гусь похныкивал и старался не вертеть торсом.

– Алумни наши собрались опустошать королевскую казну, находящуюся в подвальном помещении мезона, прилегающего к пале. Охрана из десяти человек, сменяются каж-

дые шесть часов. Вдвоем эти увальни с ними не справятся, а это значит, что некоторые из стражников введены в долю, равно как и казначей. Как бишь его? Странная кличка ... Бату, кажется.

Мишеля охватил ужас. Этот человек – королевский спьен. Король все знает. Сейчас придут ратники, Мишеля и Гуся схватят, посадят в подземелье, будут пытать, и казнят.

– Для остальных придуман отвлекающий маневр, – продолжал Хелье. – Не очень сложный, наверняка связано с наймом служительниц какого-нибудь борделя. – Он повернулся к Нестору. – Хорлов терем на местном наречии – бордель, не так ли?

– А я откуда знаю? – растерянно спросил Нестор. – Я в такие заведения не хожу.

– Не ханжи, сын мой, тебе это не к лицу, – наставительно заметил ему Хелье.

– Я не ханжу, просто дорого там.

– Ага. Ну, что ж. Итак, горе-алумни переоделись и уходят – следовательно, ограбление назначено на это время. Как-то глупо. Вы, молодые люди, умом обижены.

– Отец, ты...

– Заткнись, Нестор.

Хелье подошел к татам.

– Смотреть на меня! Две глупости подряд вы совершили. Во-первых, потратив столько трудов на планирование, вы все испортили, позарившись на скромные медяки бедного алумно. И вторая глупость – вы задели мои отцовские чувства.

– Это Гусь по глупости, – поспешно заверил Мишель. – Ты, добрый человек, не слушай Гуся, он вовсе ничего такого не имел в виду, мы люди мирные.

– Мирные? – Хелье снова разозлился. – А вот я сейчас провожу вас, мирных людей, к королю. Пусть он решит, мирные вы или нет. А?

Он сделал шаг вперед. Гусь взвизгнул и захныкал, а Мишель прикрывался, ожидая удара.

В дверь постучали.

Глава девятая. Новая власть

Они позавтракали, понежились в постели, откладывая момент, когда необходимо будет все-таки что-то решать и, возможно, скрывать что-то друг от друга.

– А если я стану королем, – сказал наконец Казимир, – мне нужно будет давать отчет Неустрасимым, советоваться с ними?

– Нет. Это они будут давать отчет.

– Кому?

– Мне, – объяснила Мария.

– А я что буду делать?

– А ты будешь меня любить.

– А воевать кто будет?

– А воевать будет твое войско.

– А я?

– А ты не будешь воевать.

– Почему?

– Потому что ребенку нужен отец.

– А если ... если я откажусь от ... слушай, давай просто куда-нибудь уедем. В Венецию, например.

– Там меня знают.

– В Бургундию.

– Меня и там знают.

– Ну, куда-нибудь, где тебя не знают.

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что у меня есть перед Содружеством обязательства.

– У меня тоже есть обязательства! Ничем они не хуже твоих.

– Это так.

– Ну вот, видишь.

– А только – если ты нарушишь свои обязательства, я сумею тебя защитить, – сказала она. – А если я нарушу свои, меня никто не защитит, и тебя тоже.

– Как все сложно! – возмутился Казимир. – Угораздило же тебя ... меня ... Ну почему!

– Бедный мой мальчик, – сказала Мария. – Действительно, все это не просто. Не грусти. Она считает, что мною можно помыкать, подумал он.

– Но ... – сказал он.

– Тише, – вдруг сказала Мария тревожным шепотом.

– А?

– Тише!

Побывав во многих переделках, Мария хорошо чувствовала опасность. В доме находились посторонние.

Любые посторонние в доме, кроме, может быть, любовника Маринки – опасны.

Где Эржбета?

Казимир тоже почувствовал движение в доме. Быстро оглядев спальню, он рывком выскочил из постели и, ступая по-кошачьи, переместился к своей одежде на сундуке. Первая мысль была – рубаха. Все мужчины в момент опасности думают прежде всего о прикрытии гениталий – защите главного. Но в этот момент в дверь ударили извне, засов отскочил, и в комнату один за другим стали входить крупные, боевого вида мужчины, поэтому Казимир схватил кинжал, лежащий рядом с ворохом одежды – и кинулся к ложу. Защищать Марию.

– Не подходите, – предупредил он.

Суровые мужи не улыбнулись и ничего не ответили, а лишь разошлись по спальне полукругом. Последним вошел Рагнар.

– Как видите, друзья мои, я говорил вам правду, – сказал он. – Приручение, о котором нам поведала Мария, идет вовсю. Вот только кто кого приручает не очень понятно.

– Ты, Рагнар, проходимец, каких свет не видел! – крикнула Мария.

– Возможно. Друзья мои, что это мы действительно – вторглись к молодоженам? У них медовый месяц, не так ли! Конрад Второй подарил вассалам польский трон, Бенедикт Девятый оплатил издержки. Остается выяснить, как именно угодил чете брат невесты Ярослав. Уж не тридцатью ли тысячами войска? Это обязательно нужно выяснить. Первейшее дело.

– Это ложь! – сказала Мария. – Он вас обманывает!

– Княжна, слова твои звучат неубедительно, – заметил ей Бьярке. – Рядом с этим парнем, в постели, нагишом ... сама понимаешь...

Казимир посмотрел на Бьярке внимательно и с ненавистью. Что-то в лице этого человека показалось ему знакомым.

– Рагнар вам головы морочит, чтобы захватить всю власть! – закричала Мария. – Как вы смеете! Я в Содружестве двадцать лет!

– Слишком долго, – заметил Рагнар. – Княжна, ты подумай, уж если я привел сюда всех наших друзей, значит, я нашел и предъявил доказательства, не так ли.

– Какие доказательства!

– Человека, который служил нашим врагам, а теперь во всем признался, я представил Содружеству. Он из свиты вот этого парня, – Рагнар кивнул в сторону Казимира.

Лех, подумал Казимир. Не знаю, что он им сказал, но это Лех.

– Сейчас мы приведем его ... тут много комнат, хороший дом, княжна ... приведем ... Зовут его Ежи. Он повторит все, что сказал давеча, сидя напротив Казимира. Казимир, советую тебе самому положить нож на пол и надеть рубаху.

– Нет, – сказал Казимир.

– Делай так, как он говорит, – велела Мария. – И говори им все, как есть. Может, они поверят. Рагнар, я тебе этого никогда не прощу!

– Нет, – повторил Казимир.

Рагнар кивнул Бьярке. Тот шагнул вперед – Казимир выставил перед собой нож, защищая голый спиной Марию. Бьярке протянул руку, но Казимир, отступив, вывернулся, отскочил вбок, и тут его ударили кулаком в затылок. Он упал, выронил нож, и нож тут же забрали, а самого его подняли на ноги и, прихватив его одежду, вышли с ним – в кладовую, оставив Рагнара наедине с Марией.

– Послушай меня, – сказал Рагнар, присаживаясь на край ложа – Мария отодвинулась вглубь, сверкая глазами. – Ты не так уж виновата, как тебе кажется.

Она презрительно фыркнула.

– Подлец.

– Дело не в этом сопляке, и не в том, с кем ты спишь, и даже не в том, что ты нарушаешь основное положение Содружества, ставя личные интересы выше интересов Неустрашимых, хотя одного этого было бы достаточно ... Начинается новая эпоха. Твои представления о власти и целях – из предыдущей эпохи, и нам они больше не подходят. В том виде, в каком они существовали двадцать лет назад, Неустрашимые просто не смогли бы сегодня выжить. Изменился мир, и новое поколение требует новых идей, и сила – за теми, кто первый эти идеи даст. Ты посвятила делу Неустрашимых большую часть жизни – ты последняя из предыдущего поколения предводителей Содружества – ты должна понять. И если ты поймешь все, и поймешь правильно, обещаю тебе, что остальную свою жизнь проведешь ты, если не в приятствии полном, то, во всяком случае, в комфорте.

Бедный Казимир, думала Мария. Бедный мой мальчик. Я во всем виновата. Как унижительно. Мне бы сейчас кинжал. Где же Эржбета? Где?

– У каждого руководителя Неустрашимых есть средства, – сказал Рагнар, чуть понижая голос, – и круг влияния. Где хранятся средства, ты объяснишь мне на словах. А своим знакомым, через которых ты осуществляешь свое влияние, ты напишешь письма, в которых уведомишь их, что отныне они должны подчиняться мне. В благодарность за это я сделаю так, что тебя не будут ни пытаться, ни насиловать прилюдно, ни морить голодом или бессонницей. Ты просто примешь постриг и удалишься в монастырь.

– В монастырь? – Мария искренне удивилась. – Постриг?

– Видишь, как отстала ты от событий, Мария. Сколько тебе? Сорок? Сорок два? Еще сто лет назад это был весьма почтенный возраст, но времена меняются, и сегодня это еще не глубокая старость. И тем не менее – ты просто не готова понять ... многое. Да, у Неустрашимых есть теперь подвластные им монастыри. И начинание это – даже не мое, а моего предшественника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.